

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2025 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

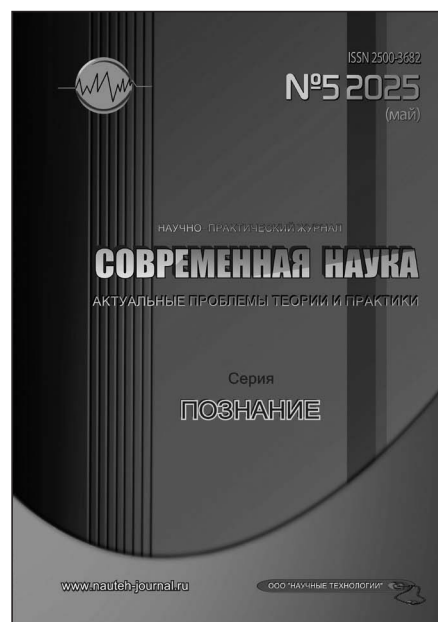
Подписано в печать 12.05.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №5 (май) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Вербицкая Е.А. – Звукорежиссерская партитура в театральных постановках начала XXI века
Verbitskaia E. – Sound engineering score in theater productions of the early XXI century 5

Дэн Хун – Отражение традиционных религиозных представлений в современном восточноазиатском искусстве
Deng Hong – Reflection of traditional religious ideas in modern East Asian art 9

Палариани И.Л. – Реставрация как диалог с историей: памятники Москвы в современном контексте
Palariani I. – Restoration as a dialogue with history: monuments of Moscow in a modern context 13

Пшенко Р.А. – Поморская торговля как механизм формирования межкультурных связей: культурологический анализ
Pshenko R. – Pomor trade as a mechanism for the formation of intercultural connections: a cultural analysis 18

Психология

Алехин А.Н., Исагулова Е.Ю. – Роль семьи при реабилитации и коррекции аддиктивного поведения подростков при пограничном расстройстве личности
Alekhin A., Isagulova E. – The role of the family in the rehabilitation and correction of adolescent addictive behavior in borderline personality disorder 26

Берг О.Ф. – Копинг-стратегии как инструменты повышения осознанности личности в условиях неопределенности
Berg O. – Coping-strategies as tools for increasing personal awareness in conditions of uncertainty 35

Глущенко И.А., Петьков В.А., Демченко Н.Ю., Аров Х.Н., Огарь Е.В. – Психолого-педагогические условия формирования мотивации достижения подростков в спортивной деятельности
Glushchenko I., Petkov V., Demchenko N., Arov H., Ogar E. – Psychological and pedagogical conditions formation of achievement motivation teenagers in sports activities 39

Емельянова Л.А. – Основные характеристики временного фокуса личности у студентов-бакалавров
Emelyanova L. – The main characteristics of the temporary focus of personality among undergraduate students 44

Кулова С.О. – Взаимосвязь полоролевой идентичности и акцентуаций характера у поколения Y
Kulova S. – The relationship between gender-role identity and character accentuations in generation Y 48

Куровский С.В., Мишин Д.А., Федоров А.Н. – Программа развития эмоционального интеллекта у школьников
Kurovsky S., Mishin D., Fedorov A. – Emotional intelligence development program for schoolchildren 54

Милехин И.А. – Эмоциональное выгорание создателей рекламы: психологические аспекты проблемы
Milekhin I. – Emotional burnout of advertising creators: psychological aspects of the problem. 60

Педич Г.Г., Исакович Е.И. – Талант и гениальность как виды положительной девиации
Pedich G., Isakovich E. – Talent and genius as types of positive deviation 66

Яньшина И.В. – Влияние психотипов на написание политико-экономического анализа статей: шизоидный, невротический и истероидный стили
Yanshina I. – The influence of psych types in the writing of political and economic analysis of articles: schizoid, neurotic, and hysterical styles 72

Гарколь Н.С., Пономаренко О.П. – Социально-философский анализ рекламного контента в китайских СМИ <i>Garkol N., Ponomarenko O.</i> – Socio-philosophical analysis of advertising content in Chinese media... 77	77
Григоренко Е.В. – Врождённое знание: основные теоретико-методологические подходы в современной философии <i>Grigorenko E.</i> – Innate knowledge: the main theoretical and methodological approaches in modern philosophy..... 83	83
Кучин А.В. – Риски и перспективы феномена международных неправительственных политических организаций в контексте философии современности <i>Kuchin A.</i> – Risks and prospects of the phenomenon of international non-governmental political organizations in the context of modern philosophy 90	90
Скопа В.А., Губанова Т.И. – Проблема смысла жизни в идейных воззрениях русских религиозных философов конца XIX — начала XX веков <i>Skopa V., Gubanova T.</i> – The problem of the meaning of life in the ideological views of Russian religious philosophers of the late 19th — early 20th centuries 94	94

Соколов И.А. – Фигура русского средневекового иконописца в концепции восточнохристианского святоотеческого холизма

Sokolov I. – The figure of Russian medieval iconographer in the concept of eastern Christian patritic holism 99

Станиславова И.Л., Соловьева Г.В., Нагиев Г.Г. –

Поиски внутреннего «я» в ментальном пространстве личности

Stanislavova I., Solovyova G., Nagiev G. – Search for the inner "i" in the mental space of the person ... 107

Филатов В.В. – Сравнительный анализ философии Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана

Filatov V. – A comparative analysis of the philosophy of Arthur Schopenhauer and Eduard von Hartmann 112

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 115

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 116

ЗВУКОРЕЖИССЕРСКАЯ ПАРТИТУРА В ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВКАХ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Вербицкая Екатерина Андреевна

Аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов;
звукорежиссер, музыкальный оформитель,
Театр-фестиваля «Балтийский дом»
catver@bk.ru

SOUND ENGINEERING SCORE IN THEATER PRODUCTIONS OF THE EARLY XXI CENTURY

E. Verbitskaia

Summary: A performance in a drama theater exists in the integrity of the visual and auditory, however, very little attention is paid to the problem of the sound design of the performance from the perspective of modern art criticism, which actualizes the research problem. The article defines a sound engineering score as a form of recording various aspects of creating a sound picture of a performance. It is noted that the sound score is a special system for recording the use of expressive means available to the sound engineer. It includes various elements (music, noises, dynamic range, sound movement in space, the use of microphones and effects) synchronized with the elements of the stage action (movements of characters, text cues). It is concluded that the sound engineering score serves to fix and then reproduce the sound picture and is an integral part of creating the artistic imagery of the performance.

Keywords: music, musical design, theater, sound, audio technology, art, sound engineering, musical and artistic imagery, sound score.

Аннотация: Спектакль в драматическом театре существует в целостности визуального и аудиального, однако проблеме звукового оформления спектакля с позиции современного искусствоведения уделяется еще очень мало внимания, что актуализирует проблематику исследования. В статье дается определение звукорежиссерской партитуры как формы записи различных аспектов создания звуковой картины спектакля. При этом отмечается, что звуковая партитура – особая система фиксации применения выразительных средств, доступных звукорежиссеру. Она включает в себя различные элементы (музыку, шумы, динамический диапазон, движение звука в пространстве, применение микрофонов и эффектов), синхронизируемые с элементами сценического действия (движения персонажей, текстовые реплики). Делается вывод о том, что звукорежиссерская партитура служит для фиксации и последующего воспроизведения звуковой картины и является неотъемлемой частью создания художественной образности спектакля.

Ключевые слова: музыка, музыкальное оформление, театр, звук, аудиотехнологии, искусство, звукорежиссура, музыкально-художественная образность, звукорежиссерская партитура.

Театр является важной частью современной художественной культуры, а его звуковая составляющая (музыка, шумы, эффекты и т.д.) имеет огромное значение в данном виде искусства. Технический прогресс рубежа XX-XXI веков значительно повлиял на развитие театра, обогатив творческие процессы современными технологиями. «Техника производит настоящие чудеса» [1, с. 3], придавая современным постановкам возможность совершенно особым образом влиять на зрительское восприятие. Расширение инструментария работы со звуком приводит к необходимости вовлечения в творческий процесс специалистов новых профессий, таких как звукорежиссер и саунд-дизайнер. Этими специалистами в сотворчестве с режиссером и композитором (или музыкальным оформителем) создаются сложные звуковые картины в контексте драматического действия. Так как «театр – это магия, которая происходит здесь и сейчас», не достаточно единожды придумать такую звуковую картину, нужно воссоздавать ее во время каждого спектакля. В связи с этим актуальной становится проблема записи звуковых выразительных средств и создания звукорежиссерской партитуры, подобной с одной стороны – партитуре, создаваемой композитором при написании музыки, с другой – партитуре режиссерской.

Вопросы звукописи и музыкальной нотации рассмотрены в работах: Е.И. Ароновой, И.А. Барсовой, М.В. Бражникова, З.М. Гусейновой, Е.И. Дубинца, В.Г. Карцовника, В.М. Металлова, Н.Д. Успенского, и других. Вопросы трансформации драматического текста в режиссерский план (партитуру) нашла свое отражение в работах Т.А. Григорьянц, В.В. Защепкиной, И.В. Цунского. Также рассуждения на эту тему можно найти у режиссеров: Г.А. Товстоногова [2] и В.В. Фокина [3].

Проблема создания звукорежиссерской партитуры как части создания художественной образности спектакля является практически не изученной с искусствоведческой точки зрения, при этом, в области практической существуют некоторые устоявшиеся принципы записи, используемые звукорежиссерами во многих театрах России и СНГ. Таким образом, осмысление с позиции современного искусствоведения звукорежиссерской партитуры как инструмента воспроизведения и интерпретации художественного замысла режиссера в театральном произведении, представляет научный интерес и является целью данной работы.

Прежде всего, необходимо дать определение *звукорежиссерской партитуры* с позиции образности спек-

такля. В научной музыкальной литературе *партитура* представляет собой нотную запись всех партий многоголосного музыкального произведения [4, с. 34]. Вид и структура партитуры в музыке совершенствуются и ныне. *Звукорежиссерская партитура, по нашему мнению, - это структуризация и запись всех аспектов создания звуковой картины спектакля (музыки, звука, шумов, технологий) с целью создания целостности художественной образности спектакля.* Звукорежиссерская партитура (далее ЗП) читается целыми строками по горизонтали, и каждая из этих строк является отражением проявления отдельного элемента звуковой картины. В современном театре она подобна нотной партитуре дирижера и является неотъемлемой частью работы специалиста, обеспечивающего звуковое оформление спектакля. Без звукорежиссерской партитуры представляется невозможным создание целостности, художественной выразительности и образности театрального произведения.

По причине того, что искусствоведческий понятийный аппарат в контексте звукорежиссерской деятельности в театре находится в стадии разработки, представляется необходимым пояснить термин *звуковая картина* и ввести понятие *звуковое полотно*. «Звуковая картина» спектакля подобна картине художника, только нарисована не красками, а звуками, каждый из которых имеет свое место, динамику, объем, семантическое и эмоциональное значение. Динов отмечает, что звукорежиссер «строит звуковые изображения, активизирующие в подсознании, а затем – и в сознании слушателя дополнительную умственную и эстетическую деятельность» [5, с. 20]. В книге «Музыкальная форма как процесс» [6] Б.В. Асафьев рассматривает *музыкальное произведение* не как застывшую схему, а как явление, развертывающееся во времени, как архитектурное целое единства двух сторон формы: процесса и результата. В данной статье понятие *звуковая картина* будет применяться в значении законченной формы, в которой уже свершились все звуковые события. К этой форме, получаемой в результате деятельности звукорежиссера, следует стремиться при последующих показах спектакля, для чего элементы звуковой картины фиксируются в звукорежиссерской партитуре в процессе создания театрального произведения. *Звуковым полотном* автор будет называть процесс материализации различных элементов звуковой картины на разных этапах ее создания или последующего воспроизведения, т.е. звуковую картину в еще неоконченном состоянии. Рассмотрим, из каких же элементов состоит звуковая картина и систематизируем средства выразительности, доступные звукорежиссеру при работе над звуковым полотном.

Звукорежиссер в театре – «новый вид творческой деятельности со своими специфическими средствами художественной выразительности» [7, с. 5], театр же су-

ществует столько же, сколько существует человечество. Соответственно и без участия звукорежиссера, театральное действие представляет сложное акустическое полотно, подобное холсту с наброском. Задачей звукорежиссера при создании и проведении спектакля является дополнение этого полотна шумовыми, музыкальными и прочими выразительными красками в соответствии с режиссерским замыслом, и создание целостной звуковой картины. В драматическом театре «слово становится венцом творчества, оно же должно быть и источником всех задач - и психологических, и пластических» [8, с. 214] поэтому формообразующим и главным элементом изначального акустического полотна естественным образом является драматический текст, произносимый актерами. «Таков обычный современный драматический театр, о котором говорят с равным правом, что его основой является драматургия и что его основой является искусство актера» [9, с. 378]. Кроме голосов изначальное полотно включает в себя различные естественные шумы (шаги, звуки, создаваемые движением декораций, работой сценической машинерии и пр.). В спектакле могут присутствовать дополнительные звуковые объекты (настоящие телефоны, звонки, радиоприемники, шумовые или музыкальные инструменты и т.д.). Значительный вклад в восприятие слышимого вносит шум зала, наполненного зрителями и акустика помещения. «Влияние помещения на качество исполнения и восприятия музыки и речи хорошо известно любому исполнителю, лектору и слушателю» [10, с. 471].

Е.В. Назайкинский [11] рассматривает два уровня музыкального пространства: реальное (архитектура зала, акустика, расположение инструментов и исполнителей) и художественное (пространственность музыкальной ткани, пространственные компоненты воздействия этой ткани в целом и ее элементов на восприятие слушателей). Для того, чтобы на базе реального пространства создать пространство художественное звукорежиссеру необходимо «проявить» и «раскрасить» вышеописанную изначальную звучащую реальность, сделать какие-то ее элементы более яркими, а какие-то – наоборот скрыть. Для этого звукорежиссер использует различные средства выразительности. Одним из таких средств является использование микрофонов, которыми подзвучивается нужное и придается ему определенный характер (громкость, крупность, благозвучность и т.д.). Дополнительным средством изменения ощущений, вызываемых голосами и естественными шумами, являются различные звуковые эффекты (эхо, изменение высоты тона и т.д.).

Для полноценного раскрытия сценического произведения, замысла режиссера, а также для создания эмоциональной атмосферы и целостности восприятия, проявленное звуковое полотно дополняется музыкально-шумовой составляющей. Автор в данной статье намеренно не делает разделение между шумами и музыкой,

т.к. в современном искусстве граница между музыкальным и немusикальным может быть размыта, примерами чего являются произведения композиторов-авангардистов (Пьер Шеффер, Пьер Булез, Софья Губайдуллина). В театре подобный синтез был и остается актуальным, а в последнее десятилетие широкое распространение получил саунд-дизайн, включающий в себя эксперименты с синтезом различных звучаний. Кроме того, в контексте звукорежиссерской партитуры точное определение музыкальной или немusикальной природы звучания является непринципиальным. Музыкально-шумовое оформление может быть записано на электронном носителе и включаться звукорежиссером, а может быть сыграно музыкантами и соответственно по необходимости подчеркнуто микрофонами.

Все вышеперечисленные составляющие слышимого должны быть в определенном балансе. Также немаловажен принцип их распределения между акустическими системами (звуки могут доноситься из глубины сцены, из зала, ассоциироваться с какими-то локальными объектами, перемещаться и т.д.). «Пространство мнимых источников, создаваемых различными пространственными системами воспроизведения (стереофоническими, Surround и др.), и создает стереоэффект - по существу, это "большой обман" нашего слухового аппарата»^[12]. Такое распределение звука в пространстве в сочетании с балансом громкостей различных элементов звуковой картины оказывают сильное влияние на стилистику спектакля и его целостное восприятие.

«Поскольку – как бы не обновлялся театральный процесс новыми типами театральной эстетики – база развития драматического театра осталась прежней: это стремление к концептуальной целостности и большой значимости смежных со сценой элементов действия»^[13, с. 13]. Для дополнения ощущения целостности в современном театре часто применяется инструмент автоматической синхронизации работы звука, света и видео – таймкод, позволяющий добиться идеально слаженности работы разных технических элементов действия, управляемых разными людьми, что способствует созданию мимесиса.

Профессиональный звукорежиссерский опыт автора исследования является основой достоверности делаемых выводов на основе участия в создании звуковой картины спектаклей театра «Балтийский дом» (с 2012 года по настоящее время), а также наблюдений за звукорежиссерской практикой в разных Петербургских театрах (БДТ, Александринский театр, Театр им. А. Мировна, Молодежный театр на Фонтанке и др.) и в разных театрах России и СНГ. Автор имел возможность увидеть и провести сравнительный анализ множества звукорежиссерских партитур. В результате был сделан вывод о том, что общепринятой строгой формы звукорежиссер-

ской партитуры не существует. Однако стоит заметить, что во многих театрах пользуются схемой, сложившейся примерно в 1990-х годах (со слов звукорежиссеров), распространившейся и укоренившейся повсеместно лишь с некоторыми отличиями, такими, как условные знаки, способы разметки цветом и количеством граф, выделенных под различные художественные приемы (что связано, прежде всего, со спецификой разных театральных залов и их технической оснащенностью).

Звукорежиссерская партитура спектакля представляет собой таблицу, разделенную по вертикали на графы, озаглавленные следующим образом: номер; кто; реплика; источник; содержание; до; каналы (или планы звука); микрофоны; эффекты. Горизонтально партитура разделена на строки, каждая из которых соответствует отдельному звуковому событию, синхронизируемому со сценическим действием. При заполнении строк применяются буквенные сокращения, графические символы, музыкальные термины и знаки.

Для ЗП характерна лаконичность, причиной этого является специфика звукорежиссерской работы, в которой необходимым является очень быстрая художественно-технологическая синхронизация аудиального и визуального в спектакле. На практике многие звукорежиссеры знают партитуры своих спектаклей наизусть. Однако в профессиональной реальности (когда спектакль редко представляется зрителю или вводится новый звукорежиссер) наличие партитуры становится важным фактором художественного аудиального осуществления спектакля.

При чтении и воспроизведении ЗП (особенно при наличии музыкальных переходов или одновременном звучании нескольких элементов) значима структурность записи всех деталей звуковой картины, чтобы формировать у зрителя целостное художественно-акустическое восприятие в контексте сценического действия.

Таким образом, ЗП имеет определенную устоявшуюся структуру и представляет систему применения выразительных средств, доступных звукорежиссеру с целью создания художественной образности спектакля и подразумевает, что подобно нотной партитуре, в ней подробно расписываются синхронизируемые друг относительно друга различные элементы звуковой картины, приведенные в соответствие со сценическим действием (текстовые реплики, названия музыки и шумов, динамический диапазон, движение звука в пространстве, применение микрофонов и эффектов). В ней применяются различные обозначения (музыкальные термины и знаки, буквенные сокращения, графические и структурно-системные символы). Звукорежиссерская партитура с одной стороны достаточно строго определяет место и время применения тех или иных художественных приемов,

с другой – имеет широкую вариативность трактовки, как и партитура музыкального произведения в руках дирижера. Работа разных звукорежиссеров по одной и той же ЗП может заметно различаться, т.к. интерпретация,

понимание режиссерских задач, а также степень эмоциональной вовлеченности и слуховой опыт влияют на характер создаваемой художественно-звуковой образности и восприятие спектакля зрителем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев. Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники). // Путь. - Май 1933. - №38. - С. 3-37.
2. Фокин В.В. Беседы о профессии, репетиции. - СПб: Балтийские сезоны, 2006. - 286 с.
3. Товстоногов Г.А. Репетиции. - СПб: Балтийские сезоны, 2015. - 715 с.
4. Барсова И.А. Очерки по истории партитурной нотации (XVI - первая половина XVIII века). - М.: Московская государственная консерватория, 1997. - 571 с.
5. Динов В.Г. Звуковая картина: Записки о звукорежиссуре. - 4-е изд. - СПб.: Лань; Планета музыки, 2016. - 488 с.
6. Асафьев В.Б. Музыкальная форма как процесс. - 2-е изд. - Л.: Музыка, 1971. - 376 с.
7. Таршис Н.А. Музыка драматического спектакля. - изд. 2-е, исправленное. - СПб.: Издательство СПбГАТИ, 2010. - 163 с.
8. Немирович-Данченко В. И. Театральное наследие в 2 томах. Т.1. - М.: Искусство, 1952. - 442 с.
9. Каган М.С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. - Л.: Искусство. 1972. - 440 с.
10. Алдошина И.А., Приттс Р. Музыкальная акустика. Учебник. - СПб.: Композитор, 2006. - 720 с.
11. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия. — М.: Музыка, 1972. - 383 с.
12. Алдошина И.А. Основы психоакустики часть 4. Бинауральный слух и пространственная локализация. // Звукорежиссер. - 1999. - №10. — Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://digitalmusicacademy.ru/sites/default/files/content/aldoshina-psihoakustika.pdf> (дата обращения: 08.08.2024).
13. Коробейников С.С. Режиссура и музыка в театре. М.: Издательство Юрайт, 2024. - 145 с.

© Вербицкая Екатерина Андреевна (catver@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОМ ИСКУССТВЕ¹

Дэн Хун

Старший преподаватель, Хэйхэский университет
1274978167@qq.com

REFLECTION OF TRADITIONAL RELIGIOUS IDEAS IN MODERN EAST ASIAN ART

Deng Hong

Summary: The purpose of this study is to examine the genesis of the culture and religion of China, Japan and Korea, and to consider how traditional cultural and religious ideas are reflected in modern East Asian literature using the example of the novel «Blessing of the Celestials» by Mo Xiang Tong Xu. The article examines the features of the stages of development of East Asian culture and their representation in the plots and composition of literary texts. The scientific novelty of the study lies in the fact that this issue has not come to the attention of cultural scientists, despite the fact that in the modern world the popularity of East Asian culture is growing. As a result, it was determined that modern East Asian works are based on cultural and religious allusions that give them depth of content.

Keywords: East Asian culture, totemism, animism, cult, Buddhism, Taoism, mythology, mythologem, allusion.

Аннотация: Цель настоящего исследования – изучить генезис культуры и религии Китая, Японии и Кореи, а также рассмотреть, как традиционные культурные и религиозные представления отражаются в современной восточноазиатской литературе на примере романа «Благословение небожителей» Мосяна Тунсю. В статье рассматриваются особенности этапов развития восточноазиатской культуры и их представление в сюжетах и композиции литературных текстов. Научная новизна исследования заключается в том, что данная проблематика не попадала в поле зрения культурологов, несмотря на то что в современном мире популярность восточноазиатской культуры растет. В результате определено, что в основе современных восточноазиатских произведений лежат культурные и религиозные аллюзии, придающие им глубину содержания.

Ключевые слова: восточноазиатская культура, тотемизм, анимизм, культ, буддизм, даосизм, мифология, мифологема, аллюзия.

Сегодня в связи с геополитической ситуацией в мире всё больше людей хотят изучать языки восточных стран – Китая, Японии, Кореи. Популярность восточноазиатской литературы также неуклонно растет. Чтение китайских, корейских, японских произведений, а также овладение языками невозможны без понимания культуры и истории этого региона. Существует много отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных описанию азиатской культуры, но многие из них публикуются на закрытых Интернет-ресурсах или в малоизвестных журналах. Из-за недоступности материалов формируется ошибочное представление о культуре стран Восточной Азии.

Актуальность данной работы заключается в том, что для развития коммуникации (в широком смысле) со странами Восточной Азии, обусловленной нарушением мирового баланса, нужно знать особенности культуры и менталитета этих народов.

Целью исследования является изучение генезиса культуры и религии Китая, Японии и Кореи, а также рассмотрение того, как традиционные культурные и религиозные представления отражаются в современной восточноазиатской литературе. Заявленная цель определяет структуру статьи: в первой части работы будет проведен краткий экскурс в историю становления восточноазиатской культуры, во второй – анализ произведения современной литературы, предметом которого является выявление культурных мифологем.

Задачами исследования являются:

- выделение основных периодов развития культуры Восточной Азии;
- выявление и описание особенностей каждого этапа в развитии восточноазиатской культуры;
- анализ романа «Благословение небожителей» китайского автора Мосяна Тунсю – с целью увидеть в нем отражение культурных и религиозных представлений.

¹ Исследование выполнено по гранту: Исследование развития в области научно- популярного туризма по нематериальному культурному наследию в провинции Хэйлунцзян на основе ракурса культурной и туристической интеграции. Номер гранта: 2023-KYYWF-1126

Основными **методами**, используемыми в рамках настоящего исследования, будут аналитический метод, метод количественной и качественной обработки информации, а также контент-анализ реальных текстов.

Теоретической базой исследования являются не только классические работы отечественных и зарубежных культурологов, но и монографии и статьи современных исследователей, что позволяет полно и глубоко осветить анализируемую проблему.

Практическая значимость работы заключается в том, что данный материал можно использовать в процессе преподавания мировой художественной культуры в целом и мировой литературы в частности.

Народы Восточной Азии: китайцы, японцы, корейцы – одни из самых суеверных этносов современного мира. Это не удивительно, ведь люди из поколения в поколение соблюдают традиции, которые берут свое начало ещё в далёкой эпохе неолита. В этот период формируются первые восточноазиатские общества.

Первым этапом развития культуры в Восточной Азии является тотемизм. Некоторые исследователи не считают эти воззрения важной частью восточноазиатской культуры или совсем отрицают их существование, однако это в корне неверно, на что указывает, например, Э. Джеймс [1, с. 25]. Древние тотемы связаны с созиданием, домашним уютом, сохранностью очага, благосостоянием.

В конце эпохи неолита возникает новый вид культа – анимизм. Причиной этому послужил переход от собирательства к земледелию. Появились новые потребности, новые силы. В этот момент, например, в Китае возникают духи, представляющие собой одушевление сил природы. Древние тотемы становятся Богами, сохраняя свои прежние символы. Новые духи – это зло, которое живёт далеко под землёй – в преисподней. Однако анимистические верования имеют куда большее влияние, чем тотемистические. Потребность возникновения этих верований, которые влияют на новый вид хозяйства – земледелие, неизбежна, соответственно, они имеют ещё большую власть. Далее мы можем наблюдать, как оба верования сливаются воедино и начинают именоваться мифологией и традиционными устоями.

Важной частью анимизма становится астрология. Наблюдая за небом, звёздами, солнцем и луной, люди пытаются предугадать поведения духов. Вводятся праздники, в которые совершаются жертвоприношения Богам, чтобы те защитили народ от анимистических духов.

В Китае тотемизм и анимизм – доминирующие культуры эпохи первых двух рабовладельческих династий (Инь

и Чжоу). Символика у них схожа, потому что анимизм унаследовал тотемистических Богов, а вместе с ними и символы. К числу символов причисляются нефритовые предметы с надписями, рисунки, алтари, первые иероглифы.

Затем происходит синтез культов и стихий, формируются новые представления и наступает новая эпоха – эпоха переходных династий Цинь и Хань. В Китае появляются первые философы, формирующие свои постулаты, на основе которых начинает складываться религиозное учение Конфуция, признаваемое востоковедами объединяющим и ставящим точку в формировании культов. Учение Конфуция позволяет правителям той эпохи объединить народ, начинается эпоха традиционного Китая. Ученые отмечают, что влияние конфуцианства было настолько большим, что даже империи, основанные захватчиками Китая, использовали его в своём правлении. Так, к примеру, считается, что оно достигает своего апогея в конце XVII века, во времена правления императора Канси маньчжурской династии Цин [2, с. 231–232].

Несмотря на наличие конфуцианства и даосизма, о котором будет сказано ниже, в странах Восточной Азии появляется буддизм. Это вполне логично, ведь к моменту его появления старые учения сдают свои позиции и не могут отвечать запросам общества. Идеальный для правителей и народа, буддизм остаётся основополагающим вплоть до падения имперского Китая. Эта религия невероятно схожа с религиозными культами в Китае, из-за чего была перенята жителями Поднебесной.

Начиная появляться в восточных странах, буддизм поддается китайскому влиянию, формируется такое течение, как Буддизм Махаяны [3, с. 29]. Это течение было приближено к народу. Главным нововведением является «Учение о бодхисаттве». Это учение ставит главной целью именно развитие человека, приход его к мудрости. Тот, кто достиг этого состояния, фактически уже спасён, он достиг своего максимума, поэтому эти мудрецы начинают заниматься просвещением других. Благодаря буддизму происходит обучение простого народа, его просвещение: этим Поднебесная отличается от многих стран. В середине первого тысячелетия буддизм достигает своего первого пика – его объявляют чем-то вроде государственной религии.

В Корее буддизм формировался по китайскому типу, но в Японии он обрёл свою специфику. На основе его идей формируются школы тэндай, сингон, рёбу-синто. Первые две школы – это школы тайного буддизма. Последователи тэндай пытались объединить буддизм с синтоизмом. Последователи Сингон обожествляли природу и возводили её до уровня Будды. Последняя же школа объединила предыдущие две. Синтоистские Боги природы являлись стражами бодхисаттвы. Кроме того,

формируется дзен-буддизм или же религия Самураев. На основе буддизма формируется кодекс чести бусидо (путь воина). Устои самураев и дзен-буддистов настолько схожи, что они объединились и таким образом самураи стали монахами-воинами.

Даосизм, обретающий свою религиозность только с появлением буддизма, существовал с V века до нашей эры. Но особой популярности он в народе никогда не имел. Даосы – это монахи, рассуждающие о жизни и пытающиеся найти ключ к бессмертию. Даосизм синтезировался с буддизмом и стал его неотъемлемой частью.

Благодаря даосам начинает распространяться письменность [4, с. 63]. Они создавали бумажные идола, записывали свои труды в свитки и таким образом создавали великий китайский иероглифический язык, который существует и сейчас, хоть и с изменениями. Они первые использовали разноцветные чернила, пускай в целях религиозного характера, однако это было невероятно важно для развития типографики уже во времена эпохи возрождения.

И.В. Геннис отмечает, что даосы очень любили бронзу. Любой ритуальный предмет, имеющий общественный характер, имел бронзовое основание. Бронза считалась металлом, отгоняющая злых духов, поэтому не иметь бронзовый предмет было крайне опасно по представлению китайцев [5, с. 75].

Религиозный синкретизм – эпоха синтеза. В эту эпоху (ближе к концу традиционного Китая) государственной религией остаётся буддизм, но он настолько изменился из-за слияния со всевозможными верованиями, что начинается возрождение тотемизма и анимизма.

В Японии вместо главенствующего буддизма формировался синтоизм по окончании эпохи анимизма. Все ветви, которые начинали доминировать в Китае и Корее, в Японии поглощались синтоизмом вплоть до конца эпохи традиционной Японии.

Далее в Японии наступает эпоха светского общества и демократических ценностей, из-за чего начинает формироваться раздробленность религий.

Совершив экскурс в становление религиозных представлений народов Восточной Азии, перейдем к анализу произведения китайской литературы, чтобы увидеть, соответствует ли поэтика и проблематика данного текста традиционному мировоззрению. Нами был выбран роман, принадлежащий перу китайского автора, поскольку данная культура оказала влияние на весь восточноазиатский регион. Данный роман снискал наибольшую популярность как среди соотечественников авторов, так и в иноязычной и инокультурной среде (популярность

определяется статистическими данными – количеством проданных экземпляров).

Произведение Мосяна Тунсю «Благословение небожителей», буквально взорвавшее Интернет шесть лет назад, относится к жанру даньмэй. В романе автор повествует о приключениях неудачного небожителя. Его низвергли дважды и вознесли трижды, первые два вознесения длились очень недолго.

Уже в экспозиции произведения мы видим художественные детали, связанные с восточноазиатскими религиозными представлениями. Данные детали присутствуют в описании интерьера дворца, в котором живёт один из протагонистов – принц Се Лянь. Тотемистические и анимистические упоминания, соответствующие праздники и ритуалы – всё это намекает на то, что герой живёт где-то в момент расцвета рабовладельческой империи Чжоу, а государство, которое упоминает автор, и есть эта империя.

Культурные аллюзии содержатся в описании системы персонажей произведения. Принц Се Лянь в юности поступает в монастырь Хуанцзи, где занимается самосовершенствованием, что созвучно традиционным буддистским и даосским представлениям. Конечной целью Се Ляня было вознесение на небеса и превращение в небожителя, что и произошло, когда герою исполнилось 17 лет. Первое вознесение отличалось от других – было пугающим, необычным: «Всякий раз, стоило кому-то вознестись, небесные чертоги сотрясались, а в день вознесения его высочества наследного принца они содрогнулись втрое сильнее обычного». Но вскоре героя низвергают.

Спускаясь на землю, чтобы спасти свой народ от смуты, он закрыл себе путь в чертоги и начал скитаться, не добившись своей цели. Много лет спустя принц возносится второй раз, здесь мы видим аналогию с «европейской» историей Люцифера, который, прежде чем стать владыкой грешных, пронёсся по раю и попытался свергнуть Бога. То же делает и Се Лянь: «Тем поразительнее то, как его высочество повёл себя после второго вознесения: он промчался по небесным чертогам, жестоко избивая встречных и круша всё на своём пути. Только достигнув Небес, он был изгнан быстрее, чем успела догореть одна палочка благовоний».

Далее происходит третье вознесение, ещё более сокрушительное, чем первые два, и с этого момента начинается основная сюжетная линия героя. Его задача – обрести популярность среди небожителей и оправдать своё очернённое имя.

Итак, в произведении центральным становится образ божества. Система персонажей состоит из героев-

небожителей, которые являются небесными чиновниками, имеющими свои зоны влияния и последователей. Небожители принимают молитвы от мирян, которые, в свою очередь, должны вести праведный образ жизни и копить заслуги – совершать добрые дела. Понятие заслуги также заимствовано автором из буддизма: оно означает благие действия человека и результаты таких действий.

В романе описан целый пантеон божеств, но все они являются плодом художественного вымысла. С «настоящими» китайскими богами данных персонажей роднит их способность повелевать природными стихиями. Как известно, в китайской культуре божества управляли такими атмосферными явлениями, как ветер, дождь и гроза (гром и молнии) (см., напр., в [6, 7]). Герои Мосяна Тунсю, как их мифологические прототипы, повелевают водой и ветром (братья Ши Уду и Ши Цинсюань), дождем (Юйши Хуан).

Помимо вымышленных, в произведении представлен и реальный персонаж китайской мифологии – богиня милосердия Гуаньинь. Отметим, что она является одной из самых популярных фигур буддийского пантеона.

Аллюзии на китайскую традиционную культуру содержатся в цветописи романа. В культуре Китая особым значением обладают 5 цветов: желтый, красный, синезеленый, чёрный и белый. Названные цвета соотносятся со сторонами света. Так, белый цвет символизирует запад, закат солнца, поэтому презирается и считается пустым, часто означает предательство и жестокость [8, с. 21]. В даосизме белому приписывается иное значение: этот цвет олицетворяет чистоту и духовные искания личности. В романе белый цвет присутствует в портрете двух

героев: Се Ляня и его антагониста Безликого бая. Оба героя облачены в белую одежду, при этом наряд принца – это традиционное даосское платье, в то время как Безликий бай одет в траурный китайский костюм. Таким образом, автор противопоставляет героев: один находится в духовном поиске, в то время как другой жесток и коварен.

Таким образом, проанализировав роман Мосяна Тунсю «Благословение небожителей», мы пришли к выводу, что произведение построено на традиционных китайских мифологемах. Читая данный текст, можно получить представление о культуре Китая, узнать ряд исторических фактов, что впоследствии может вызвать интерес к более подробному изучению китайской культуры.

Мы видим, что культурные и религиозные аллюзии могут лежать в основе современных восточноазиатских произведений и придавать им глубину содержания, поэтому знание культурных особенностей анализируемого региона необходимо для дешифровки «культурного кода» Восточной Азии и понимания текстов.

Отметим, что в современной культуре Китая, Японии и Кореи возможно объединение элементов разных культурных периодов. Так, к примеру, в «Благословении небожителей», рассмотренном нами, объединены культ мёртвых, анимизм, буддизм, конфуцианство и церемониал с символикой.

В дальнейшем исследование будет продолжено и расширено за счет анализа большего количества произведений современной восточноазиатской литературы и кинематографа на предмет выявления и анализа в них специфических культурных черт и мифологем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джеймс Э.О. Доисторическая религия. Лондон.: Т&Н. 1957. - 302 с.
2. Васильев Л. Культы, религии, традиции в Китае. - М.: Ломоносовъ, 2022. - 517 с.
3. Зубарева А.М. Особенности формирования китайского буддизма: институциональность школ и теоретическая вариативность. - Барнаул: Институт истории и международных отношений, 2020. - 80 с.
4. Торчинов Е.А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е.А. Торчинов — СПб: Лань, 1998. — 448 с.
5. Геннис И.В. Культура Китая и Японии. — М.: Издательство АСТ, 2020. - 320 с.
6. Королев К. Китайская мифология. Энциклопедия / К. Королев — М.: ЭКСМО, 2007. - 416 с.
7. Рифтин Б.Л. Китайская мифология, фольклор и роман. - М.: Вост. лит. 2007. - 869 с.
8. Турбина О.А. Цветоименования «черный», «белый» в китайской культуре. / О.А. Турбина, Л. Фанбин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2016. — Т. 13. — №. 2. — с. 20–23.

© Дэн Хун (1274978167@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕСТАВРАЦИЯ КАК ДИАЛОГ С ИСТОРИЕЙ: ПАМЯТНИКИ МОСКВЫ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Палариани Игорь Леванович

Краснодарский государственный институт культуры

f-pto@ya.ru

RESTORATION AS A DIALOGUE WITH HISTORY: MONUMENTS OF MOSCOW IN A MODERN CONTEXT

I. Palariani

Summary: The article "Restoration as a dialogue with history: Monuments of Moscow in a modern context" explores the importance of architectural monuments of the capital as carriers of cultural identity and historical memory. Moscow, with its unique architectural landscape, is a living chronicle reflecting various eras and styles such as Neoclassicism, Art Nouveau, Constructivism and the Stalinist Empire. Restoration of monuments is considered as an important process aimed at preserving cultural values and preventing their destruction in the context of globalization and urbanization. The article focuses on the role of local communities and public organizations in the process of preserving cultural heritage, emphasizing the importance of their participation in shaping public consciousness and pride in their history. Modern technologies, such as 3D modeling and virtual reality, open up new horizons for restorers, allowing them to more effectively preserve and adapt monuments to modern conditions. The author emphasizes that the preservation of cultural heritage is not only a technical process, but also an important cultural act linking the past with the future. The article calls for the active involvement of society in heritage conservation initiatives, which is a key factor for sustainable development and social justice. The preservation and restoration of monuments of architecture and art become the basis for the formation of the identity of society and the transfer of knowledge to future generations.

Keywords: restoration, architectural styles, neoclassicism, Art Nouveau, constructivism, 3D modeling, architectural monuments, cultural identity, historical memory, cultural heritage.

Аннотация: Статья «Реставрация как диалог с историей: Памятники Москвы в современном контексте» исследует значение архитектурных памятников столицы как носителей культурной идентичности и исторической памяти. Москва с её уникальным архитектурным ландшафтом представляет собой живую хронику, отражающую различные эпохи и стили, такие как неоклассицизм, модерн, конструктивизм и сталинский ампи́р. Реставрация памятников рассматривается как важный процесс, направленный на сохранение культурных ценностей и предотвращение их разрушения в условиях глобализации и урбанизации. В статье акцентируется внимание на роли местных сообществ и общественных организаций в процессе сохранения культурного наследия, подчеркивается важность их участия для формирования общественного сознания и гордости за свою историю. Современные технологии, такие как 3D-моделирование и виртуальная реальность, открывают новые горизонты для реставраторов, позволяя более эффективно сохранять и адаптировать памятники к современным условиям.

Автор подчеркивает, что сохранение культурного наследия — это не только технический процесс, но и важный культурный акт, связывающий прошлое с будущим. Статья призывает к активному вовлечению общества в инициативы по сохранению наследия, что является ключевым фактором для устойчивого развития и социальной справедливости. Сохранение и реставрация памятников архитектуры и искусства становятся основой для формирования идентичности общества и передачи знаний будущим поколениям.

Ключевые слова: реставрация, архитектурные стили, неоклассицизм, модерн, конструктивизм, 3D-моделирование, архитектурные памятники, культурная идентичность, историческая память, культурное наследие.

Москва — это мегаполис, где исторические и современные элементы создают уникальный архитектурный ландшафт. Памятники, такие как Кремль и храм Христа Спасителя, отражают различные эпохи, формируя культурную идентичность москвичей [6].

Эстетическая значимость памятников вдохновляет как художников, так и архитекторов, структурируя визуальный облик столицы. Сохранность и реставрация этих объектов является обязанностью государства и граждан, поскольку памятники представляют собой всеобщее культурное наследие и гордость. Заботу о культурном наследии можно с уверенностью назвать заботой о будущем — это то, что останется следующим поколениям

[4]. Реставрация включает комплекс мероприятий, вектор которых направлен на восстановление и сохранение культурных ценностей, таких как архитектурные памятники, произведения искусства и исторические артефакты. К этому можно отнести изучение, документирование, консервацию и, при необходимости, восстановление утраченных или повреждённых элементов. Реставрация основывается на научных методах и принципах, позволяющих вернуть объект к его первоначальному состоянию, а также достичь сохранности его исторической и культурной значимости [9].

Сохранение культурного наследия в наши дни обусловлено рядом важных причин. Прежде всего, в эпоху глобальных изменений и быстрого развития техноло-

гий памятники истории оказываются под возрастающей угрозой. Рост городов и ухудшение экологической обстановки оказывают негативное воздействие на исторические объекты. Реставрация выступает как необходимое средство защиты от разрушения и утраты этих ценностей, гарантируя их передачу потомкам. Кроме того, восстановление памятников играет важную роль в укреплении культурной самобытности и исторической памяти народа. Здания и сооружения прошлых эпох являются символами национальной гордости, сближают людей и способствуют формированию чувства общности [11].

Новейшие технологические решения, включая трёхмерную графику, лазерное сканирование и современные методы анализа веществ, существенно увеличили потенциал реставрационных работ. Благодаря этим инновациям специалисты получили возможность точнее определять состояние объектов, обнаруживать скрытые дефекты и создавать более действенные методы восстановления. Тем не менее, несмотря на прогресс в науке и технике, основополагающим принципом реставрации по-прежнему является ограничение вмешательства: реставраторы стараются максимально сохранить оригинальные материалы и детали, избегая масштабной реконструкции, которая может фальсифицировать историческую достоверность [7].

Москва, являясь одним из ведущих культурных и исторических центров России, располагает ценнейшим архитектурным наследием, демонстрирующим многообразие стилей и эпох. Архитектурное развитие столицы происходило под влиянием различных обстоятельств, что делает её уникальным объектом для изучения. В данной работе анализируются основные архитектурные стили города, такие как неоклассицизм, модерн, конструктивизм и сталинский ампи́р.

Неоклассицизм развивался в конце XVIII века, достигая расцвета в первой половине XIX века, характеризуясь античными формами и гармонией. Яркими примерами являются сооружения, созданные архитекторами Осипом Бове и Андреем Ворониным. Казанский собор на Красной площади, возведённый в 1801–1811 годах, стал символом стремления к просвещению рационализму, отражая идеалы эпохи Просвещения.

Модерн появился в Москве во второй половине XIX – начале XX века как ответ на индустриализацию и изменения в обществе. Этот стиль характеризуется изысканными линиями, органическими формами и декоративными элементами. Архитекторы Фёдор Шехтель и Виктор Гартман внесли значительный вклад в развитие модерна в столице. Примером служит здание Ярославского вокзала, сочетающее элементы модерна с русским стилем. Модерн стал важной вехой в архитектурной

истории Москвы, стремясь к гармоничному соединению искусства и архитектуры для создания уютного городского пространства.

Конструктивизм возник на рубеже XIX–XX веков как одно из ключевых направлений советской архитектуры. Данное направление делало акцент на практичности, применении современных материалов и технологий, а также на социальной направленности архитектурных решений. Архитекторы Моисей Гинзбург и Илья Голосов создавали проекты, воплощающие принципы социализма. Ярким образцом конструктивистской архитектуры служит здание НКВД на Лубянке, характеризующееся лаконичными геометрическими формами и функциональным подходом. Конструктивизм стал символом новой эпохи и стремления к созданию нового общества.

Сталинский ампи́р, или сталинский неоклассицизм, появился в 1930-х годах и стал доминирующим стилем в архитектуре Москвы в период правления Иосифа Сталина. Этот архитектурный стиль отличался масштабностью, грандиозностью и обращением к проверенным классическим приемам. Такие мастера, как Борис Иофан и Лев Руднев, воплотили его в ряде выдающихся сооружений, среди которых гостиница «Украина» и главное здание Московского государственного университета на Воробьёвых горах. Сталинский ампи́р был ярким выражением идеологических целей эпохи, демонстрируя силу и славу советского государства.

Архитектурные направления Москвы образуют многогранное явление, которое отражает смену общественных настроений и культурных веяний. Неоклассицизм, модерн, конструктивизм и сталинский ампи́р – главные течения, определившие внешний вид столицы. Исследование этих стилей углубляет понимание архитектурного достояния и исторических трансформаций [1]. Исторические достопримечательности привлекают путешественников, стимулируя экономический рост и культурный обмен, что расширяет знания о местном наследии и обычаях. Они также становятся важными точками притяжения для жителей, где организуются различные события и праздники, укрепляя социальные связи и налаживая взаимодействие между разными слоями общества. Восстановление архитектурных и культурных сооружений – это непростая и многоаспектная задача, требующая тщательного анализа и глубокого чувства истории и красоты. Одной из основных проблем в этой сфере является выбор между сохранением первоначальных деталей и их модернизацией для улучшения практичности и безопасности. В данном исследовании будут изучены основные подходы к реставрации, а также рассмотрены доводы в пользу обоих вариантов – сохранения аутентичности и обновления.

Реставрация представляет собой работу по восста-

новлению памятников культурного наследия, направленную на возвращение им вида, близкого к исходному, и поддержание их исторической и культурной значимости. Этот процесс охватывает не только восстановление, но и подробную фиксацию исторической справки об объекте. Важно при реставрации учитывать, из чего сделан объект, его историческое значение, а также культурные и социальные факторы, с ним связанные. Сохранение подлинности – один из ключевых принципов реставрации, подчеркивающий необходимость бережного отношения к аутентичности и исторической целостности памятника. Этот подход основывается на следующих положениях:

- Оценка исторической значимости. Изначальные детали объекта содержат важную историческую информацию, которая может быть утрачена при замене; сохранение оригинала позволяет уберечь историческую память и передать потомкам сведения о минувших временах. Любой элемент – будь то архитектурный декор или отделка – хранит уникальную историю, являясь неотъемлемой частью культурного достояния.
- Эстетическая целостность. Исходные материалы и методы, которые используются при создании объекта, определяют его неповторимый внешний вид. Обновление может привести к потере этой гармонии, что негативно отразится на восприятии памятника как культурного произведения.
- Этическая ценность сохранения подлинности – это проявление почтения к культурному наследию и его создателям. Удаление оригинальных компонентов может быть воспринято как пренебрежение историей и культурой, что может вызвать неодобрение как среди общественности, так и среди специалистов.

Безусловно, реставрация исторических объектов также имеет свои веские основания и преимущества, особенно в контексте современных требований к безопасности и удобству использования. Часто модернизация становится необходимой для поддержания работоспособности и обеспечения безопасности зданий. Соответствие современным нормам безопасности и комфорта нередко диктует замену изношенных материалов и устаревших технологий, что делает обновление оправданным и важным для сохранения объекта в действующем состоянии. К примеру, замена старой электропроводки или систем водоснабжения способна исключить возникновение аварий и защитить посетителей [15]. Кроме того, обновление повышает доступность объектов для большего числа людей. Внедрение современных решений и адаптация помещений для людей с особыми потребностями существенно расширяет их привлекательность и функциональность, что особенно актуально для музеев, галерей и общественных зон, где доступность играет первостепенную роль. Модернизация с применением

экологических технологий и материалов может внести вклад в устойчивое развитие. Это позволяет не только сохранить историческое наследие, но и минимизировать негативное влияние на природу, например, за счет внедрения энергоэффективных систем, что, в свою очередь, сокращает расходы на обслуживание и уменьшает выбросы углекислого газа [16]. Вопрос о том, как найти баланс между сохранением оригинала и его обновлением, один из наиболее сложных в реставрации. Многие эксперты предлагают подход, основанный на принципе минимального вмешательства, который предполагает сохранение максимально возможного количества оригинальных элементов и внедрение обновлений лишь в тех случаях, когда это действительно необходимо [2].

Приведем примеры успешных проектов и адаптацию их под современные нужды.

Работы по восстановлению гимназии, носящей имя Григория Шелапутина, осуществила профильная организация, специализирующаяся на сохранении памятников культуры. В процессе участвовали реставрационные мастерские, обладающие опытом восстановления исторических строений, которые занимались восстановлением архитектурных деталей. Проект, разработанный архитекторами, учитывал как историческую значимость здания, так и современные нормы, при этом они тесно взаимодействовали с государственными структурами. Согласование проекта проходило с участием местных органов управления и ведомств, отвечающих за охрану объектов культурного наследия, включая Министерство культуры. Специалисты в области сохранения культурного достояния давали рекомендации по поддержанию исторической аутентичности. Строительные организации отвечали за надлежащее качество выполнения работ. Гимназия располагалась в двухэтажном угловом строении с торжественным входом с Большой Трубецкой улицы и украшенным фасадом, выходящим на Оболенский переулок. Здание было спроектировано архитектором Р.И. Клейном и находилось рядом с церковью святого Григория. В период 1920-х годов здесь функционировало общежитие №1 Академии коммунистического воспитания. 1 ноября 1936 года в здании, расположенном на Трубецком переулке, была открыта Академия Генерального штаба РККА. В настоящее время на фасаде гимназии установлены три мемориальные доски, посвященные маршалам Л.А. Говорову, А.А. Гречко и М.В. Захарову, которые когда-то обучались в Военной академии. Сегодня в здании размещается Главная военная прокуратура [8].

Особого внимания заслуживает московский центр современного искусства «Гараж», демонстрирующий впечатляющий случай успешной перестройки исторической постройки в динамичное культурное пространство. В 2008 году, «Гараж» начинал свою деятельность во вре-

менной конструкции, возведенной специально для проведения Московской биеннале современного искусства. В 2014 году деятельность учреждения была перенесена в здание бывшего ресторана «Старое здание», расположенное в Парке Горького. Архитектурное значение постройки, созданной в 1968 году в характерном стиле брутализма, легло в основу его дальнейшей трансформации. Во время реставрационных работ особое внимание было уделено поддержанию подлинности оригинальных архитектурных деталей, в частности, бетонных элементов. «Гараж» превратился не просто в площадку для выставок, но и в многофункциональный культурный центр, где организуются различные события, включая киносеансы и музыкальные выступления, что позволяет привлечь широкую публику к знакомству с современным искусством [10].

Влияние современных технологий на восстановление памятников культуры весьма ощутимо, предоставляя уникальные возможности для их защиты и детального исследования. Особое место среди инноваций занимает 3D-моделирование, позволяющее создавать максимально точные цифровые копии этих объектов. Данная методика упрощает анализ их текущего состояния и помогает разрабатывать действенные планы реставрации. Используя 3D-модели, специалисты могут наглядно оценить различные варианты восстановления, предусмотреть потенциальные проблемы и предложить наилучшие решения, что в конечном итоге улучшает результаты реставрационных мероприятий [12].

Внедрение цифровых технологий в работу с историческими документами и архивами открывает новые горизонты в области реставрации. Этот процесс даёт возможность получить доступ к ценным сведениям, требующимся для изучения и фиксации объектов культурного наследия, и одновременно обеспечивает их сохранность в электронном виде [17].

Технология виртуальной реальности (VR) открывает принципиально новые горизонты для взаимодействия с памятниками культуры, предлагая интерактивные способы изучения прошлого. Благодаря VR пользователи получают возможность полного погружения в историческую эпоху, детального осмотра артефактов и наглядной демонстрации этапов реставрационных работ. Это не только обогащает образовательный процесс, но и пробуждает больший интерес к культурному достоянию у людей. Цифровые туры позволяют обратить внимание на объекты, расположенные в отдаленных или труднодоступных районах, что способствует их продвижению и бережному сохранению [5]. Вопросы экологии и экономики имеют первостепенное значение при восстановлении объектов культурного наследия. Принципы устойчивого развития становятся основополагающими на всех этапах реализации проектов. Применение экологически

безопасных материалов и технологий, сокращающих выбросы углекислого газа, позволяет уменьшить влияние на окружающую среду. Обеспечение финансирования требует продуманной стратегии, включающей государственную поддержку и привлечение частных средств [13].

Сохранение культурного достояния – задача многоплановая и требующая значительных усилий, где ключевую роль играют люди, проживающие на местах, и различные общественные группы. Их вовлечённость в процесс не просто помогает в восстановлении и защите памятников культуры, но и обеспечивает стабильное развитие тех территорий, где эти памятники расположены [14]. Жители являются хранителями уникальных обычаев и знаний, передаваемых из века в век. Благодаря глубокому пониманию истории и культуры своих мест, они становятся незаменимыми союзниками в деле сохранения наследия. Участие в проектах по реставрации воспитывает в людях уважение к своей культуре и прошлому, что, в свою очередь, может положительно сказаться на туристическом потенциале региона и его экономическом благополучии [3].

Объединение усилий, например, через образовательные мероприятия, даёт возможность принимать во внимание точки зрения разных слоев населения, что делает сохранение более открытым и результативным. В этой работе будут представлены несколько примеров удачных проектов, ориентированных на вовлечение общественности.

Проект «Наследие – общее достояние» Данная программа ставит своей целью привлечь к сохранению культурного наследия представителей разных слоев общества. В её рамках организуются познавательные семинары, экспозиции и практические занятия, где можно узнать о народных промыслах, истории родного края и техниках восстановления исторических памятников. Проект активно взаимодействует с учебными заведениями, вовлекая молодежь и пробуждая у них интерес к бережному отношению к культурному наследию.

Проект «Городская лаборатория» – это платформа, дающая горожанам возможность внести свой вклад в создание и воплощение городских проектов. В рамках инициативы регулярно организуются мастер-классы, где жители могут поделиться предложениями по совершенствованию городской среды, формированию общественных зон и стимулированию местной экономики. Благодаря участию в этих мероприятиях, горожане получают возможность не просто озвучить свои мысли, а и реально воздействовать на процесс принятия городских решений.

Проект «Волонтеры по охране природы» Данный

проект призван привлечь местных жителей к защите природных богатств и экосистем. Участники-волонтеры принимают участие в мероприятиях, направленных на уборку природных территорий, посадку саженцев и восстановление природных сообществ. В рамках проекта также проводятся образовательные встречи, на которых участники узнают о значимости сохранения разнообразия живых организмов и рациональном использовании природных ресурсов.

Восстановление исторических зданий и объектов культурного значения – это значимая работа, оказывающая существенное влияние на поддержание исторической преемственности и самосознания народа. Прежде всего, реставрация позволяет уберечь бесценные свидетельства минувших эпох, различных архитектурных

направлений и народных обычаев. Взаимосвязь истории и современности порождает у людей ощущение вовлеченности и долг перед сохранением культурного достояния. Следовательно, восстановление исторических объектов – это не только техническая задача, но и значимое культурное событие, которое соединяет времена, стимулируя прогрессивное развитие общества и укрепляя его самосознание. Сохранение культурного наследия – ключевой элемент формирования идентичности и исторической памяти народа. Археологические находки, традиции и ритуалы – это неповторимые свидетельства развития человеческой цивилизации, отражающие её успехи и трудности. Игнорирование этого наследия чревато не только потерей материальных ценностей, но и утратой духовных основ, объединяющих поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.А., Левин, И.В. Архитектура Москвы / А.А. Баранов, И.В. Левин // АСТ, – Москва, – 2018
2. Баранов, А.Н., Соловьёва, Е. В. Реставрация исторических зданий: опыт и подходы / А. Н. Баранов., Е. В. Соловьёва // Архитектура и строительство, – 2021, – № 5, – С.12-25.
3. Волкова, А.Н., Петрова И.В. Социальные аспекты сохранения культурного наследия: взаимодействие с местными жителями/ А. Н. Волкова, И. В. Петрова // Наследие и развитие, – 2022, – № 2, – С. 12-28.
4. Громова, Н.В., Культурное наследие и его значение для современного общества / Н.В. Громова // Наука, – Санкт-Петербург, – 2018.
5. Кузнецов, А.В., Сергеева, М.И. Виртуальная реальность в сохранении культурного наследия: новые горизонты / А.В. Кузнецов, М.И. Сергеева // Технологии и культурное наследие, – 2023, – № 2, – С. 50-65.
6. Кузнецова, И.А., Архитектура Москвы: от древности до современности / И.А. Кузнецова // Архитектура, – Москва, – 2017.
7. Кузнецова, Л.А., Инновационные технологии в реставрации культурного наследия / Л.А. Кузнецова // Культура, – Москва, – 2021.
8. Лебедева, Т.И., Смирнов, А.В. Архитектурные аспекты реставрации: Успешные примеры / Т.И. Лебедева, А. В. Смирнов // Вестник архитектуры и строительства, 2022, – № 2, – С. 50-65.
9. Мартынова, Е.В., Современные технологии в реставрации культурного наследия / Е.В. Мартынова // Культура, – Москва, – 2019.
10. Михайлов, А.И., Романова, Н.П. Реставрация и адаптация исторических зданий: Примеры успешных проектов/ А.И. Михайлов, Н.П. Романова // Архитектурное наследие, – 2021, – № 4, – С. 22-35.
11. Петров, А.И., Реставрация архитектурного наследия: проблемы и перспективы / А.И. Петров // Наука, – Санкт-Петербург, – 2018.
12. Петров, В.Н., Федорова А.С. Технологии 3D-моделирования в реставрации культурного наследия / В.Н. Петров, А. С. Федорова // Реставрация и охрана культурного наследия, – 2022, – № 1, – С. 15-29.
13. Романов, А.И., Кузьмина, О.Н. Финансирование культурного наследия: от традиционных к инновационным источникам / А.И. Романов, О.Н. Кузьмина // Экономика культуры, – 2022, – № 5, С. 22-40.
14. Романов, И.Н., Григорьева, Т.А. Городская лаборатория: новые подходы к участию граждан / И.Н. Романов, Т.А. Григорьева // Городская политика, – 2021, – № 4, – С. 40-55.
15. Сидорова, М.А., Федорова, Е.Н., Доступность объектов культурного наследия для людей с ограниченными возможностями / М.А. Сидорова, Е.Н. Федорова // Вестник архитектуры и строительства, – 2020, – № 3, – С.15-27.
16. Смирнов, А.В., Лебедева, Т.И. Устойчивое развитие в реставрации: Экологические аспекты / А.В. Смирнов., Т.И. Лебедева // Научные записки, – 2022, – № 4, – С.30-42.
17. Смирнов, И.А., Лебедева, Е.В. Цифровизация культурного наследия: новые подходы и технологии / И.А. Смирнов, Е.В. Лебедева // Архивы и цифровизация, – 2023, – № 3, – С. 30-45.

© Палариани Игорь Леванович (f-pto@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пшенко Регина Алексеевна

аспирант, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
pshenkoregina@gmail.com

POMOR TRADE AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF INTERCULTURAL CONNECTIONS: A CULTURAL ANALYSIS

R. Pshenko

Summary: The article is dedicated to the study of Pomor trade as a mechanism for forming cross-border interaction between the population of Northern Russia and Northern Norway. From a cultural perspective, it examines stable personal and social contacts, analyzes the mechanisms of knowledge and practice transmission that facilitated the mutual adaptation of trade participants. For the first time, Norwegian archival materials, data from expeditions by the Federal State Budgetary Institution "Kenozersky National Park" on the Southern White Sea (2023–2024), and materials from the expedition of the State Budgetary Institution of Culture of the Arkhangelsk Region "Arkhangelsk Local History Museum" to the Summer Shore (1990) are introduced into scientific circulation.

Keywords: Pomor trade, Northern Russia, Northern Norway, Russenorsk pidgin, cultural diffusion, Russian-Norwegian relations, intercultural communication.

Аннотация: Статья посвящена изучению Поморской торговли как механизма формирования трансграничного взаимодействия между населением Севера России и Северной Норвегии. С культурологических позиций исследованы устойчивые личные и социальные контакты, проанализированы механизмы трансляции знаний и практик, способствовавшие взаимной адаптации участников торговли. Впервые введены в научный оборот норвежские архивные материалы, данные из экспедиций ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» по Южному Беломорью (2023–2024 гг.), а также материалы экспедиции ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» на Летний берег (1990 г.).

Ключевые слова: Поморская торговля, Север России, Северная Норвегия, пиджин Руссенорск, культурная диффузия, русско-норвежские отношения, межкультурная коммуникация.

Исследование Поморской торговли в разное время привлекало социологов и государственных деятелей (Н.Я. Данилевский), этнографов (Т.А. Бернштам, К.П. Гемп), историков (В.Н. Булатов, Г.Г. Фруменков, А.А. Куратов, А.В. Репневский, А.Н. Давыдов, Р.А. Давыдов, Р.В. Пересадило, Е.И. Овсянкин, А.А. Крысанов, А.А. Богомазова, В.В. Брызгалов), антропологов и религиоведов (Н.М. Теребихин) [4]; [5]; [6]; [9]; [12]; [16]. В 2011 году опубликована мореходная книга XVIII века «Река Кушерецка» с подробным описанием морского хода «из Онеги – в Норвегу» (В.Н. Матонин, Л.П. Комягина, В.В. Тропина) [15]. Норвежские документы представлены в кандидатской диссертации и статьях Т.А. Шрадер [19]. Коллективная монография «Культура русских поморов» (Э.Л. Базарова, П.Ю. Черносниотов и другие авторы) обобщила обширный исторический и этнографический материал [11], но механизм формирования культурных и экономических связей между Севером России и Северной Норвегией остается темой недостаточно изученной и спорной с точки зрения диалога культур и культурной диффузии на локальной территории. Между тем, актуальность феноменологии этнокультурного пограничья возрастает по

мере усиления интеграционных процессов в экономике. Междисциплинарный подход дает основание для широких культурологических обобщений, основанных, в частности, на зарубежных источниках, введенных в научный оборот в данной статье, и материалах полевых исследований автора 2023–2024 гг.

Взаимовыгодные международные торгово-экономические связи на Мурмане (у берегов северного побережья Кольского полуострова) начали формироваться ещё в период новгородской колонизации севера XII – XIV веков. В XVI веке вотчины «Соловецкого Дома Спаса и Николы» граничили со Швецией по реке Печенге. Соловецкий мужской монастырь, будучи крупнейшим землевладельцем на всем Русском Севере и военным форпостом Московской Руси, и воевал со «свейскими немцами», и торговал солью. Наиболее активно экономическое взаимодействие между Поморьем и Северной Норвегией осуществлялось в XVIII–XIX вв.

Рассматривая географические особенности, как один из факторов зарождения русско-норвежской торговли,

надо взять во внимание изолированность территорий Северной Норвегии и Севера России от центральных регионов. Северная Норвегия (территории Финнмарка) на протяжении долгого времени из-за рельефа местности не имела связи с южными районами государства. Кроме того, Северная Норвегия отличается суровым климатом, препятствующим сельскому хозяйству. Однако ее берега омываются теплым атлантическим течением, что благоприятно сказывалось на местной флоре и фауне. Население Северной Норвегии обеспечивало себя рыбой и морепродуктами.

Прибрежные районы Белого моря имели иные характеристики. Во-первых, Белое море – шельфовое море, мелкое и холодное, закрытое ледовым покровом на 6–7 месяцев ежегодно, что существенно влияло на добычу морских ресурсов. Во-вторых, Север России связан с южными районами государства путем рек и каналов, что обеспечивало бесперебойное снабжение зерном. К тому же, на Севере России были большие запасы качественной древесины и коры, в которых нуждалась Норвегия.

Строевой лес был необходим для судостроения. Поморы (жители берегов Белого моря) шили еловой вицей и побегими молодых деревьев дощаники, карбасы и лодьи для передвижения по морю и рекам. Опыт строительства накапливался и передавался из поколения в поколение. Традиционным герметиком были смола, деготь, тюлений жир, пенька. В отверстия набоев (бортовых досок) мастера забивали деревянные клинья. Сшитые вицей бочкообразные борта судов легко выдерживали ледовую нагрузку, что создавало благоприятные условия для поморов в условиях арктического мореплавания. За 80 лет до Витуса Беринга кочи Семёна Ивановича Дежнева прошли через пролив, разделяющий Евразию и Америку. Поморы ходили на Матку (на Новую Землю) и на Грумант (на Шпицберген).

Деревлев Лука Андреевич (1907 г.р., из деревни Сюзьма) говорил: «Редкой карбас не шил». Карбас – это основной вид транспорта для поморов, относительно небольшое судно, часто используемое для речных и прибрежных плаваний. «Длина их 18–25 футов и более, ширина менее ¼ длины, глубина внутри по борту от 2 до 3 футов. Под парусами ходят довольно легко, но не устойчивы»¹. В зависимости от предназначения изготавливались и использовались также шуны, клиперы, кочи и т.д. В от-

чёте за 1862 год говорится: «...хотя при волостях: Федоровской, Патракеевской, Майденской и деревнях: Койде, Сюзьме, Яреньге, Лопшеньге и посаде Лудском строят суда и карбасы, но в настоящем году (1862) постройки не было. И во всех сих волостях и деревнях строилось ежегодно по 1 или 2 и не более судна, а речных карбасов до 20 и более»². Отмечалось также, что «все сии суда имеют плавание в Белом море, Северном океане и по реке Двине, также ходят в Норвегию и на Новую Землю»³.

Население Северной Норвегии нуждалось в зерне, муке и древесине, а Север России нуждался в рыбе. На основании этих взаимозависимостей сформировалась русско-норвежской меновая торговля. Русские приходили к берегам Норвегии для обмена муки, зерна и древесины на сушенную и соленую рыбу и сами промышляли на Мурмане треску, зубатку, палтуса. По всему побережью южной части Кольского полуострова находились поморские становища.

Особые коррективы вносила государственная политика той и другой стороны. Для севера Норвегии XVIII в. был отмечен тяжёлым социально-экономическим положением, в отличие от юга Норвегии. В это время основной статьёй экономического благополучия для Севера Норвегии являлась рыба, её экспорт в Англию, Голландию и в другие страны. 40-е годы XVIII в. были крайне неурожайными, что стало дополнительным фактором развития Поморской торговли на территории Норвегии. Ещё отсутствовали официальные соглашения между странами, и торговля не была легализована, поэтому мука была нелегальным продуктом, но важной формой помощи норвежскому населению. Местные норвежские власти выявляли случаи контактов между русскими и норвежцами, которые зачастую носили незаконный характер, но отследить ситуацию в целом было невозможно.

В России зарождающаяся Поморская торговля была определена двумя главными импульсами. Во-первых, 1 июля 1768 года указом Екатерины Великой была разрешена вольная торговая деятельность промышленниками Архангельской губернии их продуктов — «сала, так кож морских зверей, моржового зубья и трески» на внутреннем рынке [13]. Во-вторых, в 1801 году император Александр разрешил осуществлять в России вывоз хлеба из одной губернии в другую и его свободную продажу [14].

1 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 31.

2 ГАО, ф.6, оп. 11, д.5.

3 ГАО, ф.6, оп. 11, д.7.

Со временем контакты принимали регулярный характер, выстраивалась система общения и взаимодействия, строились доверительные отношения между участниками торговли, что приводило к взаимопроникновению культур. Потребность в единой системе коммуникации привела к формированию пиджина «руссенорск», который обеспечивал общение между представителями различных языковых групп. Лингвистические адаптации происходили и в формате заимствования топонимов – географических названий, а также имен собственных. Заимствование топонимов с целью упрощения понимания систем координации, отражались в Поморских лощах и картах русских моряков. Имена собственные и их транслитерация из русского в норвежский представлена в норвежских документах, связанных с «Поморской торговлей», например, торговые книги, которые отражали обменные операции или операции купли-продажи.

Как говорилось ранее, основными товарами являлись норвежская рыба и русская мука. Стоимость товаров, их сопоставление, соотнесение их стоимости варьировалось исходя из множества переменных факторов, таких как количество русских судов, прибывших к берегам Норвегии для закупки рыбы; климатические условия конкретного рыболовного сезона; ранее созданные дружеские отношения. В отчете Архангельского краеведческого музея во время экспедиции по Летнему берегу Белого моря в 1987–1989 гг. есть указания на работу Пушкарева И., который писал, что «один пуд хлеба в Норвегии шел за 2–6 или 5–10 пудов свежей трески: по этой причине большая часть жителей поморского края почли для себя выгоднейшим вместо лова рыбы в российских водах, выменивать её на хлеб в Норвегии»⁴.

Основными видами рыбы для обмена были: палтус (нор. kveite), мольва или морская щука (нор. lange), менёк или мень (морской налим) (нор. brosme), пикша (нор. hyse), сайда (нор. coalfish), треска (нор. torsk) и зубатка (нор. steinbit) [1, p.122]. Самой ценной работой был палтус. Стоимость палтуса иногда могла приравниваться к стоимости муки. Однако такая рыба как сайда, белая рыба из семейства тресковых, могла стоить в шесть-восемь раз меньше в сопоставлении с мукой [2, p.9].

Про количественное соотношение есть информация на 1898 год, когда поморы приобрели 1001 тонну рыбы, из которых 72% было сайды (725 тонн), трески – 10 % (100 тонн), палтуса – 8.5 % (85 тонн), менька – 30 тонн, мольвы – 26 тонн, зубатки – 18 тонн, кумжи 12 тонн и 5 тонн камбалы [1, p.122].

Отличительной чертой русско-норвежской торговли было и то, что русские не сильно заботились о качестве рыбы [1, p.122]. Поэтому норвежцы могли реализовать летний улов, который не был интересен для европейского экспорта.

Для сопоставления и определения веса рыбы и муки часто использовались русские единицы измерения – «матте» и «пуд». В последствии произошло заимствование данных единиц измерения, так Кристиан Фигеншу (от нор. Christian Figenschou), крупный предприниматель севера Норвегии, часто участвовавший в сделках с русскими, использовал данные единицы измерения массы в ходе ведения дел в своей компании, о чем подтверждают архивы его компании [1, p.122].

В статье «Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og romorene» представлен анализ поселений Северной Норвегии, занимающихся русско-норвежской торговлей (Приложение 1 – карта). Из анализа видно, что разные поселения отличались по своему функционалу. Так, в местечко Буройсунд (от нор. Burøysund) первая русская шхуна прибыла в 1841 году, хотя торговля тут была разрешена уже в 1839 году. После этого шхуны приходили ежегодно по два раза в год, с 1878 года все чаще приходили три шхуны, с 1891 по четыре шхуны, а в 1896 году уже пять. С 1878 года в Буройсунде (от нор. Burøysund) торговля была ежегодным летним явлением под управлением компании Dreyer [1, p.122]. Торсвог (от нор. Torsvåg) – одно из центральных мест торговли. Эта территория особенно хорошо подходила для ловли сайды (нор. coalfish), которая как результат и обменивалась тут. Первая русская шхуна на этой территории была зарегистрирована в 1874 году. С 1880 года суда приходили ежегодно, в 1886 году было уже четыре шхуны в год, в 1894 году – шесть. Самое большое количество прибыло в 1909 году, тогда пришло восемнадцать судов. С 1916 по 1919 года замечено значительное снижение торговой активности [1, p.122]. Поселение Карлсой (от нор. Karlsøy) не участвовало в активной торговле, корабли приходили сюда не часто, однако на протяжении нескольких лет здесь проживал помор, который заготавливал и засаливал рыбу, а далее перепродавал перевозил её в Хельгой (от нор. Helgøy) для дальнейшей продажи [1, p.118]. В тот момент как в самом поселении Хельгой (от нор. Helgøy) с 1885 года началась обширная торговля. Например, в период с 1885 по 1888 год ежегодно прибывало от трёх до семи шхун [1, p.118].

С другой стороны обмена была русская ражаная мука,

4 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 31-32.

пшеница, овёс и другие зерновые культуры. Строчки из книги «Knudsens Karlsøvisе» подтверждают регулярность поставок русской муки на Север Норвегии в 1840-х годах:

«Der man bager alt sit Brød,
endog Hellekager,
af det Mel som dertil flød,
bragt fra Ruslands Lager» [1, p.117].

Данные строчки можно перевести следующим образом:

«Где выпекают весь свой хлеб,
даже хелекакер (название плоского бездрожжевого
вида хлеба)
вся мука, что там есть
Привезена со складов России».

Эти строчки из книги «Knudsens Karlsøvisе», подтверждают, что поставки муки из России 1840-х годах были стабильными [1, p.117].

Помимо муки, из России везли древесину для строительства, кору (в том числе бересту), масло, деготь, мясо, верёвки, чай, сладости, а также предметы декоративно-прикладного искусства. Так как контакты были регулярными, между русскими шкиперами и норвежскими купцами и рыбаками нередко складывались дружеские отношения, поэтому некоторые из предметов декоративно-прикладного искусства привозились в качестве подарка, а не на продажу. В частности, один из музеев в Тромсё (Perspektivet Museum) перенял у двух закрытых местных музеев интересную коллекцию предметов поморского периода. Коллекция в основном содержит подарки поморов своим деловым партнерам в Тромсё. Среди предметов: столовые приборы, деревянная кухонная утварь, шкатулки из кости и моржового клыка, вязанные мешки для перевозки муки, самовары и «russehåndklær» (расшитые полотенца – рушники) [3]. Поморы привозили из Норвегии посуду, а у русских плотников пользовался большим спросом норвежский плоский топор, который называли «плитка». Кроме того, в Норвегии поморы приобретали рыболовные крючки для ловли рыбы «ярусам», распространенной на Мурмане в летнее время.

Сведения из летних экспедиций 2023 и 2024 года (территория Южного Беломорья – Лопшеньга, Летняя Золотица, Пурнема, Уна и Луда), которые прошли совместно с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», а также экспедиции Архангельского краеведческого музея на Лет-

ний берег в 1990 году, показывают, что поморы везли с собой столярные инструменты, рыбий жир («в глиняных бутылках»); посуду («папа... до смерти пил из «норвежской чашки»... из Норвегии привез, все берег ее»), предметы одежды и обувь «норвецку» («привозили хорошие норвежские свитера с якорьками, никогда не линяли», «из Норвегии детям по вязанке привез», «дядя маме из Норвегии ботиночки норвежские привез»). (Цитаты из рассказов жителей Летнего берега в ходе экспедиции Архангельского краеведческого музея: Майзерова С.М. 1911 г. д. Логшеньга, Комакова М.В., 1899 г. урож. Луды, Майзерова А.П. д. Уна, Шестакова О.В. д. Солза, Кузьмина У.С. д. Созьма)⁵. Также есть указание, что из Норвегии привозили точильные камни, ружья, топоры, норвежские канаты, веревки, парусное полотно⁶.

Тот факт, что из Норвегии привозили инструменты (топоры, лопаты, уровни и т.д.) подтвердился в ходе экспедиции 2023 года в д. Летняя Золотица и д. Лопшеньга и экспедиции 2024 года в д. Луда, д. Уна и д. Пурнема. Так, Пётр Засимович Майзеров (1937 г.р., д. Лопшеньга) говорил: «С Норвегии у нас тут водились уровни ... косяки то строить, и напарья, которыми дырки сверлят. Это было норвежское. Уровень то где-то есть».

Петров Александр Филиппович (д. Лопшеньга) рассказал о своем деде – Якове Ивановиче Петрове (1894 г.р.). Он упоминал: «Он (Яков Иванович Петров) в Норвегию ходил. Потому что он строительством занимался, у него были напарьи норвежские, уровни норвежские, потом... тогда же не было дрелей, были перки норвежские... для сверления отверстий. Я знаю, что они туда возили сало. Здесь было две шхуны. Одна ... такие были Поздейские, а вторые были Майзерские».

В интервью Петров Александр Филиппович упомянул также о норвежских парусах. Он сказал: «я знаю, что они у норвежцев брали касы паруса. От них сюда пошли касы паруса. Парус то у нас ещё был». Как предполагается, что поморы привозили паруса, однако из-за особенностей материала, тканевые паруса не сохранились до настоящего момента.

Интеграция норвежских предметов в поморскую жизнь приводила к культурным трансформациям. Так, особое место заслуживают ремесленные изделия: одежда ручной работы, вязанные вещи. В одном из рассказов Бориса Шергина описана сцена, которая происходит во время Архангельской ярмарки: «Множество поморов

5 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 39.

6 Там же., л. 35-41.

заезжало в Архангельск на сентябрьскую ярмарку. У города столько было кораблей, что воды не видно. Зуйки гуляют по архангельским улицам нарядные, в узорных вязаных рубашках или синих матросках с шейными платками». Там же приведена частушка, указывающая на происхождение воротничков:

«Экипажецка рубашка,
норвецкой вороток,
норвецкой вороток,
Окол щеечки платок,
Словно розовый цветок»

[Цит. по: 19, с.261]; [18, с.50].

Таким образом, тот самый «норвецкий вороток» являлся привозным элементом одежды, ставшим играть важное значение в поморской моде того времени. Норвежские предметы одежды и норвежские ткани часто привозились из Норвегии в ходе товарообмена. В работе Т.А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.» указывается на то, что Поморы повсеместно шили одежду сами, но ткани использовали покупные: «...из покупных тканей, приобретаемых на ярмарках, у приезжих купцов, торговцев, корабейников (в том числе финов, карел) или за границей, в Норвегии» [5, с.43].

Были и элементы норвежской традиционной одежды, которые «укоренились» в поморской культуре. Так, вязаная мужская рубаша дополняла будничные гардероб Помора. Их вязали сами и, в некоторых случаях, привозили из Норвегии. В Поморье вязаные рубашки бытовали повсеместно и были известны соседнему неславянскому поселению – карелам и саамам. Предположение о том, что первые образцы вязаных рубаш попали на Русский Север из Норвегии, обосновывается в первую очередь временем их происхождения – на территории Норвегии первые образцы рубаш относятся к концу XVIII в., в то время как в России они появляются позже – конец XIX – начало XX в. Второй важной причиной является тесное взаимодействие и товарообмен Севера России того времени и Скандинавских стран в момент появления данного вида одежды в Поморье. И третьей, наиболее веской причиной, является схожесть покрой рубаш. Покрой старинной вязаной рубашки, как русской, так и норвежской (вязанные на спицах): они связаны вкруговую, цельными, швы сделаны лишь на плечах и вверху рукава до середины проймы. Рукава длинные, ворот невысокий. Рубашки являлись элементом не только будничного, но и праздничного гардероба. Доказательством данной гипотезы служить фотография из собрания музея этнографии Норвегии, которая сделана на территории России (При-

ложение 2). Ниже фотографии приведён поясняющий текст на норвежском языке, его перевод: «праздничная мужская одежда ручной работы, являющаяся традиционной в Унском посаде».

Поморская торговля представляла собой не только экономическое явление, задействуя социальные и культурные сферы, оказывало влияние на культуру и развитие населения территорий Северной Норвегии и Севера России. Она была обусловлена географическими особенностями, что в свою очередь выразилось во взаимных семеричных экономических потребностях. Развитие судостроения, доступные материалы, а также накопленный эмпирический опыт содействовал развитию торговых связей.

Регулярные контакты, дружеские отношения между купцами, рыбаками и поморами приводили к формированию явления культурной диффузии или обмена культурными традициями, включая и материальные объекты: бытовые и ремесленные, предметы декоративно-прикладного искусства, одежды. Примером нематериального наследия, который стал общей чертой русско-норвежской торговли, стал пиджик «руссенорск» или русско-норвежский пиджик.

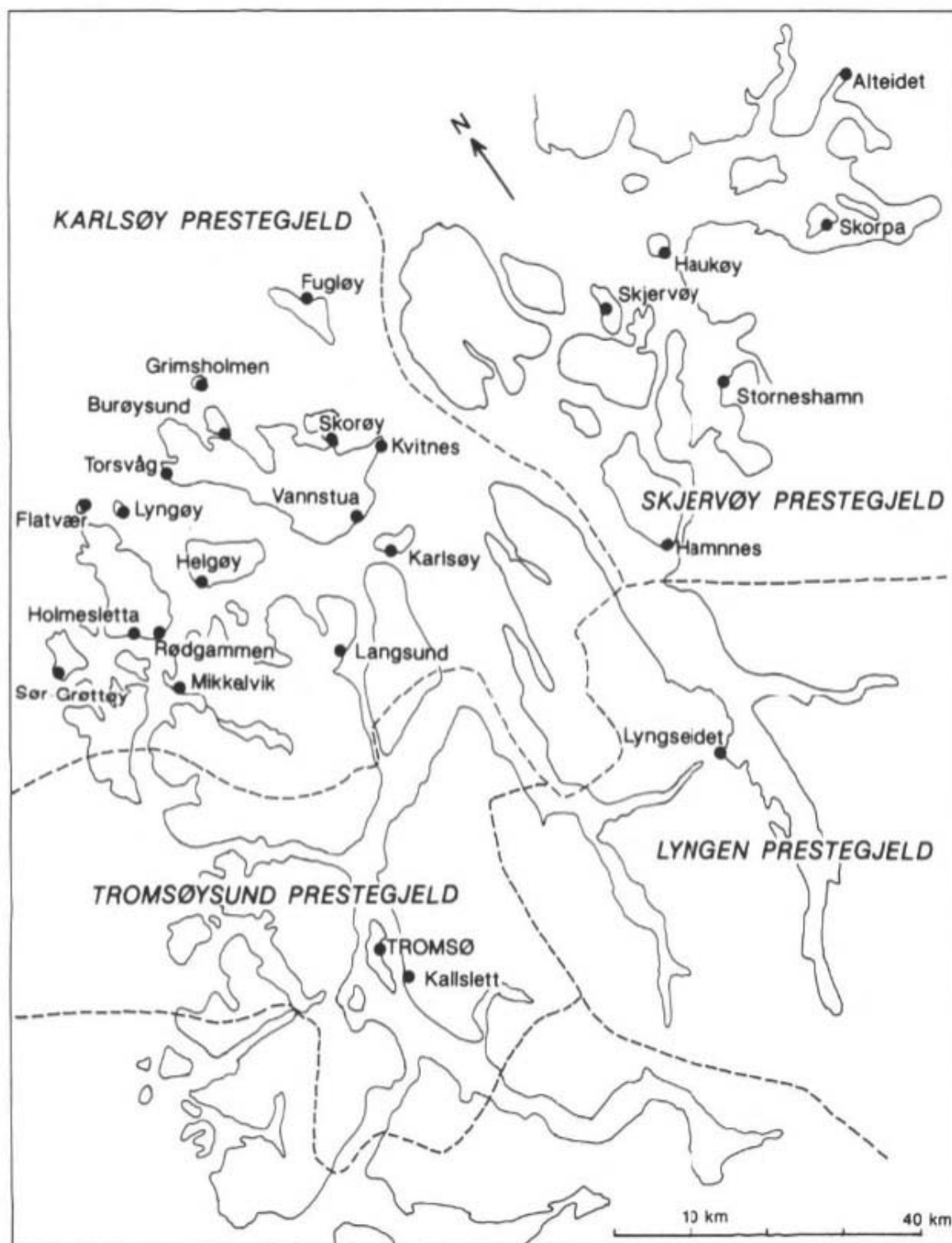
Государственная политика оказывала как поддерживающее, так и ограничивающее влияние, то содействуя, то препятствуя русско-норвежской торговле. Однако значение данного явления для той и другой стороны было достаточно велико, поэтому, проходя через различные этапы, поморская торговля продолжала развиваться вплоть до 20-х годов XX в.

Так, помимо экономического значения поморская торговля оказывала серьезное трансформационное воздействие как на поморскую, так и на норвежскую культуры. Поморы перенимали элементы норвежской одежды и моды, пользовались бытовыми предметами и инструментами, привезенными из Норвегии. В свою очередь норвежцы заимствовали у поморов традиции чаепития, названия явлений и предметов, а также отдельные технологические решения.

Таким образом, Поморская торговля стала важным историческим фактором, определившим развитие международных русско-норвежских отношений, а также межкультурной коммуникации населения Северной Норвегии и Севера России. Результатом русско-норвежской торговли стали значительные изменения в формировании культурного наследия северных народов.

Приложение 1.

Карта-схема поселений, где останавливались поморы. Источник: Bratrein H.D. Trofanoff og Gamle Kopeka.
 Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo:
 Gyldendal Norsk Forlag. 1992. P. 117-128.

Pomorhavner i Nord-Troms.

Фотография помора в норвежской рубахе из собрания музея этнографии Норвегии.
Ниже фотографии текст: «праздничная мужская одежда ручной работы, являющаяся традиционной в Унском посаде».

Nog måste det ha varit en fintröja en gång, denna lagade prakttröja som mannen från Unskijposad har på sig.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bratrein H.D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag, 1992. P. 117-128.
2. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø: Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3-18.
3. Tromsø – Nordvest-Russland // Perspektivet Museum. URL: <https://perspektivet.no/samlinger/tromso-nordvest-russland/>
4. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 428 с.
5. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Ленинград: Наука, 1983. 234 с.
6. Богомазова А.А. Флот Соловецкого монастыря в XVI – начале XVIII века. СПб.: РАН, 2024. 592 с.
7. ГАО, ф.6, оп. 11, д.5.
8. ГАО, ф.6, оп. 11, д.7.

9. Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М.: ТСМ, 2021. 304 с.
10. Зарецкая О.В., Шагин М.С. Становление и трансформация торговых связей поморов с жителями Северной Норвегии к концу XIX века // История и культура Русского Севера и Арктики. Сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых. – Архангельск, 2018. С. 74–80.
11. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ // В.В. Ануфриев, Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе и др. М. : ФОРУМ; Неолит, 2013. 320 с.
12. Матонин В.Н. «Наше море – наше поле» Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 18. 1767—1769. СПб., 1830. № 13141. 1 июля 1768 года. Именной, данный Сенату. Об отдаче промыслов сального, кож морских зверей, моржового и рыбы трески на вольный промысел Архангелогородской губернии обывателям. С. 695—696.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 26. 1800—1801. СПб., 1830. № 19803. 24 марта 1801. Именной, данный Сенату. Об отмене запрещения на вывоз за границу хлеба и вина. С. 597.
15. Река Кушерецка. Мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования // Матонин В.Н., научная редакция; Л.П. Комягина – палеографический анализ; В.В. Тропина – подготовка текста. Архангельск: ТСМ, 2011. 319 с.
16. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 275 с.
17. Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. 62 л.
18. Шегрин Б. Повести и рассказы. Ленинград, 1984. – 78 с.
19. Шрадер Т.А. С торгов в Норвегу: (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения; Санкт-Петербург, 2008. С. 256–273.

© Пшенко Регина Алексеевна (pshenkoregina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ СЕМЬИ ПРИ РЕАБИЛИТАЦИИ И КОРРЕКЦИИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ПРИ ПОГРАНИЧНОМ РАССТРОЙСТВЕ ЛИЧНОСТИ

THE ROLE OF THE FAMILY IN THE REHABILITATION AND CORRECTION OF ADOLESCENT ADDICTIVE BEHAVIOR IN BORDERLINE PERSONALITY DISORDER

**A. Alekhin
E. Isagulova**

Summary: The article highlights the analytical review of modern literature devoted to the problem of studying the role of the family in the rehabilitation and correction of addictive behavior of adolescents with borderline personality disorder. It is noted that parents play a crucial role and can be considered as a mediator or barrier in the whole process of rehabilitation and correction of adolescent addictive behavior.

Four main problem areas are highlighted: 1. Parents as a source of adolescents' addictive behavior. 2. Parents trying to avoid responsibility for adolescents with addictive behaviors. 3. Parents as an active part of the rehabilitation process. 4. Parents as a barrier to effective care. There is a need for specific interventions to support parental involvement in rehabilitation. Moreover, the need for psychotherapy for members of multiproblem families, as well as correctional work regarding the negative perceptions and attitudes of parents towards their addict children is noted.

The conducted generalization study can be useful in conceptualizing the peculiarities of the role of the family in the correction of addictive behavior in adolescents with borderline personality disorder and a systemic logical model of consistent psycho-clinical rehabilitation of this group of patients.

Keywords: borderline personality disorder, addictive behavior, addiction, socialization, psychocorrection, family psychotherapy.

Алехин Анатолий Николаевич

д.м.н., профессор, Российский государственный
университет им. А.И. Герцена
termez59@mail.ru

Исагулова Елена Юрьевна

к.п.н., директор, НМУ «Клинический центр
психического здоровья»,
9477877@gmail.com

Аннотация: Статья освещает аналитический обзор современной литературы, посвященной проблеме изучения роли семьи при реабилитации и коррекции аддиктивного поведения подростков при пограничном расстройстве личности. Отмечено, что родители играют решающую роль и могут рассматриваться как посредник или барьер в рамках всего процесса реабилитации и коррекции аддиктивного поведения подростков.

Выделены четыре основные проблемные направления: 1. Родители как источник аддиктивного поведения подростков. 2. Родители, пытающиеся уйти от ответственности за подростков с аддикциями. 3. Родители как активная часть реабилитационного процесса. 4. Родители как препятствие для эффективного ухода. Существует необходимость в конкретных вмешательствах, направленных на поддержку участия родителей в реабилитации. Более того, отмечена необходимость психотерапии членов мультипроблемных семей, а также коррекционной работы в отношении негативного восприятия и отношения родителей к своим детям-аддиктам с помощью многомерной семейной психотерапии.

Проведенное обобщающее исследование может быть полезным в концептуализации особенностей роли семьи в коррекции аддиктивного поведения у подростков с пограничным расстройством личности и системной логической модели последовательной психо-клинической реабилитации этой группы пациентов.

Ключевые слова: пограничное расстройство личности, аддиктивное поведение, аддикция, социализация, психокоррекция, семейная психотерапия.

Введение

Проблема аддиктивности в наибольшей степени касается подросткового возраста. В силу возрастных особенностей подросткам, как никаким другим возрастным категориям, присуще стремление к рискованному поведению [5]. Аддиктивное поведение может быть сложной и трудной для разрешения проблемой, особенно когда она сочетается с другим расстройством психического здоровья, таким как пограничное расстройство личности (ПРЛ), характеризующимся нестабильным настроением, самооценкой и отношениями [10]. Подростки с ПРЛ совершают рискованные поступки и с трудом контролирует свои чувства. У них присутству-

ет страх быть покинутыми и трудности в поддержании стабильных отношений [12].

Несколько рандомизированных клинических испытаний установили эффективность многомерной семейной терапии (МСТ) с подростками-аддиктами или с расстройством поведения [25]. МСТ признает центральную роль семьи в развитии и лечении проблем, связанных с употреблением психоактивных веществ у подростков, и ее ориентация на вмешательство основана на эмпирических исследованиях, охватывающих нормативное развитие подростков и психопатологию развития. Подход рассматривает множественные подсистемы, в которых подростки живут как в контексте семьи, так и за его пределами [27].

В своем обзоре Schneider et al. приходят к выводу, что «влияние семейной системы жизненно важно для рассмотрения в рамках вмешательств для подростков», имеющих аддикции [32]. Но, хотя семьи являются мощными ресурсами для повышения эффективности лечения и восстановления среди подростков с аддикциями, они обычно не включаются в клиническую практику [4]. Тем не менее, принимая во внимание тенденцию к трансдиагностическому осмыслению проблем и механизмы взаимосвязи различных симптомов или диагнозов, а также продемонстрированную эффективность нескольких видов семейной терапии для лечения проблем с поведением подростков, семейные вмешательства следует рассматривать как жизнеспособную альтернативу адаптации, применения и исследования в отношении аддиктивного поведения на фоне ПРЛ [1].

Цель публикации: уточнить роль семьи в процессе реабилитации и коррекции аддиктивного поведения подростков при пограничном расстройстве личности.

Роли семейного участия в реабилитации подростков-аддиктов с ПРЛ

Основной вопрос, касающийся родительских ролей в психосоциальной помощи подросткам с ПРЛ, связан с участием родителей в реабилитационном и коррекционном процессе. Поскольку подростки не могут самостоятельно принимать решения о своем здоровье, родители играют решающую роль во всем процессе предоставления психосоциальной помощи своим детям. Предоставление помощи начинается со способности родителей распознавать проблемы и получать доступ к системе ухода, через готовность сотрудничать и придерживаться лечения до требуемых от психотерапии результатов [2].

С точки зрения фундаментальной науки и развития семья является основной единицей социализации детей, и хотя характер семейных отношений меняется в подростковом возрасте, важность развития отношений родитель-ребенок остается жизненно важной. С клинической точки зрения включение родителей в лечение основано на системной концептуализации клинических проблем (т.е. изучение множественных источников как хорошего функционирования, так и дисфункций и изучение поведения/проблем в контексте), и эта концептуализация проблемы поддерживается фундаментальной наукой – развитием проблемного поведения в молодом возрасте, приводящего к психопатологии [3].

Ни один фактор, по-видимому, не влияет на адаптацию подростков больше, чем качество семейных отношений, в частности, «чувство подростка связанности с родителями и семьей». Отношения между родителями и подростками влияют на развитие и профилактику рискованного поведения в отношении здоровья под-

ростков и защищают от различных внешних и внутренних проблемных форм поведения. В литературе, посвященной наркомании, качество семейных отношений и процесс воспитания детей рассматриваются как сильные защитные факторы от возникновения злоупотребления психоактивными веществами, особенно среди подростков [21].

Доказательства роли родителей в психосоциальной помощи подросткам в основном сосредоточены на поведении поиска оказываемой помощи и доступе к психокоррекции, и гораздо меньше они направлены на другие этапы процесса реабилитации. Родители являются важным источником информации для специалистов в раннем выявлении проблем у их детей [10]. Их неспособность распознать серьезность поведенческих проблем подростков, а также убедить подростка обратиться за помощью считается основными препятствиями в оказании своевременной психологической помощи аддиктам. Хотя подростки, сталкивающиеся с проблемами, ищут помощи из разных источников, таких как сверстники, друзья или учителя, родители являются наиболее влиятельным фактором в поведении и поиске необходимой психологической помощи в случае подростков с ПРЛ [4]. В связи с чем можно выделить несколько этапов, которые родители проходят в поиске помощи для своего ребенка с аддиктивным поведением:

- родители получают первоначальное понимание дистресса подростка,
- родители осознают, что проблема серьезна и требует внимания,
- родители рассматривают варианты помощи своим детям,
- родители принимают решение обратиться за услугами для коррекции и реабилитации подростка;
- родители обращаются за соответствующими услугами [8].

Только после этих шагов подросток, наконец, получает необходимую ему помощь.

Несколько исследований показывают важную роль родителей в регулярном посещении и соблюдении детской психотерапии или фармакотерапии. Другие исследования показывают, что родители осознают важность своей роли в реабилитации подростков, поскольку считают свои отношения с подростком наиболее важным внешним фактором в выздоровлении [22]. В дополнение к этому, метаанализ Sun et al. показал, что включение родителей в психотерапию подростка приносит дополнительную пользу реабилитации в плане максимизации ее долгосрочной эффективности [34]. Но при этом существует большая вероятность того, что родители могут создавать препятствия для оказания психологической помощи подростку с ПРЛ своим нежеланием принять диагноз, семейную дисфункцию или наличие травмы у

подростка в прошлом. В связи с этим можно выделить четыре тематических блока о роли семьи в реабилитации подростков-аддиктов с ПРЛ (рис. 1).

1. Родители могут быть источником проблем подростков по нескольким причинам. Неблагоприятная семейная обстановка является потенциальным источником проблем подростков. Многие подростки-аддикты с ПРЛ в той или иной степени живут в неблагоприятной семейной обстановке с психологическими проблемами у самих родителей. Тесно связаны с этим и плохие отношения между членами семьи. Во многих исследованиях была обнаружена связь неблагоприятного дет-

ского опыта (такого как насилие в семье, злоупотребление психоактивными веществами, развод и т. д.) с возникновением аддикций и ПРЛ [16, 24]. Более того, исследование Nanninga et al. показало, что психосоциальная помощь была связана с низкой поддержкой семьи и плохими родительскими навыками родителей [30]. Эта проблема также связана с наличием мультипроблемных семей, поскольку было обнаружено, что дети из таких семей имеют высокий риск развития психосоциальных проблем и становятся многопрофильными клиентами психосоциальной помощи [31]. Это указывает на серьезную проблему – эффек-

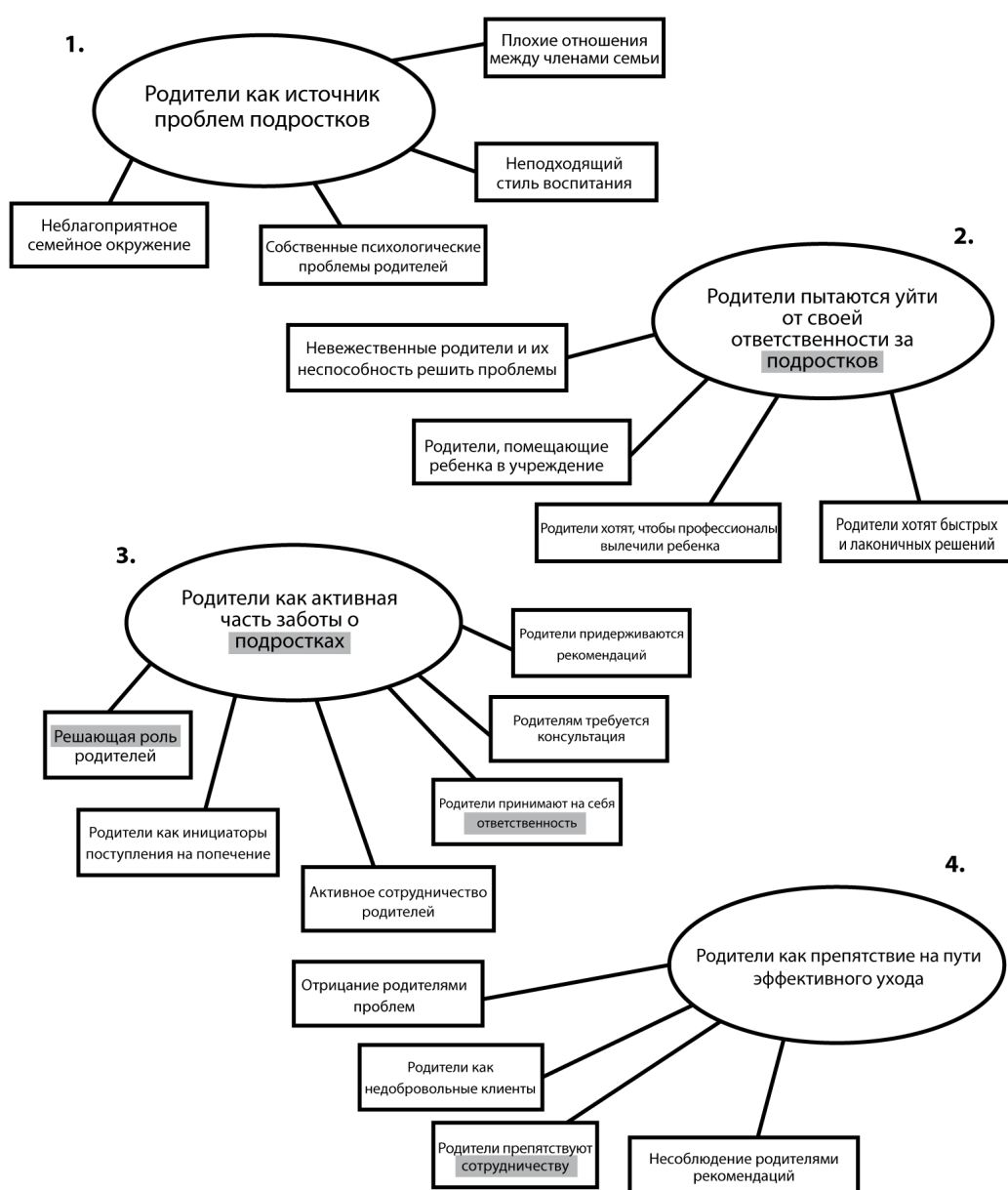

Рис.. 1. Тематические блоки о роли семьи в процессе реабилитации и коррекции аддиктивного поведения подростков при ПРЛ.

тивность реабилитации подростка снижается, когда проблемы в семье и ее функционировании остаются нерешенными. Однако, не совсем ясно, какие вмешательства эффективны при лечении мультипроблемных семей [17].

2. В некоторых случаях родители пытались избежать ответственности за своего собственного ребенка, подростка с проблемами. Наблюдается невежество родителей и их неспособность самостоятельно решать проблемы своего подростка. Это часто приводит к тому, что родители помещают ребенка в психиатрическое учреждение для длительного лечения по причине неспособности продолжать заботиться о подростке, или даже полностью отказываются от выполнения родительских обязанностей. Более того, некоторые родители просят о том, чтобы специалисты вылечили ребенка без каких-либо усилий и участия с их стороны. Родители могут перекладывать ответственность за проблемы подростков на психотерапевта, желая быстрых и коротких решений проблем своих детей. Это показывает необходимость понимания того, почему родители пытаются уйти от своей ответственности. Понимание этих причин и механизмов может помочь в работе с такими родителями.
3. Активное участие родителей во всем процессе ухода имеет решающее значение; родители принимают на себя ответственность за сложившуюся ситуацию и играют доминирующую роль в процессе реабилитации подростка, через оценку проблем и лечение, предоставление информированного согласия или нет, постановку целей ухода совместно со специалистом и т.д. Во время реабилитации родители играют важную роль в соблюдении подростками рекомендаций специалистов. Эффективная коммуникация между родителем и психотерапевтом была связана с родительской удовлетворенностью, а приверженность лечению и коммуникация воспринимались как наиболее важный фактор ухода как для родителей, так и для подростков [20]. Обучение и совместное психотерапевтическое лечение может помочь достичь улучшения отношений между родителями и подростками. Эта тема внесла значительный вклад в понимание того, насколько важно вовлекать родителей в реабилитацию.
4. В отличие от активно вовлеченных родителей, в некоторых случаях родители являются потенциальным препятствием для реабилитации подростка-аддикта. На этапе обращения за помощью родители могут отрицать проблему, что мешает организации реабилитационного процесса. Родители могут быть немотивированные к сотрудничеству, мало доверяющие или вообще не доверяющие профессионалам и боящиеся, что их лишат родительских прав.

Родители также могут не соблюдать рекомендации по режиму или уходу за подростком. Некоторые из них не желают менять собственное поведение, когда оно было обнаружено как часть проблемы, имеют слабую или отсутствие мотивации к сотрудничеству и отказываются от использования психотерапии, госпитализации или других предложенных процедур.

Родительский страх стигмы был определен как один из барьеров реабилитационного процесса. Более того, у родителей могут возникнуть негативные представления и ожидания в отношении реабилитации в области психического здоровья и отсутствие доверия к психотерапевтическим методикам [27]. Эти результаты показывают потенциальные негативные последствия представлений и ожиданий семей. Еще одним объяснением является то, что родители перегружены работой и испытывают дефицит времени для посещения психотерапевтических занятий. Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в поддержке нуждаются не только подростки, но и их родители.

Применение МСТ в реабилитации подростков-аддиктов с ПРЛ

Что касается самого процесса психотерапии, то аддиктивное поведение связано с плохими семейными отношениями, а позитивные отношения между родителями и детьми были признаны защитными факторами против аддикций. Подростки с аддикциями, как правило, из менее теплых, менее сплоченных семей, а отсутствие родительской поддержки и низкая отцовская адаптивность связаны с ПРЛ и аддиктивным поведением подростка. Таким образом, качество отношений между родителями и подростками является согласованной поведенческой целью в программах вмешательства реабилитации аддикций, учитывая его центральное значение для развития здоровья подростка и приобретения основных жизненных навыков (например, регуляции эмоций) [8].

За последнее десятилетие несколько обзоров литературы и метааналитических исследований подчеркнули эффективность семейного лечения аддикций на протяжении всей жизни. Семейное лечение направлено на семейные навыки (например, общение, преодоление трудностей, решение проблем), семейные отношения и процессы, а также отношения членов семьи с ключевыми внесемейными лицами и системами. Метаанализ 45 рандомизированных и квазиэкспериментальных исследований подростков, показал, что семейные модели преобладали почти в каждом сравнении, включая тесты против других эмпирически подтвержденных моделей. Ногие А. и соавт. пришли к выводу, что семейная терапия является хорошо зарекомендовавшим себя амбулаторным подходом к подростковому расстройству поведения, который накопил самую большую доказательную

базу по сравнению со всеми другими подходами [18]. Ariss T. и Fairbairn C.E. обнаружили, что семейное лечение показало последовательное воздействие в зависимости от возраста подростка, других характеристик и моделей реабилитации. Более того, как семейная, так и парная психотерапия приносят пользу при аддиктивном поведении, независимо от того, предоставляются ли они как исключительное лечение или как часть многокомпонентной программы реабилитации [13].

В этом ключе, возможно, будет полезно вспомнить, что семейная терапия изначально стремилась сформулировать теорию и практику для изменения дисфункциональных транзактных семейных моделей, которые связаны с развитием проблемного поведения. Параллельно и пересекаясь с целью транзактных изменений, проводятся индивидуальные сеансы с родителем(ями) и с подростком, которые также затрагивают отношения родитель-подросток и более «индивидуальные» аспекты жизни каждого члена семьи (например, функционирование родителя как личности, за пределами его роли родителя; функционирование подростка в нескольких сферах развития, таких как идентичность, отношения со сверстниками и регулирование эмоций). Более того, методы поведенческого наблюдения показывают улучшение функционирования семьи (например, снижение семейных конфликтов и повышение сплоченности семьи) в большей степени при использовании МСТ, чем при использовании других методов лечения, причем эти преимущества сохранялись при последующем наблюдении через год [27].

Подростки, воспитанные в авторитетных семьях, постоянно демонстрируют больше защитного поведения и меньше рискованного поведения, чем подростки из неавторитетных семей. Стили воспитания и поведение, связанные с теплотой, общением и дисциплинарными практиками, предсказывают важные результаты, включая психосоциальную адаптацию. Основываясь на эмпирических данных, которые показали, что практики воспитания улучшаются при МСТ, она кажется многообещающей семейной терапией для аддиктов. В базовом подходе МСТ психотерапевты активно направляют, тренируют и формируют более позитивный и конструктивный семейный обмен во время семейных сессий. Кроме того, на сессиях с родителями психотерапевты фокусируются на установлении адекватных возрастных правил и поведенческом следовании этим правилам с соответствующими последствиями [26].

Исследования и теории развития предполагают, что основным компонентом успешного развития детей является обучение тому, как регулировать эмоциональные реакции и связанное с ними поведение социально приемлемыми и адаптивными способами хорошо известна [33]. Эмоциональные переживания являются од-

ной из основ самости и позволяют субъектам вступать в отношения с окружающим миром. Достижение эмоциональной самодостаточности и автономии является важнейшей вехой подросткового возраста. Подросткам необходимо регулировать эмоции независимо от их объектов привязанности.

Развивающаяся теория вмешательства предполагает, что для некоторых подростков с ПРЛ аддиктивное поведение является неадаптивной стратегией, используемой для преодоления индивидуальных и семейных трудностей. Чрезмерное увлечение чем-либо можно рассматривать как стратегию побега или, как экспериментальное избегание болезненных аспектов реальной жизни. Эта клиническая точка зрения соответствует четырехфакторной модели познания, предложенной King D.L. и Delfabbro P.H. [23].

Учитывая это, психотерапевтические терапевтические стратегии должны создавать атмосферу доверия, чтобы позволить подростку связываться с эмоциями, выражать их и развивать улучшенное поведение регуляции. Эта и другие проблемы развития не все являются внутриличностными или индивидуальными (т. е. рассматриваются как индивидуальные компетенции подростка). Критический вывод исследования развития, имеющих важные клинические последствия, заключается в том, что родители играют фундаментальную роль в навыках регуляции эмоций, которые необходимо приобрести подростку. Нарушенные отношения между родителями и подростками могут помешать приобретению регуляции эмоций и поддерживать дисфункциональную дистанцию (или близость) между родителями и подростком. Таким образом, необходимо восстановить отношения или привязанность, чтобы способствовать приобретению эмоциональных навыков и на этой основе инвестировать в исследование окружающего мира. Для этого родителям важно помочь подростку-аддикту определить и выразить то, что он чувствует, начать думать о разных способах регулирования эмоций. Например, когда подросток терпит неудачу в чем-либо и становится агрессивным и жестоким, родители могут помочь подростку открыть разные способы выражения своего разочарования, гнева и фрустрации. Разговаривая таким образом, родители сдерживают эмоции, которые испытывает подросток во время неудачи, и помогают ему найти разные способы выражения, контроля и регулирования своих эмоций. Каждое возбуждение, каждое ощущение, каждая эмоция, которую подросток испытывает, должны найти смысл, и подростку нужны слова, чтобы описать то, что он испытывает. Благодаря языку (а значит, благодаря смыслу) подросток сможет развить критическую дистанцию в отношении аддиктивного поведения как рефлексивный противовес его силе притяжения.

Одним из наиболее надежных выводов в литературе

по лечению подросткового аддиктивного поведения является то, что удержание в терапии имеет важное значение для получения успешного результата реабилитации [11]. Тем не менее, подростки, как правило, неохотно идут на психотерапевтические сеансы, противятся лечению, а отсутствие вовлеченности одного из членов семьи в терапевтический процесс может иметь пагубное влияние на весь опыт семьи.

Несколько эмпирических исследований показали, что семейная терапия более эффективна, чем другие хорошо зарекомендовавшие себя методы лечения подростковой зависимости с точки зрения вовлеченности и удержания подростка в терапии [14]. Члены семьи, особенно родители, играют важную роль в содействии процессу изменений подростка и повышают успешность лечения, особенно для нежелающих проходить реабилитацию подростков.

Родители с зависимым подростком обескуражены, истощены, подавлены и чувствуют, что они перепробовали все и что больше ничего не работает. Тем не менее, терапевтическое отношение МСТ оптимистично настроено в отношении изменений, сосредоточено на сильных сторонах и энергично, что демонстрируется в том, как психотерапевт устанавливает множественные терапевтические альянсы с разными членами семьи. Терапевтический альянс является одним из важнейших предикторов терапевтических результатов, и исследования показали отрицательную связь между качеством терапевтического альянса с подростком и прекращением терапии. Прочность альянса, по-видимому, влияет на результат лечения. Включение родителей в лечение меняет негативное восприятие подростка. Это позволяет подростку выйти из положения идентифицированного пациента, избегая понятия единоличной ответственности за ситуацию. Включение родителей в терапию позволяет подростку почувствовать, что он не единственный «виновник» ситуации, что приносит ему облегчение. Это дает всем членам семьи возможность действовать сообща. Иногда привлечение родителей может быть единственным способом поддерживать подростка в длительной реабилитации. Поэтому одной из главных задач для семейных психотерапевтов является одновременное участие в нескольких терапевтических альянсах и привлечение нескольких членов семьи, которые могут находиться в конфликте друг с другом и иметь разный уровень мотивации к лечению. Одной из особенностей МСТ является то, что психотерапевт работает с семейной системой, а также с подсистемами родителей с одной стороны и подростка с другой. Эта работа способствует построению терапевтических альянсов, когда семьи находятся в кризисе, что имеет место почти во всех семьях с подростком-аддиктом. В случае всей семьи риск заключается в том, чтобы заключить альянс с одним или другим и воспроизвести в терапии то, что они пережива-

ют ежедневно.

Когда родители обращаются за терапией, они в основном жалуются на препятствия, с которыми сталкиваются, пытаясь регулировать поведение подростка. Это означает, что им трудно демонстрировать свою власть, устанавливать четкие правила и обеспечивать их соблюдение. Сложность решения этой проблемы может привести к тому, что родители почувствуют себя виноватыми, потеряют уверенность в своих родительских способностях и откажутся от терапии. Таким образом, психотерапевт должен снизить риск отказа. В МСТ одной из основных задач первой стадии подсистемной работы с родителями является заставить их почувствовать, что они полезны и влиятельны в жизни своих подростков, вовлечь их в процесс реабилитации. Цель состоит в том, чтобы прервать цикл поражения, отчаяния и эмоционального дистанцирования, который испытывают родители, и возродить их надежды, мечты, связь и стремления в отношении своих подростков. Терапевту МСТ необходимо создать процессы внутри и между членами семьи, которые являются составляющими изменений. Один из этих процессов заключается в том, чтобы позволить родителям по-настоящему пережить то, что они пережили. Медленно, постепенно, с сочувствием, надеждой и новыми перспективами ситуации, терапевт МСТ связывает родителей с их болью и страданиями в прошлых и текущих ситуациях, что, в свою очередь, способствует повторному соединению родителей с их любовью и заботой о своем ребенке.

Вовлеченность, которая является ключом к изменению, может быть определена как взаимодействие с собой, а для родителя – как потенциальное взаимодействие или повторное взаимодействие со своим подростком. Кроме того, родителям необходимо осознать и восстановить связь со своими родительскими навыками. Терапевт ищет и развивает примеры родительских практик, которые были успешными. Как рекомендовано на первом этапе МСТ («Создание фундамента»), эти повседневные родительские действия становятся платформой для работы над новыми правилами (этап 2: «Быстрые действия и изменения»). Здесь психотерапевт может расширить знания родителей об эффективных родительских практиках, а затем практиковать их. Это означает, что родители перейдут от логики «все или ничего» к логике переговоров и совместного строительства. Подобно детям, подросткам нужны правила и ограничения, потому что структура заставляет их чувствовать себя в безопасности. Дети постепенно развивают способность управлять собой: они приобретают этот навык, и родители играют важную роль в этом процессе обучения до позднего подросткового возраста.

Совместное решение проблем является наиболее эффективной стратегией разрешения конфликта. Чтобы

достичь позитивных отношений между родителями и подростками, родителям необходимо постепенно трансформировать использование власти с одностороннего подхода к кооперативному совместному построению. Клинический опыт показывает, что переход от авторитарного контроля к совместной позиции родителей и подростков требует времени для установления и устоя. Время и построение доверительных отношений являются основными проблемами, когда родители просят быстрых изменений и могут не захотеть ждать столько, сколько необходимо. Установление изменений в семье – это пошаговое начинание с промежуточными фазами, которые могут показаться дисфункциональными. Действительно, подросток охотно подчинится договору, если он чувствует, что его ценят, и, если он согласен с правилами договора.

Оборонительная позиция и взаимные обвинения характерны для ранних бесед с семьями подростков с аддикциями. С одной стороны, родители склонны критиковать и осуждать своего подростка; с другой стороны, подросток склонен либо молчать, либо быть агрессивным. Аддиктивное поведение происходит внутри семьи и, следовательно, оказывает сильное влияние на ее функционирование. Это показывает, насколько необходимо нацеливаться на семейные отношения и повседневное общение. Сильное негативное отношение к подростку и его расстройству может быть довольно устойчивым к реабилитации семейным атрибутом. Когда эти негативные обмены продолжаются, члены семьи чувствуют безнадежность относительно изменений и неудовлетворенность терапией, а вероятность несоблюдения режима и раннего прекращения терапии увеличивается [12]. Клинически хроническое негативное эмоциональное выражение во время сеансов может быть связано с плохим результатом психотерапии. В МТС терапевт напрямую способствует изменению отношений между родителями и подростками посредством разыгрывания. В МСТ разыгрывание дает экологическую картину существующих семейных отношений и технику для формирования новых видов семейных взаимодействий. Таким образом, на первом этапе МСТ терапевт работает над восстановлением связи между членами семьи и, в частности, над эмоциональным восстановлением связи. Вмешательства в родительские отношения направлены на сокращение эмоциональной дистанции между родителями и подростком – и, в частности, на восстановление отношений привязанности – и уменьшение чрезмерного конфликта и негативного аффекта. Снижение отрицательного эмоционального заряда воссоединит членов семьи. Для этого психотерапевту необходимо выделить время на построение терапевтического альянса с подростком и с родителями в одиночку. Терапевту необходимо встретиться с родителями наедине, чтобы услышать и эмпатически подтвердить их страдания и переживания. Терапевту важно быть осторожным, чтобы не реагиро-

вать немедленно на их просьбу о разрешении проблемы. Спешка к переменам и слишком быстрое вовлечение в решение проблем подрывают построение терапевтического альянса и увеличивают вероятность прекращения психотерапии. Терапевт не сможет установить решение проблем в системе отношений, если не произойдет никаких изменений в эмоциональном климате семьи. Родители не смогут попробовать новые образовательные модели поведения или практики, если их эмоциональная вовлеченность низкая. Однако терапевт может помочь родителям в ментализации ума ребенка и описать родителям возможность взглянуть на вещи с другой точки зрения. Общение не может быть восстановлено, если существует значительная эмоциональная дистанция между родителем и подростком и эмоциональный климат, полный враждебности и разочарования.

Прежде чем просить об изменениях, родителям необходимо выяснить, что на самом деле у их ребенка на уме. Более того, подростки обычно делают противоположное тому, что рекомендуют их родители, поэтому чем больше родители будут критиковать или даже запрещать, тем больше подросток будет вовлечен в аддикцию. Таким образом, родители должны быть квалифицированными. Это позволит родителям: восстановить общение со своим подростком, найти способ узнать его лучше, увидеть его в другом свете и изменить (негативное) восприятие своего подростка, найти способ повысить ценность своего подростка. Эта работа (наряду с другими психотерапевтическими вмешательствами) будет способствовать переходу от эмоционального климата, полного негативных эмоций (например, гнева, разочарования, страха перед будущим и беспокойства), к эмоциональному климату, полному позитивных эмоций (любви, надежды, гордости и доброты). Этот клинический вызов является важнейшим предварительным условием перед перспективой изменений. Действительно, исследования механизма изменения МСТ показали, что улучшения в аспектах семейной системы, имеющих значение для развития (методы воспитания и, в частности, негативное родительское поведение), связаны с изменениями на критическом уровне интереса – снижением подростковых симптомов ПРЛ, включая аддиктивное поведение.

Заключение

Значительные пробелы и препятствия для вовлечения семей в услуги реабилитации аддиктивного поведения для подростков с ПРЛ существуют на нескольких уровнях. Семьи могут играть роль в возникновении или поддержании («способствовании») аддикций, родители в большей доле случаев не имеют навыков или мотивации для участия в реабилитации ребенка. Психотерапевты часто не учитывают приоритет работе с семьей или планированию совместной с семьей реабилитации

подростка. А сами семьи испытывают нехватку ресурсов, низкую уверенность и связанную со стигмой сдержанность в отношении взаимодействия с системами реабилитации аддиктивного поведения.

Семейная психотерапия и, в частности, терапия с многомерной концепцией могут быть очень многообещающими в реабилитации подростка-аддикта с ПРЛ. Ос-

новой психотерапии подростка-аддикта, согласно МСТ, является активное участие в процессе реабилитации членов его семьи. Первоначально разработанная для подростков с расстройством употребления психоактивных веществ и признанная в качестве лечения на основе фактических данных, МСТ представляется как релевантная модель лечения для подростков с ПРЛ и с аддиктивным поведением любого генеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агирбова Д.М. Психологические особенности формирования аддиктивного поведения среди подростков / Д.М. Агирбова, К.Ш. Хубиева // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 106-2. – С. 120-122. – DOI 10.18411/tmio-02-2024-96.
2. Дмитриева Н.В. Психология аддиктивного поведения / Н.В. Дмитриева, Д.В. Четвериков. – Новосибирск, 2012. – 287 с.
3. Дольто Ф. На стороне подростка: монография / пер. с англ. А. К. Борисова. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2020. – 424 с.
4. Дружинин В.Н. Психология семьи: монография. СПб.: Питер, 2006. 3-е изд. – 176 с.
5. Короленко Ц.П. Процессные аддикции. Психодинамический анализ / Ц.П. Короленко, Т.А. Шпикс, И.В. Турчанинова. – Новосибирск: Немо Пресс, 2019. – 255 с.
6. Короленко Ц.П. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – Новосибирск: Олсиб, 2001. – 251 с.
7. Покровская С.В. Представление о личностных особенностях у подростков, склонных к аддиктивному поведению / С.В. Покровская, Т.В. Пугачева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук – 2022. – № 3 (86). – С. 68-72.
8. Раскумандрина М.Е. Детско-родительские отношения и формирование личности подростка / М. Е. Раскумандрина // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 1. – С. 81-93. – EDN P1HWWY.
9. Руководство по аддиктологии / Под. ред. Д.Ф. Менделевича. – СПб. Речь: 2014. – 768 с.
10. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека: монография. М.: Университетская книга; Логос, 2010. – 392 с.
11. Шнейдер Л.Б. Семья: оглядываясь вперед: монография. СПб.: Питер, 2013. – 368 с.
12. Эйдемиллер Э.Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. – СПб.: Речь, 2006. 2-е изд., испр. и доп. – 352 с.
13. Ariss T., Fairbairn C.E. The effect of significant other involvement in treatment for substance use disorders: A meta-analysis. J Consult Clin Psychol. 2020;88(6):526-540. doi:10.1037/ccp0000495
14. Becker K.D., Boustani M., Gellatly R., Chorpita B.F. Forty Years of Engagement Research in Children's Mental Health Services: Multidimensional Measurement and Practice Elements. J Clin Child Adolesc Psychol. 2018;47(1):1-23. doi:10.1080/15374416.2017.1326121
15. Bonnaire C., Liddle H.A., Har A., Nielsen P., Phan O. Why and how to include parents in the treatment of adolescents presenting Internet gaming disorder? J Behav Addict. 2019 Jun 1;8(2):201-212. doi: 10.1556/2006.8.2019.27.
16. Connolly E.J., Kavish N. The Causal Relationship between Childhood Adversity and Developmental Trajectories of Delinquency: A Consideration of Genetic and Environmental Confounds. J Youth Adolesc. 2019;48(2):199-211. doi:10.1007/s10964-018-0960-0
17. Evenboer K.E., Reijneveld S.A., Jansen D.E. Improving care for multi-problem families: context-specific effectiveness of interventions? Child Youth Serv. 2018; Rev. 88, 274–285. doi: 10.1016/j.childyouth.2018.03.024
18. Hogue A., Becker S.J., Wenzel K., Henderson C.E., Bobek M., Levy S., Fishman M. Family involvement in treatment and recovery for substance use disorders among transition-age youth: Research bedrocks and opportunities. J Subst Abuse Treat. 202; Oct;129:108402. doi: 10.1016/j.jsat.2021.108402.
19. Hogue A., Henderson C.E., Becker S.J., Knight D.K. Evidence Base on Outpatient Behavioral Treatments for Adolescent Substance Use, 2014-2017: Outcomes, Treatment Delivery, and Promising Horizons. J Clin Child Adolesc Psychol. 2018;47(4):499-526. doi:10.1080/15374416.2018.1466307
20. Jager M., De Winter A.F., Metselaar J., Knorth E.J., Reijneveld S.A. Priorities in the communication needs of adolescents with psychosocial problems and their parents. Health Expect. 2015;18(6):2811-2824. doi:10.1111/hex.12259
21. Keijsers L. Parental monitoring and adolescent problem behaviors: How much do we really know? International Journal of Behavioral Development, 2016; 40(3), 271–281. doi: 10.1177/0165025415592515
22. Kelly M., Coughlan B. A theory of youth mental health recovery from a parental perspective. Child Adolesc Ment Health. 2019; 24(2):161-169. doi:10.1111/camh.12300
23. King D.L., Delfabbro P.H. The Cognitive Psychopathology of Internet Gaming Disorder in Adolescence. J Abnorm Child Psychol. 2016;44(8):1635-1645. doi:10.1007/s10802-016-0135-y
24. Lackova Rebicova M., Dankulincova Veselska Z., Husarova D., Madarasova Geckova A., van Dijk J.P., Reijneveld S.A. The Number of Adverse Childhood Experiences Is Associated with Emotional and Behavioral Problems among Adolescents. Int J Environ Res Public Health. 2019;16(13):2446. doi:10.3390/ijerph16132446
25. Liddle H., Rigter H. How developmental research and contextual theory drive clinical work with adolescents with addiction. Harv Rev Psychiatry. 2013;21(4):200-204. doi:10.1097/HRP.0b013e31829aaa6b
26. Liddle H.A. Multidimensional family therapy. In Sexton T.L., Lebow J. (Eds.), Handbook of family therapy. New York, NY: Routledge/Taylor & Francis Group, 2016. Pp. 231-249.

27. Liddle H.A., Dakof G.A., Parker K., Diamond G.S., Barrett K., Tejeda M. Multidimensional family therapy for adolescent drug abuse: results of a randomized clinical trial. *Am J Drug Alcohol Abuse*. 2001; 27(4):651-688. doi:10.1081/ada-100107661
28. Liddle H.A. Multidimensional Family Therapy: Evidence Base for Transdiagnostic Treatment Outcomes, Change Mechanisms, and Implementation in Community Settings. *Fam Process*. 2016; 55(3):558-576. doi:10.1111/famp.12243
29. Mackova J., Veselska Z.D., Geckova A.M., Jansen D.E.M.C., van Dijk J.P., Reijneveld S.A. The role of parents in the care for adolescents suffering from emotional and behavioral problems. *Front. Psychol*. 2022; 13:1049247. doi: 10.3389/fpsyg.2022.1049247
30. Nanninga M., Jansen D.E., Knorth E.J., Reijneveld S.A. Enrolment of children and adolescents in psychosocial care: more likely with low family social support and poor parenting skills. *Eur Child Adolesc Psychiatry*. 2015; 24(4):407-416. doi:10.1007/s00787-014-0590-3
31. Pannebakker N.M., Kocken P.L., van Dommelen P., van Mourik K., Reis R., Reijneveld S.A., Numans M.E. Care use and its intensity in children with complex problems are related to varying child and family factors: A follow-up study. *PLoS One*. 2020 May 6;15(5): e0231620. doi: 10.1371/journal.pone.0231620
32. Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review. *J Behav Addict*. 2017; 6(3):321-333. doi:10.1556/2006.6.2017.035
33. Sloan E., Hall K., Moulding R., Bryce S., Mildred H., Staiger P.K. Emotion regulation as a transdiagnostic treatment construct across anxiety, depression, substance, eating and borderline personality disorders: A systematic review. *Clin Psychol Rev*. 2017; 57:141-163. doi:10.1016/j.cpr.2017.09.002
34. Sun M., Rith-Najarian L.R., Williamson T.J., Chorpita B.F. Treatment Features Associated with Youth Cognitive Behavioral Therapy Follow-Up Effects for Internalizing Disorders: A Meta-Analysis. *J Clin Child Adolesc Psychol*. 2019; 48(sup1): S269-S283. doi:10.1080/15374416.2018.1443459.

© Алёхин Анатолий Николаевич (termez59@mail.ru), Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ ОСОЗНАННОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

COPING-STRATEGIES AS TOOLS FOR INCREASING PERSONAL AWARENESS IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

O. Berg

Summary: Uncertainty in many areas of life has become an integral part in modern conditions, which, in turn, contributes to a significant level of stress. Currently, there are quite a lot of techniques and tools used for stress, but their ineffective use can lead to a deterioration of the condition and worsen the consequences. The article examines the research results of the founders of such a field in psychology as coping strategies or coping with stress. Models and approaches are analyzed, and the relationship with personality types is carried out. An analysis of earlier research by the founders of the coping strategy is necessary for a more correct understanding and effective application in practice.

Keywords: coping, stress, coping strategies, uncertainty, awareness, stress management, defense mechanisms.

Берг Ольга Федоровна

Балтийский федеральный университет имени Канта,
(г. Калининград)
ivan2707@gmail.com

Аннотация: Неопределенность во многих сферах жизни стала неотъемлемой частью в современных условиях, что, в свою очередь, способствует возникновению значительного уровня стресса. В настоящее время достаточно много техник и инструментов, применяемых при стрессе, но неэффективное их использование может привести к ухудшению состояния и усугубить последствия. В статье рассматриваются результаты исследований основоположников такого направления в психологии, как копинг-стратегии или совладание со стрессом. Анализируются модели, подходы, проводится взаимосвязь с типами личности. Анализ более ранних исследований основоположников копинг-стратегии необходим для более корректного понимания и эффективного применения в практике.

Ключевые слова: копинг, стресс, копинг-стратегии совладание, неопределенность, осознанность, выход из стресса, защитные механизмы.

Любая неопределенность воспринимается нашим подсознанием как опасность, вызывая стрессовую реакцию. Сам по себе стресс не представляет пагубных последствий, если организм физически и психологически на него не реагирует. Но если стресс затягивается, а реакции начинают пагубно влиять на физическое состояние и качество жизни, то необходимы соответствующие методы, техники и инструменты, чтобы нивелировать разрушительное воздействие. При этом неосознанный и хаотичный выбор техник может только усугубить ситуацию, когда, к примеру, проблема решается, но только следует приложить определенные усилия, а человек уходит в эмоциональные процессы или начинает усиленно медитировать.

Поэтому, понимая, что наша реальность наполнена моментами неопределенности, важно осознанно подходить к вопросам ее снижения, а, соответственно, и снижения уровня стресса. В связи с этим представляется актуальным анализ исследований различных стратегий преодоления стресса.

Начиная с 1967 г. в психологических исследованиях и практике началось применение копинга как самостоятельной системы, и с тех пор в психологии и медицинских науках данная концепция имеет актуальность и востребованность как в теории, так и в практике. В силу того, что данные концепции зародились на Западе, то представляется справедливым рассмотреть ключевые

работы в данном направлении и проанализировать подходы авторов.

В книге Р.Блауна «Совладание со стрессом в меняющемся мире» предлагается практическая схема совладения, описанная как 4R: переосмысление, сокращение, расслабление и освобождение.

Статья Ф. Дью «Детерминанты совладания: некоторые альтернативные объяснения и проблемы измерения» представляет ценность с методологической точки зрения относительно измерения стресса и совладения в аспекте различных характеристик.

В сборнике статей Eckenrode, John, ed. The Social Context of Coping, подготовленных членами Консорциума по исследованиям стрессовых процессов (CRISP), анализируются измерения совладания относительно социальных параметров (пол, возраст и т.д.).

Монография «Stress and Coping» содержит серию статей по психофизиологическим, развивающим и психосоциальным аспектам стресса и совладания. В монографии обсуждается мультисистемная модель совладения, представляющая как теоретический, так и практический интерес.

Взаимосвязь стресса и здоровья представлена в «Справочнике по стрессу, преодолению трудностей и здоровью, предназначенном для сестринского дела. Ис-

следования, теория и практика». Особый интерес представляют техники, сдерживающие влияние.

Рядом ученых предлагаются рабочие тетради для практического управления стрессом в целях помощи в преодолении трудностей в своей жизни.

Российская практика применяет предлагаемые подходы, адаптируя их. И к настоящему времени как в теории, так и в практике появилось широкое многообразие информации, что, к сожалению, не свидетельствует об эффективности. И это также подталкивает обратиться первоначальным исследованиям.

Термин «соре», появившийся в психологической науке в 1967 г., происходит от латинского слова «solus», что означает «изменять». В парадигме психологии он означает совладание и преодоление проблем. Также данный термин используется и контекстах мыслительного процесса, характеристик личности или социального контекста.

Но еще задолго до появления данной концепции Зигмунд Фрейд описывал такие защитные механизмы психики как отрицание, сублимация, регрессия, вытеснение, что стало большим вкладом в развитие копинг-концепций. Последователи З. Фрейда Альфред Адлер и Анна Фрейд также уделяли большое внимание защитным механизмам. При этом А. Адлер рассматривал внешние угрозы и защиту от них, а уже Анна Фрейд и внешние и внутренние угрозы, подчеркивая и в том, и в другом случае важную роль защитных механизмов, добавив к ним отрицание, интеллектуализацию, ограничение эго и идентификацию с агрессором. Защитные механизмы в данных концепциях приравнивались к совладанию. [8.9]

Однако психолог Норма Хаан в своей книге 1977 г. «Совладание и защита» проводит четкое различие между данными понятиями. Совладание, утверждает она, предполагает осознанный выбор, в то время как защитные механизмы являются импульсивными реакциями, зачастую искажающими происходящие процессы.

Психологом Робертом Уайтом в работе 1985 г. «Стресс и преодоление трудностей: антология» указывается на то, что преодоление стресса происходит из концепции адаптации, которая, по сути, работает одинаково как в незначительных стрессовых ситуациях, так и в глубоких трагедиях. Также Р. Уайт копинг-стратегии обозначает как мастерство, но отмечая при этом, что психологами такой подход не приветствуется в силу того, что он логично соотносится либо с победой, либо с поражением. Но тем не менее это еще один подход к описанию концепции преодоления трудностей, тревог и опасностей. [5]

Автором исследований, максимально приближенных к современному пониманию копинг-стратегий вы-

ступает американский психолог Ричард Лазарус, [10] представивший в своей книге «Психологический стресс и процесс копинга» (1966 г.) транзакционную модель копинг-стратегий. Далее, в 1984 г. с соавтором Сьюзан Фолкман он развивает данную концепцию в книге «Стресс, оценка и копинг». [11]

Транзакционная модель означает, что проживание стресса – это некое взаимодействие человека и окружающей среды. Во время такого взаимодействия человек проходит определённые этапы или стадии. [4]

На первом этапе происходит первичная оценка события, когда человек, основываясь на опыт и знания, определяет факт опасности. Если ситуация является таковой, то далее происходит вторичная оценка, или оценка степени опасности. Когда степень невысокая, то стресс далее не распространяется. Если же ситуация идентифицируется как опасная, то в рамках следующего этапа человек определяет степень контроля над событием или ситуацией. Здесь как раз и наступает совладание.

И на заключительном четвертом этапе, когда происходит переоценка, человек делает для себя вывод, была ли ситуация позитивной или негативной. [6]

Относительно слабыми сторонами является то, что данный подход фокусирует внимание на мыслительных составляющих и поведенческих волевых усилиях в рамках процесса копинга, а не на личности; на специфике конкретных стрессовых ситуаций, а не на общей физиологической реакции; а также отсутствует фиксация результата.

В соответствии с транзакционной моделью выделяются две обобщённые стратегии, одна из которых ориентирована на решение проблем, а другая на эмоции.

Для решения проблем требуется определенное мышление, и определенные навыки. Это могут быть навыки управления межличностными конфликтами, навыки работы с информацией, тайм-менеджмент, целеполагание, понимание всей совокупности факторов, вызывающих стресс и др.

В эмоционально ориентированной стратегии фокус направлен на внутреннее состояние человека: что он думает, что чувствует, какие испытывает эмоции относительно ситуации или события. И здесь может возникнуть очень широкий спектр процессов: отрицания ситуации, свободное выражение эмоций, избегание, сравнения, поддержка, фокус на позитивную сторону, а также упражнения, релаксация, медитации, религиозные обряды и т.д. Но не редко эмоционально ориентированный подход включает и употребление алкоголя или наркотиков. [2]

Результаты исследований с использованием данной модели указывают на то, что стратегии, ориентированные на проблемы, наиболее эффективны тогда, когда ситуацию можно изменить. А стратегии, ориентированные на эмоции, работают в ситуациях, которые изменить невозможно. [3]

Некоторые из этих стратегий являются здоровыми, конструктивными и созидательными, другие, напротив, деструктивными и разрушающими. Но есть также и нейтральные. Выбор той или иной стратегии зависит, в первую очередь, от количества и качества доступных человеку ресурсов для совладения. [7]

К числу таких ресурсов относятся: физические ресурсы (выносливость, здоровье и т.д.); социальные ресурсы (окружение единомышленников или людей, которые могут помочь); установки и паттерны поведения; материальные ресурсы; знания и навыки; общественные ресурсы (политика, законы и т.д.).

Одним из инструментов измерения и оценки стратегий является контрольный список способов совладания (WOC), разработанный Лазарусом и Фолкманом. Данный список содержит 68 различных пунктов, разделенных на восемь категорий. К числу данных категорий относится: принятие ответственности, конфронтационное совладание (выражение гнева), дистанцирование (упрощение ситуации), избегание (желание, чтобы ситуация исчезла), запланированное решение проблем (составление плана действий и следование ему), позитивная переоценка (ситуация как толчок к личностному росту), поиск социальной поддержки, самоконтроль.

В последствии данная шкала была преобразована (Ways of Coping Checklist-Revised), включив в себя список из 42 пунктов поведения.

Еще одна шкала измерения Coping Orientations to Problems Experienced (COPE), включающая двенадцати типов копинг-стратегий была предложена психологом Чарльзом Карвером и его коллегами. К числу копинг-стратегий относятся: отрицание, отстранение, принятие, позитивное переосмысление, активный копинг, юмор, социальная поддержка, самоотвлечение, сдержанность, подавление конкурирующих видов деятельности, планирование и религия. Также Ч. Карвер обратил особо пристальное внимание на такую характеристику личности, как оптимизм. Проведя исследования на больных, лечащих рак груди или восстанавливающихся после инфаркта, было очевидно, что оптимизм существенно помогает в преодолении трудностей. [12]

За пациентами с сердечными заболеваниями наблюдали и кардиологи Мейер Фридман и Рэй Розенман. Они выделили два типа личности: тип А и тип В. Для людей с типом личности А свойственны нетерпение, срочность,

враждебность и соревновательность. В то время как люди с типом В прямо противоположны. Они обладают терпением и готовы к сотрудничеству. И таким образом в совладании у людей с типом личности А более негативные тенденции, чем у людей с типом личности В.

Рядом исследователей также изучается взаимосвязь характеристик отдельных черт личности и совладания. Американский психолог Сюзанна Кобаса (1977 г.), изучая характеристики людей, находящихся в состоянии сильного стресса, ввела такое понятие, как «стойкость». Стойкость в данном контексте означает, что не смотря на стресс, человек сохраняет физическое и ментальное здоровье. А для того, чтобы человек обладал соответствующим профилем личности, ему необходимо быть глубоко вовлеченным или причастным к какой-либо деятельности, обладать чувством веры в способность влиять на ситуацию, а также воспринимать ситуацию как вызов к лучшему переменам и росту.

Израильским медицинским социологом Аароном Антоновским была предложена концептуальная основа совладения - «чувство согласованности», состоящая из таких компонентов, как управляемость, осмысленность и понятность. И, таким образом, люди, для которых свойственно более высокое чувство согласованности, легче переживают жизненные трудности.

Кроме того, преодоление трудностей не происходит в вакууме. Большинство стрессовых ситуаций подразумевают взаимодействие с людьми, то есть в социальной среде. Социальная среда может пониматься как в широком смысле, то есть социальная структура, так и в узком смысле, то есть близкие отношения. Зачастую люди, находящиеся на более высоком уровне социального статуса имеют больше ресурсов, в том числе из социальной среды, чтобы справиться с трудной ситуацией.

Социальная поддержка исследуется с разных позиций. Американский социолог Джеймс Хаус, профессор Мичиганского университета, определил социальную поддержку как «помощь и содействие, которые человек получает через социальные отношения и межличностный обмен» и классифицировал ее на четыре типа:

Эмоциональная социальная поддержка – сочувствие, любовь, доверие и забота.

Инструментальная социальная поддержка – помощь и обслуживание, получаемые от специалистов.

Информационная социальная поддержка – советы, предложения и информация, получаемые извне.

Оценочная социальная поддержка – информация, получаемая для самооценки.

Таким образом, социальная поддержка оказывает положительное влияние, обеспечивая в том числе «эффект буферизации».[1]

Таким образом, понимание подходов к стратегиям преодоления стресса, а также их точечное и грамотное использование способно не только нивелировать последствия, но и превратить некоторые стрессовые ситуации в определенный драйвер развития. Правильное использование, прежде всего, означает, что ту ситуацию, которую можно исправить, а проблему решить – нужно совершать действия в этом направлении, и действия эти

могут быть совершенно разные. Это могут быть как приобретение навыков разрешения конфликта или умение придерживаться определенных правил поведения, так и совершение более радикальных действий, если того требует ситуация, например, переезд в другой город, смена работы и т.д. Но если ситуацию невозможно изменить, то, конечно, целесообразно применять мысленческие и эмоционально-чувственные техники. Более того, понимание, что определенные черты личности, характера, а также уровень статуса и ресурсов будут способствовать выходу из негативных ситуаций, а, следовательно, данные ресурсы нужно создавать заранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева Т.З. Эмоциональный интеллект как личностный ресурс совладания со стрессом / Т.З. Аверкиева, Д.З. Кинцурашвили // Fundamental science and technology : сб. науч. ст. по материалам XII Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2023. – Ч. 3. – С. 157-162.
2. Данилова А.В. Обзор психологической литературы по проблеме совладающего поведения // Молодой ученый. — 2021. — № 43 (385). — С. 61-63.
3. Карасев А.Д. Теоретические и практические аспекты выявления взаимосвязи копинг-стратегий и готовности к изменениям А.Д. Карасев, Н.В. Олиндер // Молодежная наука: тенденции развития – № 2 – 2022 С.11-19
4. Лазарус Ричард биография. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81,%D0%A0%D0%B8%D1%87%D0%B0%D1%80%D0%B4>
5. Леонова Е.Н. Жизнестойкость и когнитивная оценка трудной жизненной ситуации как предикторы способов совладания человеческий капитал, 2021, № 4(148) С. 90-103
6. Скорлупина О.А. Эмоциональный интеллект и копинг-стратегии у студентов / О.А. Скорлупина, Г.А. Кривоногова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2024. – № 60. – С. 74-80.
7. Тихонова Е.А. Подходы к изучению понятия совладающего поведения в отечественных и зарубежных научных исследованиях // Психолог - № 6 – 2021 - С. 1-11.
8. Фрейд А. Эго и механизмы психологической защиты / А. Фрейд — СПб.: АСТ, 2008. — 160 с.
9. Фрейд З. Психология «Я» и защитные механизмы М.1993
10. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. – N.Y.: McGraw-Hill Book, 1966. – 466 p.
11. Lazarus, Richard, S. и Folkman, Susan. Стресс, оценка и преодоление трудностей. Нью-Йорк: Springer Publishing, 1984.
12. Philip M. McCabe и Neil Schneiderman, eds. Stress and Coping. Hillsdale, NJ: Lawrence Earlbaum Associates, Publishers, 1985.

© Берг Ольга Федоровна (ivaness2707@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FORMATION OF ACHIEVEMENT MOTIVATION TEENAGERS IN SPORTS ACTIVITIES

I. Glushchenko
V. Petkov
N. Demchenko
H. Arov
E. Ogar

Summary: Currently, there are a sufficient number of studies in Russian and foreign psychology and pedagogy devoted to the topic of achievement motivation, but not many of them address the topic of success and failure in sports activities. The study of the motivation of athletic achievements of adolescents is an urgent problem because it represents an important aspect of personality development. The purpose of the study is to identify the psychological and pedagogical conditions for the formation of teenagers' motivation for sports activities. The novelty of the research lies in the expansion of scientific ideas in educational psychology and the psychology of sports about the motivation of athletic achievements of adolescents in the conditions of a children's and youth sports school.

Keywords: motivation of achievement, personality of a teenager, sports activities, children's and youth sports school.

Глущенко Ирина Анатольевна

Кандидат педагогических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
iro4ka-glushchenko@yandex.ru

Петьков Валерий Анатольевич

Доктор педагогических наук, профессор, Кубанский
государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Демченко Наталья Юрьевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Невинномысский государственный гуманитарно-
технический институт
natalidem71@yandex.ru

Аров Хасан Нанурович

Кандидат биологических наук, доцент, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
arovichn@yandex.ru

Огарь Елена Викторовна

Старший преподаватель, Невинномысский
государственный гуманитарно-технический институт
Ogar_ev@yandex.ru

Аннотация: В настоящее время в отечественной и зарубежной психологии и педагогике существует достаточное количество исследований, посвящённых теме мотивации достижения, однако не многие из них затрагивают тему успеха и неудач в спортивной деятельности. Исследование мотивации спортивных достижений подростков является актуальной проблемой поскольку представляет собой важный аспект развития личности. Целью исследования заключается выявление психолого-педагогических условий формирования мотивации подростков к спортивной деятельности. Новизна исследования заключается в расширении научных представлений в педагогической психологии и психологии спорта о мотивации спортивных достижений подростков в условиях детско-юношеской спортивной школы.

Ключевые слова: мотивация достижения, личность подростка, спортивная деятельность, детско-юношеская спортивная школа.

Исследование мотивации достижения человека является актуальной проблемой в психологии поскольку представляет собой важный стимул к достижению успеха и авторитета. В настоящее время существует ряд исследований, посвящённых этой теме в отечественной и зарубежной психологии и педагогике, однако не многие из них не затрагивают тему успеха и неудач в спортивной деятельности.

Началом научных исследований по изучению мотивации достижения считается XX век. Первооткрывателем данного направления в психологии стал Г. Мюррей,

который считал, что мотивация достижений является потребностью личности человека, которая помогает выполнять трудно решаемые задачи, преодолевать проблемы взаимодействия с разного рода объектами, людьми, управлять ими, а также помогает упорядочить взаимоотношения. Г. Мюррей придерживался того, что это нужно делать быстро и самостоятельно, насколько это может быть возможным, тем самым затмевать самого себя и других, соревноваться, преодолевать трудности и достигать наивысшей стадии успеха, с помощью своих умений и навыков [7]. Главными исследователями мотивации достижения исторически принято считать зару-

бежных психологов Дж. Аткинсона, Н. Ахома, И.Л. Кларка, К. Левина, Д.С. МакКлелланда, Х. Хекхаузена и др.

Среди отечественных учёных изучению мотивации достижения посвятили свои научные труды В.Н. Дружинин, М.Ш. Магомед-Эминов, С.В. Маланов, А.С. Маланова, А.А. Реан и др.

Однако, следует отметить, что труды вышеперечисленных учёных выполнены без учёта специфики конкретной деятельности человека и, в частности, спортивной. Проблема мотивации достижения в спортивной деятельности рассматривается рядом отечественных исследователей с позиции динамического подхода (И.И. Бойко, И.П. Волков, Т.О. Гордеева, А.Ц. Пуни, Л.К. Серова, А.Р. Пилюян, А.В. Шаболтас и др.). Согласно научным представлениям этих учёных мотивации достижения является динамической трансформацией опорных мотивов человека и реализуется от духовных мотивов - к материальным. Учёт этих особенностей позволяет разработать эффективные методы формирования мотивации с достижений спортсменов на определённых этапах карьеры в спорте [1-6].

Опытно-экспериментальная работа была организована и проведена на базе МБОУ ДЮСШ №1 г. Невинномыска, выборку составили спортивные группы 2010 и 2011 г.р. (63 человека: 20 мальчиков и 23 девочки).

В констатирующей части исследования для выявления исходного уровня сформированности мотивации достижений у обучающихся ДЮСШ нами была использована методика «Диагностика мотивации достижения» А. Мехрабиана [2].

Испытуемым предлагалось ответить на утверждения, исходя из которых делался вывод о преобладании одного из типов мотивации. Высокие показатели свидетельствуют о преобладании мотивации стремления к успеху, низкие – к избеганию неудачи.

В ходе исследования выявлено, что у большинства опрошенных в экспериментальной группе имеется выраженный ориентации на стремление к успеху (51 %), меньшая часть характеризуется избеганием неудачи (39 %). Также было выявлено что некоторая часть (10 %) опрошенных не имеет выраженного типа мотивации, что интерпретируется как совмещение в равной степени мотивации достижения и избегания неудачи. В контрольной группе были получены схожие результаты, соотношение между типами мотивации менялось в незначительной степени.

С целью выявления направленности мотивации подростков к занятиям спортом была использована анкета по методике А.В. Шаболтас [6]. В методике выделено 10 мотивов-категорий, позволяющих определить домини-

рующие мотивы занятия спортом.

Анализ мотивационной сферы подростков-спортсменов свидетельствует о направленности их мотивации на высокие спортивные достижения, а также на эмоциональное удовольствие и в меньшей степени на здоровье. Причем среди старших подростков преобладал мотив высоких достижений, среди младших эмоциональное удовольствие.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что в обеих группах преобладает мотив достижения успеха в спорте (17 % в контрольной и 20 % в экспериментальной группе) – который выражается в стремлении занимать высокие места на соревнованиях, показывать результаты и т.д. Большое значение для опрашиваемых имеет мотив эмоционального удовольствия (15% в контрольной и 17% в экспериментальной группе). Это означает, что опрашиваемые придают значимость впечатлениям, получаемым от атмосферы соревнований, спортивной деятельности как таковой, эмоциям от общения. Третьим по значимости выступает познавательный мотив (10% в контрольной и 13% в экспериментальной группе). Таким образом, опрашиваемых подростков мотивирует желание знать об особенностях техники избранного вида спорта и принципах организации учебно-тренировочного процесса. Достаточно выражены профессиональный и гражданско-патриотический мотив (7–8 % в обеих группах). Первый свидетельствует о форсированности желания продолжать профессиональную спортивную карьеру. Гражданско-патриотический мотив, в свою очередь, характеризуется стремлением отстоять честь команды, школы, региона в рамках соревнований.

В наименьшей степени в экспериментальной группе был выражен рационально-волевой мотив, свидетельствующий о желании подростков заниматься спортом для реализации потребности в повышении двигательной активности. Это вполне объяснимо, поскольку данный характер мотива специфичен для более взрослых категорий опрашиваемых, не задействованных в профессиональном спорте.

Большинство респондентов охарактеризовало свои мотивы как желание чувствовать себя самостоятельнее перед родителями, увереннее среди сверстников и преодолевать свои негативные черты. Усиление данного показателя наблюдалось с увеличением возраста опрашиваемых, что действительно является характерной чертой данного возрастного периода. Также абсолютное большинство опрашиваемых в обеих возрастных группах оценили по 5-балльной шкале влияние отношений с тренером на результат. Максимальный балл также получила шкала мотивации желания отстоять честь региона, школы или группы.

Также были выяснены основные причины, которые

в большей степени ухудшали мотивацию к тренировочным занятиям: наибольшее число ответов набрали плохое настроение и физическое состояние, конфликты в группе, личные проблемы. Поэтому основное направление деятельности было в том, чтобы уделить больше внимания эмоциональному состоянию и конструктивному решению конфликтов.

Статистический анализ подтвердил достоверность необходимости подростков в получении психологической информации о способах мотивации, влиянии психоэмоционального состояния и личных особенностей на способность сосредоточиться на тренировочном процессе. Также опрашиваемые указали, что их бы мотивировало желание больше знать о технике и принципах организации тренировочного процесса.

На основе результатов анализа, можно отметить возрастные различия мотивационной сферы среди подростков: большинство опрашиваемых указало что с возрастом у них поменялись причины занятий спортом и/или серьезность, с которой они относились к учебно-тренировочному процессу.

Результаты диагностирования позволили объективно оценить уровень сформированности мотивации к занятиям спортом и спортивным достижениям подростков экспериментальной и контрольной групп, выявить уровень взаимосвязи психолого-возрастных особенностей и мотивации достижения, влияния пси-

хологической обстановки в учебно-тренировочном и соревновательном процессе на мотивацию достижения, а также запроса на предоставление тренером психологической информации. Кроме того, были изучены направления мотивационных интересов испытуемых, а также соотношение мотивов достижения успеха и мотивов избегания неудач.

На основе полученных результатов нами была разработана авторская программа повышения мотивации достижения подростков в спортивной деятельности. Этапы её реализации, содержание и задачи отражены в таблице 1.

Для тренеров-преподавателей ДЮСШ были проведены занятия по повышению психологической грамотности. Содержание занятий было посвящено изучению характера юных спортсменов, особенностей высшей нервной деятельности, типов темперамента и их учёт при построении спортивной тренировки и подготовке к спортивным соревнованиям. Также были разработаны и реализованы тренинги, направленные на формирование диагностических умений спортивных педагогов позволяющие им объективно оценивать психологические особенности подростков-спортсменов и учитывать в учебно-тренировочном процессе основные мотивы занятий и участия в соревнованиях юных спортсменов. В помощь тренерам нами разработан пакет анкет и опросников изучения личности юных спортсменов.

Таблица 1.

Содержание и этапы реализации программы повышения мотивации достижения подростков в спортивной деятельности.

№	Этап	Содержание занятий	Задачи
1	Проведение бесед	1. Твои сильные и слабые стороны (преимущества и недостатки). 2. Разбор понятий «интересы», «потребности», «мотивы», «цели». 3. Как боролись с трудностями и недостатками выдающиеся спортсмены. 4. Что вдохновляет и побуждает тебя к активным тренировкам. 5. Позитивные эмоции в спорте и как их создавать. 6. Человек ощущает свою беспомощность. Что бы вы ему сказали и как предложили поступить?	1. Способствовать формированию у обучающихся представлений о понятиях, составляющих основу спортивной мотивации. 2. Способствовать развитию у подростков представлений о своих психологических особенностях и возможностях. 3. Способствовать развитию у подростков самомотивации спортивных достижений.
2	Проведение ментальных тренингов	1. Аутогенная тренировка. 2. Идеомоторная тренировка. 3. Мысленная репетиция. 4. Ментальный имаготренинг. 5. Психотренинг волевого внимания. 6. едитационные методы. 7. Ментальный видеотренинг- макетное моделирование спортивных действий.	1. Развивать у подростков умение настраивать себя на успех. 2. Формировать умение визуализировать ситуацию успеха. 3. Способствовать развитию навыков тактического мышления, концентрации внимания.
3	Проведение игр	– «Без маски»; – «Подкрепляющие стимулы»; – «Я не боюсь»; – «Человек боится...».	Развивать умение у подростков различать эмоции по мимике людей

Для организации эффективной внеучебной деятельности юных спортсменов был разработан и реализован комплекс воспитательно-рекреационных мероприятий, обеспечивающих создание благоприятного психологического микроклимата в спортивном коллективе, формирование продуктивного педагогического взаимодействия подростков с тренером, доверительных отношений с друзьями и членами семьи, насыщенный и разнообразный культурно-развивающий досуг.

Эффективность реализации разработанной нами программы повышения мотивации достижения подростков в спортивной деятельности и комплекса мероприятий внеучебной деятельности оценивалась на контрольном этапе исследования с помощью методики оценки уровня спортивной мотивации школьников Н.Г. Лускановой [5].

Сравнительные результаты уровня мотивации достижения подростков в спортивной деятельности у контрольной и экспериментальной группы по методике-диагностике представлены на рисунке 1.

Анализ результатов показал, что в экспериментальной группе количество подростков с высоким уровнем развития мотивации достижения в спортивной деятельности увеличилось на 28%, подростков со средним уровнем уменьшилось на 6%, при этом количество подростков с низким уровнем развития мотивации снизилось до минимума.

В ходе исследования установлено, что успешность формирования высокого уровня мотивации достижения подростков в спортивной деятельности в условиях обучения в детско-юношеской спортивной школы обеспечивается следующими психолого-педагогическими условиями:

— корректное и реалистичное (с учётом физиче-

ских и психических возможностей) целеполагание обуславливающее позитивные изменения в мотивации достижения юных спортсменов и как следствие влияющее на успешность соревновательной деятельности;

- формирование и стимулирование установки на самосовершенствование и достижение успеха через обеспечение и реализацию специально разработанных индивидуально-ориентированных учебно-тренировочных программ, которые позволяют улучшить спортивные достижения;
- разработка и реализация комплекса воспитательно-рекреационных мероприятий, обеспечивающих создание благоприятного психологического микроклимата в спортивном коллективе, формирование продуктивного педагогического взаимодействия подростков с тренером, доверительных отношений с друзьями и членами семьи, насыщенный и разнообразный культурно-развивающий досуг
- формирование атмосферы командного духа через реализацию основных идей школы, что проявляется в желании стать лучшей спортивной школой города с самым большим количеством спортивных команд и участников;
- привлечение подростков к управлению, участию в принятии коллективных решений для проявления ими организаторских способностей, как, например, привлечение к разработке календаря спортивно-массовых спортивных мероприятий, мастер-классов, волонтерских проектов и акций;
- повышение информационной поддержки и открытости спорта, включая информационные ресурсы в сети Интернет и социальных сетях;
- материальное стимулирование и поощрение лучших сборных команд и спортсменов, создание комфортных условий для занятий спортом.

Рис. 1. Сравнительные результаты уровня мотивации достижения подростков в спортивной деятельности

Материалы исследования могут представлять интерес для тренеров-преподавателей детско-юношеских спортивных школ, при решении задач поиска эффективных форм, методов и средств формирования адекватных

устойчивых мотивов достижения подростков в спортивной деятельности, что в конечном итоге способствует повышению эффективности учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко, И.И. Мотивация достижения у подростков-спортсменов и ее развитие в процессе проведения коррекционно-тренировочных занятий / И.И. Бойко: автореф. дис. канд. психол. наук. Иркутск, 2006. 161 с.
2. Волков, И.П. Практикум по спортивной психологии. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
3. Гордеева, Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Т.О. Гордеева // Современная психология мотивации; под ред. Д.А. Леонтьева. М. 2002. 159 с.
4. Пуни, А.Ц. Психологическая подготовка к соревнованию в спорте / А.Ц. Пуни. Изд-во: Спорт, 2023. 122 с.
5. Серова, Л.К. Психология личности спортсмена: учебное пособие / Л.К. Серова. М.: Советский спорт. 2007. 116 с.
6. Шаболтас, А.В. Мотивы занятий спортом высших достижений в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.В. Шаболтас. СПб., 1998. 21 с.
7. Murray, H.A., Explorations in Personality. New York: Oxford Univer. Press, 1938. p. 164.

© Глущенко Ирина Анатольевна (iro4ka-glushenko@yandex.ru), Петьков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru),
Демченко Наталья Юрьевна (natalidem71@yandex.ru), Аров Хасан Нанурович (arovhn@yandex.ru),
Огарь Елена Викторовна (Ogar_ev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВРЕМЕННОГО ФОКУСА ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ

THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE TEMPORARY FOCUS OF PERSONALITY AMONG UNDERGRADUATE STUDENTS

L. Emelyanova

Summary: The article discusses the problem of the temporary focus of personality. The essence of the concept of "time focus" is revealed. During the pilot study, the main characteristics of the temporary focus of personality among undergraduate students of the 4th year of study were studied.

Keywords: time perspectives of personality, time focus, future, present, past.

Емельянова Лариса Алексеевна

Кандидат психологических наук, доцент, Орский
гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета
LARISSA-EM56@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема временного фокуса личности. Раскрыта сущность понятия «временной фокус». В ходе пилотажного исследования были изучены основные характеристики временного фокуса личности у студентов-бакалавров 4 курса обучения.

Ключевые слова: временные перспективы личности, временной фокус, будущее, настоящее, прошлое.

Введение

В условиях социальных перемен и кризисов человеку важно выбрать правильный жизненный курс, который поможет сохранить внутреннюю гармонию и обеспечит личностное развитие в будущем. Современные психологические исследования сосредоточены на анализе временных трудностей, а именно на развитии личности на протяжении всей жизни, что определяется как «психология жизненного пути». Особое внимание уделяется понятию «временные перспективы личности», которое играет ключевую роль в понимании того, как человек воспринимает своё будущее, прогнозирует грядущие события, ставит перед собой цели и выбирает способы их достижения, основываясь на прошлом опыте. Временной фокус личности исследовался многими учёными, философами, социологами, историками и педагогами.

Проблема построения взаимоотношений человека со временем собственной жизни и формирование временной компетенции являются ключевыми для поддержания психологического благополучия личности. Исследования показывают, что сбалансированное восприятие времени является важным ресурсом для преодоления стресса [1; 5]. Временной фокус, выстроенный человеком, отражает устойчивость и целостность восприятия жизненного пути, демонстрируя вовлечённость в настоящее с учётом прошлого опыта и ориентированность на будущее.

В отечественной психологии встречаются понятия: «восприятие времени» или «временная перцепция» (Ю.М. Забродин, Л.В. Бороздина, И.А. Мусина, В.Е. Котов-Хроменко, М.А. Пономарев и др.); «переживание времени» (Е.И. Головаха, А.Л. Кроник и др.); «отношения ко

времени» (Н.Ю. Григоровская, В.И. Ковалев, Т.А. Нестик); «временная организация» личности (Л.Ю. Кубликене, В.Ф. Серенкова, Е.С. Улитова и др.) [4].

В зарубежной науке для обозначения субъективного восприятия времени можно встретить такие понятия: «временная ориентация» (Holman & Silver), «отношение к времени» (Nuttin), «полихронность» (Bluedorn), «временная глубина» (Bluedorn), «временная перспектива» (Boniwell & Zimbardo, Lewin, Zimbardo & Boyd), «временной фокус» (Shipp et al.).

В 1939 году психолог Л. Фрэнк предложил концепцию «временной перспективы». Это понятие описывает «жизненное пространство» индивида, охватывая его прошлое, настоящее и представления о будущем, включая поставленные цели. К. Левин применил эту идею для анализа целостного восприятия психологической временной перспективы, включающей прошлое, настоящее и будущее.

Время играет ключевую роль в адаптации человека к окружающей среде. На восприятие времени влияют два основных фактора: личностные особенности и внешние обстоятельства.

Связь между фокусировкой на времени и локусом контроля была подробно исследована Дж. Роттером, который выделил две формы причинной атрибуции: внешнюю (экстернальную) и внутреннюю (интернальную). Было замечено, что работающие молодые люди чаще воспринимают своё будущее через призму внутренней ответственности, нежели учащиеся.

Современные исследования подтверждают, что вре-

менное восприятие формируется в процессе социализации. По мнению С.Л. Рубинштейна, личность активно участвует в создании собственного жизненного пути, что включает и формирование её временных установок.

Временной фокус представляет собой важное качество личности, связанное с временным аспектом жизни человека. Он обладает сложной структурой, включающей такие элементы, как продолжительность, направление, согласованность, эмоциональный фон и другие.

Основная цель временного фокуса заключается в осознании конечностью индивидуальной жизни. Это предвидение будущего, фиксация в сознании значимых событий и изменений, происходящих на протяжении всей жизни, а также готовность действовать определённым образом для достижения поставленных целей.

И. Ковалев определил отношение ко времени на основании параметров активности и выделил четыре типа регуляции времени: стихийно-обыденный тип, характеризуется зависимостью от событий и обстоятельств; функционально-действенный тип, активно организующий течение событий; пассивный, созерцательный тип и творчески-преобразующий тип личности

Целью временного фокуса можно считать, осознание личностью конечности индивидуального существования – это «предвидение будущего, его закрепление в сознании, с фиксированием в сознании личности различных событий, изменений результатов на протяжении всей жизни, и в целом объединение всех этих операций в готовности действовать соответствующими способами для достижения поставленных целей» [7]. Временной фокус может влиять на управление временем и достижение целей. Люди с ориентацией на прошлое могут иметь тенденцию к повторению прошлых ошибок и неспособность к адаптации к новым ситуациям. Люди с ориентацией на настоящее могут иметь тенденцию к откладыванию задач на потом и неспособность к планированию и достижению долгосрочных целей. Люди с ориентацией на будущее могут иметь тенденцию к перфекционизму и неспособность к удовлетворению текущих потребностей.

Целью нашего исследования является изучение основных характеристик временного фокуса личности у

студентов-бакалавров 4 курса обучения.

В исследовании принимали участие 163 студента высшего учебного заведения 4-х курсов обучения по программе бакалавриата (53 юноши и 110 девушек) Орского гуманитарно-технологического института (филиал) ОГУ.

Полученные результаты обработаны методами описательной статистики, с применением статистического пакета IBM SPSS Statistics 25.

Методика «Шкала временного фокуса (TFS)» выступает интегрирующим инструментом для лучшей оценки отношения человека ко времени в различных контекстах, таких как образование, коучинг, психотерапия, консультирование и профориентация.

Шкала временного фокуса (TFS) из 12 пунктов, предложенных Шипп, Эдвардсом и Ламбертом, использовалась для измерения временного фокуса и включала три подшкалы: фокус на прошлом, настоящем и будущем. Утверждения TFS оценивались по 5-балльной шкале, описывающей, как часто респондент думал о временных рамках, указанных в утверждении (1 — никогда; 3 — часто; 5 — постоянно). Для каждой подшкалы рассчитывался интегральный индекс. Фокус на прошлом указывает на вовлеченность человека в воспоминания о прошлом, фокус на настоящем — на концентрацию на событиях настоящего, а фокус на будущем показывает склонность размышлять о будущем и стремление строить планы и разрабатывать стратегии для своей жизни.

Результаты и обсуждение

На этапе пилотажного исследования анализируются показатели временного фокуса у студентов-бакалавров 4 курса.

В таблице 1 представлены средние значения и стандартные отклонения показателей временного фокуса.

По всем шкалам опросника уровни статистической значимости для критерия Колмогорова-Смирнова меньше 0,05, следовательно, все распределения значимо отличаются от нормального. (Рис. 1.)

Таблица 1.

Описательные статистики показателей временного фокуса.

Показатели временного фокуса	Среднее значение (стандартное отклонение)	Экссесс	Ассиметрия	Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова	
		Ст. ошибка	Ст. ошибка	Статистика критерия	Асимп. знач. (двухсторонняя)
Настоящее	3,87 (0,59)	-0,63 (0,378)	-0,73 (0,190)	0,126	< 0,001
Прошлое	3,91 (0,74)	-0,104 (0,378)	-0,75 (0,190)	0,137	< 0,001
Будущее	3,70 (0,66)	0,085 (0,378)	-0,58 (0,190)	0,106	< 0,001

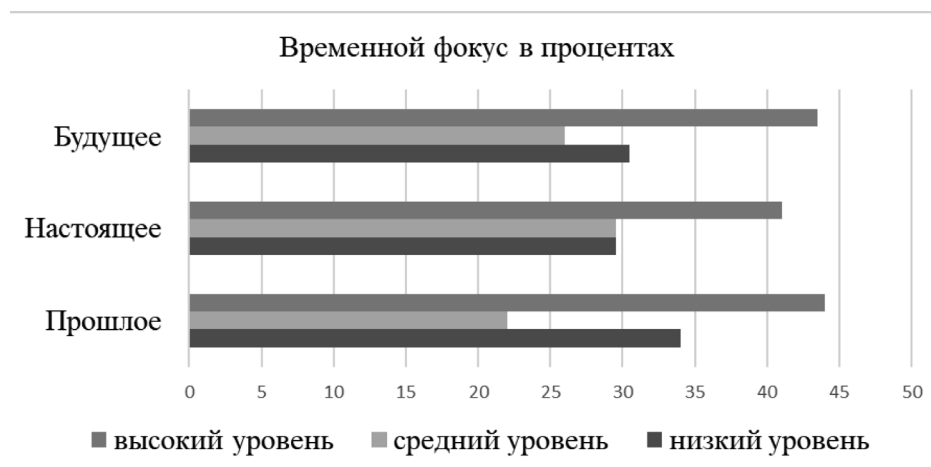

Рис. 1. Показатели временного фокуса в процентах.

Таблица 2.

Гендерные различия временного фокуса у юношей и девушек.

Показатели временного фокуса	Средние ранги девушки (n 110)	Средние ранги юноши (n 53)	Критерий Манна Уитни
Настоящее	88,94	94,93	0,496
Прошлое	90,72	89,88	0,924
Будущее	88,94	101,69	0,085

По полученным результатам, представленным на рисунке 1, студенты сосредоточены на прошлом, ценят старое больше, чем новое. Временной фокус сосредоточен на настоящем у студентов, имеющих повышенный интерес к собственным желаниям, сосредоточенности на себе и самореализации. Для выпускников ВУЗа характерным является нацеленность на личные цели, активное социальное взаимодействие, повышенный интерес к учебной деятельности и саморазвитие. Эти параметры указывают на особую насыщенность и глубину временной перспективы в настоящем, ближайшем будущем и периодом взрослости, имеющим достаточно продолжительный временной отрезок. Почти половина респондентов ориентированы на будущее. Настоящее и ближайшее будущее имеют достаточно четко сформулированные цели и предполагаемый алгоритм их достижения, тогда как период взрослости характеризуется желательностью и носит достаточно неопределенный характер. Ориентация на будущее положительно связана почти со всеми аспектами благополучия, такими как осмысленность жизни, социальная эффективность и на-

стойчивость.

Значимых различий между юношами и девушками не выявлено, данные представлены в таблице 2.

Заключение

Таким образом, проведя пилотажный этап исследования, можно сделать вывод, что у выпускников ВУЗа временной фокус, в основном, сосредоточен на событиях, которые проходили в прошлом. Подобная ориентация на прошлое время может привести к тому, что юноши и девушки будут испытывать трудности при построении и планировании своей профессиональной деятельности и жизни в целом. Рассмотрение жизни в будущем будет исключительно с точки зрения прошлого опыта и тех событий, которые были испытаны. Проблема выстраивания отношений человека со временем своей жизни, формирования компетентности во времени является одной из ключевых в аспекте обеспечения психологического здоровья личности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян, М.О. Воплощенное Я во временной перспективе личности / М.О. Аванесян. // Петербургский психологический журнал. – 2022. – № 41. – С. 48-61.
2. Балабашук, Р.О. Основные направления психолого-педагогического сопровождения становления хронологических характеристик образа мира студентов вузов / Р.О. Балабашук // СМАЛЬТА. – 2021. – № 1. – С. 5-13.
3. Бухарина, А.Ю. Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации / А.Ю. Бухарина, Н.Н. Толстых // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 36-48.

4. Купчигина, И.М. Теоретические подходы к изучению структуры временной перспективы в психолого-педагогических исследованиях / И. М. Купчигина, К.М. Недбаева // Молодой ученый. — 2017. — № 48 (182). — С. 156-158.
5. Особенности временной перспективы личности студентов с различным уровнем осознанной саморегуляции на этапах обучения в вузе / К.Н. Белогай, И.С. Морозова, Е.А. Медовикова [и др.]. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2018. — Т. 8, № 5. — С. 57-72.
6. Попова, Е.Л. Особенности мотивационной сферы студентов российских вузов / Е.Л. Попова. // Общество. Коммуникация. Образование. — 2020. — Т. 11, № 4. — С. 51-60.
7. Приходченко, Е.И. Феномен «временная перспектива личности» как её ценностная ориентация / Е.И. Приходченко // Вестник Академии гражданской защиты. — 2021. — № 3(27). — С. 67-73.

© Емельянова Лариса Алексеевна (LARISSA-EM56@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА У ПОКОЛЕНИЯ Y

Кулова София Олеговна

Российский университет дружбы народов

им. Патриса Лумумбы

Ssegueva@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN GENDER-ROLE IDENTITY AND CHARACTER ACCENTUATIONS IN GENERATION Y

S. Kulova

Summary: This paper examines the relationship between gender-role identity and character accentuations in representatives of Generation Y (millennials). The study examines the theoretical foundations of gender-role identity as a complex personal construct that includes cognitive, affective and behavioral components, as well as the concept of character accentuations as extreme variants of the norm with excessively enhanced individual traits. Particular attention is paid to the socio-cultural context of the formation of the personality of millennials in the context of the digital revolution, globalization and the transformation of gender roles. The work reveals a tendency towards androgyny of representatives of Generation Y with noticeable gender asymmetry, the phenomenon of «multiple identity» and establishes significant correlations between the types of gender-role identity and certain character accentuations. The results of the study demonstrate that the androgynous type of identity is more often combined with the hyperthymic and demonstrative types of accentuations, the masculine type - with the excitable and stuck, the feminine type - with the anxious and exalted types. The influence of the digital environment and the transformation of family relationships on the formation of character accentuations in millennials is analyzed. The data obtained are important for psychological practice, education and social work with representatives of generation Y.

Keywords: gender identity, character accentuations, generation Y, millennials, gender roles, digital socialization, psychological adaptation.

Аннотация: Данная работа посвящена исследованию взаимосвязи полоролевой идентичности и акцентуаций характера у представителей поколения Y (миллениалов). В исследовании рассматриваются теоретические основы полоролевой идентичности как комплексного личностного конструкта, включающего когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, а также концепция акцентуаций характера как крайних вариантов нормы с чрезмерно усиленными отдельными чертами. Особое внимание уделяется социокультурному контексту формирования личности миллениалов в условиях цифровой революции, глобализации и трансформации гендерных ролей. В работе выявлена тенденция к андрогинизации представителей поколения Y с заметной гендерной асимметрией, феномен «множественной идентичности» и установлены значимые корреляции между типами полоролевой идентичности и определенными акцентуациями характера. Результаты исследования демонстрируют, что андрогинный тип идентичности чаще сочетается с гипертимным и демонстративным типами акцентуаций, маскулинный – с возбудимым и застревающим, фемининный – с тревожным и экзальтированным типами. Проанализировано влияние цифровой среды и трансформации семейных отношений на формирование акцентуаций характера у миллениалов. Полученные данные имеют важное значение для психологической практики, образования и социальной работы с представителями поколения Y.

Ключевые слова: полоролевая идентичность, акцентуации характера, поколение Y, миллениалы, гендерные роли, цифровая социализация, психологическая адаптация.

Введение

Актуальность исследования полоролевой идентичности представителей поколения Y обусловлена беспрецедентными социокультурными трансформациями, происходящими в современном обществе. Миллениалы, рожденные в период с 1984 по 2000 годы, формировались в условиях стремительного развития цифровых технологий, глобализации и существенных изменений в системе гендерных ролей. Традиционные модели маскулинности и фемининности подвергаются пересмотру, границы между полоролевыми характеристиками становятся более размытыми. Эти процессы создают уникальный контекст для формирования личностной идентичности, отличающий миллениалов от предыдущих поколений.

Изучение связи между этноидентичностью и акцентированными чертами характера становится особенно актуальным при рассмотрении различных проявлений. Гендерная самоидентификация представляет собой многомерный феномен, охватывающий мыслительные процессы, эмоциональные состояния и поведенческие паттерны, и неразрывно взаимодействует с индивидуальными особенностями характера. Акцентуации, являясь усиленными проявлениями личностных черт в пределах норм, могут вызывать воздействие на гендерную идентичность и одновременно вызывать ее влияние.

Настоящее исследование направлено на установление корреляций между различными формами гендерной идентичности и типами акцентуаций характера у представителей направленных миллениалов (поколение Y). Исследовательские задачи включают: исследова-

ние специфики гендерной идентичности миллениалов в современном социокультурном двадцатилетии; определение типичных характерологических акцентов среди представителей поколения Y; различия специфики взаимозависимости между типами генетических идентичностей и акцентуациями характера.

Основные результаты

Гендерная самоидентификация является сложным структурным элементом личности, выражающим внутреннее понимание человеком своей половой принадлежности и усвоение им соответствующих паттернов поведения. Психологические исследования трактуют это явление как фундаментальный компонент личностной структуры, который существенно влияет на формирование других аспектов идентичности – социального, этнокультурного и профессионального характера. Данный психологический конструкт служит одним из краеугольных камней в процессе становления целостной индивидуальности и самосознания личности. [1].

В психологическом дискурсе понятие «полоролевой идентичности» иногда применяется в практических взаимосвязях с родственными понятиями – «половая идентичность», «гендерная идентичность» и «сексуальная идентичность». Западная психологическая традиция определяет полоролевою идентичность как базовое возникновение естественных маскулинных или феминических качеств, представляющих собой социально-психологический конструкт, который в большинстве случаев коррелирует с биологическими половыми гармоничными индивидами. Этот феномен проявляется как элемент краткосрочного самоопределения личности в двадцатых категориях. [2].

В структуре полоролевой идентичности, согласно исследованиям, выделяются когнитивный (осознание принадлежности к определенному полу), аффективный (оценка собственных качеств через призму половых моделей) и поведенческий (самопрезентация в качестве представителя определенного пола) компоненты. Эта структура отражает как внутренние аспекты самовосприятия, так и внешние проявления через поведение и взаимодействие с окружающими [3,4].

Гендерная самоидентификация, основанная на определении половой идентичности, перед включением более сложного уровня самовосприятия себя в качестве представителя конкретного пола. Этот конструкт касается не только биологической составляющей, но и социокультурных аспектов, связанных с реализацией общественно определенных генетических ролей.

Полоролевая идентичность осуществляется через процесс геоинформационной идентификации – эво-

люционирующего механизма, в ходе которого индивидуальное производство становится психологическими характеристиками и поведенческими моделями, соответствующими его полу. Это происходит посредством самоотождествления с напольным покрытием и баллонной интеграцией личностных качеств и социальных моделей в естественной идентичности [5]. Это сложный многоуровневый процесс, на который влияют как биологические предпосылки, так и социальное окружение индивида.

Анализ современных теоретических подходов к изучению полоролевой идентичности демонстрирует многогранность и сложность данного феномена. Исторически западная социологическая и психологическая мысль предложила несколько основополагающих концепций, которые продолжают развиваться в условиях трансформирующегося общества XXI века.

Психоаналитический подход, восходящий к работам З. Фрейда и С. Холла, рассматривает формирование полоролевой идентичности через призму идентификации с родителем того же пола и механизмы подражания. В современном социокультурном контексте данная теория приобретает новое звучание, поскольку трансформация семейных отношений и родительских ролей создает более сложные условия для подобной идентификации. Сегодня дети могут наблюдать разнообразные модели родительского поведения, включая неполные семьи, однополые союзы и другие вариации семейных конфигураций, что существенно усложняет процессы идентификации [6].

Теория социального научения, представленная в работах А. Бандуры и М. Мид, акцентирует внимание на механизмах подкрепления и социального научения. В современных условиях информационного общества социальное подкрепление полоролевого поведения происходит не только в непосредственном окружении, но и через многочисленные медиа-источники, включая социальные сети и цифровые платформы, которые транслируют различные, порой противоречивые модели гендерного поведения [7].

Когнитивный подход к полоролевой идентичности, разрабатываемый Л. Колбергом, Дж. Тернером и К. Летурно, связывает формирование гендерной идентичности с интеллектуальным развитием и процессами самокатегоризации. Данный теоретический ракурс особенно актуален в современных условиях, когда индивид сталкивается с необходимостью самостоятельно осмысливать и интегрировать разнообразные, часто противоречивые социальные ожидания и гендерные стереотипы [8].

Представители «новой психологии пола» (К. Джеклин, Э. Маккоби) подчеркивают роль социальных ожиданий

общества в формировании полоролевой идентичности. В современном мире эти ожидания претерпевают значительные изменения под влиянием глобализации, цифровизации и социальных движений за гендерное равенство. Трансформация социальных ожиданий в отношении мужчин и женщин создает более гибкое поле для формирования полоролевой идентичности, но одновременно может вызывать и состояния неопределенности, требующие от личности дополнительных адаптационных усилий [9].

Теория гендерной схемы, разработанная С.Л. Бэм и Г. Мартином, особое внимание уделяет процессам ассимиляции Я-концепции в гендерную схему ребенка. В современных социокультурных условиях гендерные схемы становятся более разнообразными и менее жесткими, что создает предпосылки для формирования более индивидуализированных форм полоролевой идентичности [10].

Эти трансформационные процессы особенно ярко проявляются в формировании полоролевой идентичности представителей разных поколенческих групп, среди которых особый интерес вызывает поколение Y (миллениалы).

Миллениалы, или представители поколения Y, рожденные в период с 1984 по 2000 годы, сформировались как уникальная социально-демографическая группа под влиянием стремительного развития цифровых технологий. Согласно теории поколений Штрауса и Хоу, эта группа обладает схожими ценностями, сформированными общими историческими событиями и социальными условиями развития [11].

Ценностный мир поколения Y характеризуется ярко выраженной ориентацией на настоящее и краткосрочную перспективу. Как отмечают исследователи, миллениалы предпочитают жить «здесь-и-сейчас», избегая долгосрочного планирования. Их интересы сконцентрированы преимущественно на актуальных событиях, происходящих с ними и их ближайшим окружением. Примечательна трансформация традиционных ценностей в пользу новых приоритетов. Материальные символы статуса уступают место опыту и впечатлениям. Миллениалы отдают предпочтение аутентичным переживаниям вместо стандартных туристических программ, индивидуальному комфорту вместо формальных дресс-кодов, минимализму в дизайне вместо традиционных интерьеров [12].

Полоролевая идентичность у представителей поколения Y демонстрирует существенные особенности, отражающие трансформационные процессы современной социокультурной реальности. На формирование мировоззрения миллениалов и их гендерной идентичности оказали значительное влияние ключевые социально-

политические и культурные события конца XX – начала XXI века: распад СССР, создание Европейского союза, глобализационные процессы, экономические кризисы, локальные военные конфликты и террористические акты [13]. Особое значение имела цифровая революция, выразившаяся в стремительном развитии интернет-технологий и распространении средств связи, что сформировало принципиально новую информационную среду развития личности.

Поколение Y сформировалось в период частой смены идеологических парадигм и ценностных ориентиров, а также значительного пересмотра традиционных гендерных моделей, активно транслируемых через кинематограф, модную индустрию, рекламу и средства массовой информации [14]. Этот социокультурный контекст способствовал развитию феномена «множественной идентичности» у миллениалов – состояния, при котором человек обретает большую свободу в конструировании собственной модели полоролевого поведения вне жестких рамок традиционных гендерных стереотипов.

Современные исследования демонстрируют выраженное смещение полоролевой идентичности поколения Y в сторону андрогинии, что проявляется в значительном размывании границ между традиционно мужскими и женскими социальными функциями. Представители данного поколения демонстрируют большую гибкость в восприятии социальных ролей, связанных с полом, и чаще интегрируют в своем поведении характеристики, традиционно приписываемые противоположному полу. Однако важно отметить, что, несмотря на общую тенденцию к андрогинизации, гендерные стереотипы по-прежнему более выражены в отношении женщин, чем мужчин, что свидетельствует о неравномерности трансформационных процессов в сфере гендерных отношений [15].

Характерной особенностью полоролевой идентичности миллениалов является преодоление гендерной асимметрии, которое происходит различными путями у мужчин и женщин. Женщины поколения Y стремятся к расширению сфер социальной активности и укреплению своих позиций в профессиональной деятельности, что выражается в более позднем вступлении в брак (средний возраст составляет 27,5 лет), активном построении карьеры и часто отложенном материнстве. Мужчины миллениалы, напротив, демонстрируют смещение акцентов с профессиональной самореализации в сторону межличностных отношений, проявляя большую вовлеченность в семейную жизнь, хотя и они также вступают в брак значительно позже предыдущих поколений (в среднем в 31,5 года) [15].

Статистические исследования свидетельствуют о трансформации традиционного института семьи среди

представителей поколения Y: наблюдается сокращение количества зарегистрированных браков, высокий процент разводов (около 67,2% браков распадаются в течение первых 10 лет), снижение рождаемости на 2,2%. Эти тенденции отражают изменения в восприятии семейных ролей и обязанностей, а также приоритет индивидуальной самореализации и личной свободы в системе ценностей миллениалов [15].

Важной характеристикой поколения Y является фрагментарность и мозаичность мировоззрения, которая проявляется и в сфере полоролевой идентичности. Миллениалы часто комбинируют элементы традиционных и прогрессивных гендерных моделей, создавая собственные, индивидуализированные варианты полоролевого поведения. Для них характерно циничное и порой пренебрежительное отношение к устоявшимся традициям, нежелание жить по заданным сценариям, повышенное внимание к собственной исключительности и стремление демонстрировать успешность [16].

Эта выраженная индивидуализация поведенческих моделей и стремление к проявлению своей уникальности у представителей поколения Y нередко приводит к усилению отдельных черт личности, что заставляет обратиться к понятию акцентуации характера. В этом контексте особенно интересно рассмотреть, как определенные черты характера миллениалов могут заостряться до уровня акцентуаций под влиянием социокультурных факторов современности.

Характерологическая акцентуация представляет собой предельные границы нормы, балансирующие на границе с патологическими состояниями. Предложение «акцентуация» (происходящее от латинского слова «accentus», означающее воздействие или выделение) было внедрено в психиатрическую науку германским психиатром Карлом Леонгардом (1904–1988). Он характеризовал это явление как характерные черты личности, имеющие потенциал к патологическому развитию, но не классифицируемые как болезненные заболевания. Леонгард специально выделил: «Акцентуированные личности не следует рассматривать как патологические». Разработка данного эффекта, А.Е. Личко обеспечивает «акцентуации характера» как экстремальные вариации нормального развития, при различных характерологических чертах усиливаются выраженность, формируются специфическую уязвимость к возникновению психогенных факторов, при сохранении или даже повышении устойчивости к другим воздействиям [18].

Существенно различают акцентуации личности от расстройств личности по ряду причин. Акцентуация обнаруживается в определенных стрессовых обстоятельствах и в связи с этим ограничивает область жизнедеятельности, в то время как личностные расстройства

оказывают всеобъемлющее влияние на все аспекты жизни. Акцентуированные черты наиболее ярко обнаруживаются в юношеском возрасте, тогда как серьезные психические нарушения могут трансформироваться в более поздние периоды жизни. При акцентуации сохраняется тенденция к социальной адаптации, которая отличает ее от личностных расстройств, сопровождающих социальные дезадаптации [19].

Формирование акцентуаций характера обусловлено взаимодействием множества биологических, социально-психологических и ситуативных факторов. Биологические факторы включают генетическую предрасположенность к определенным типам реагирования, особенности нервной системы и физиологические характеристики организма. К социально-психологическим факторам относятся условия воспитания и детско-родительские отношения, социальное окружение, культурно-исторический контекст развития личности и информационная среда. Ситуативные факторы охватывают психотравмирующие события, длительные стрессовые воздействия и резкие изменения социальной ситуации развития [20].

Характерологическая акцентуация может трансформироваться в психопатическое состояние только при условии воздействия чрезвычайно интенсивных и продолжительных психотравмирующих обстоятельств. Неблагоприятные факторы внешней среды способны вызвать у личности с акцентуированными чертами выраженные эмоциональные всплески и повышенную психологическую напряженность, обостряя имеющиеся уязвимые стороны характера.

Поколенческий подход к изучению акцентуаций характера представляет особый интерес в современной психологии. Каждое поколение формируется под влиянием специфического социально-исторического контекста, что может отражаться на особенностях проявления акцентуаций характера.

Поколение Y выросло в условиях стремительного развития информационных технологий, глобализации и социальных трансформаций. Для представителей этого поколения характерны определенные психологические особенности, которые могут влиять на формирование и проявление акцентуаций характера [21].

Информационная перегрузка, свойственная современной эпохе, может способствовать развитию тревожного и циклоидного типов акцентуаций характера среди миллениалов. Высокая технологическая компетентность этого поколения потенциально усиливает интровертный и педантичный типы акцентуаций. Ориентация на самовыражение и индивидуальность, характерная для поколения Y, может быть связана с демонстративным и

экзальтированным типами акцентуаций [22]. Расширенные возможности социального взаимодействия через цифровые платформы влияют на проявления гипертензионного и экстравертного типов. Повышенный уровень адаптивности и гибкости мышления у представителей этого поколения способен модифицировать проявления возбудимого и эмоционального типов акцентуаций [23].

Заключение

Исследование взаимосвязи полоролевой идентичности и акцентуаций характера у поколения Y выявило значимые трансформации в личностном развитии миллениалов под влиянием современных социокультурных факторов. Выявлена тенденция к андрогинизации представителей поколения Y с заметной гендерной асимметрией: женщины активнее осваивают профессиональные сферы, мужчины – больше вовлекаются в семейную жизнь. «Множественная идентичность» миллениалов проявляется в создании уникальных конфигураций по-

лоролевого поведения, сочетающих традиционные и прогрессивные элементы. Подтверждены корреляции между типами полоролевой идентичности и акцентуациями характера: андрогинный тип чаще сочетается с гипертимным и демонстративным, маскулинный – с возбудимым и застревающим, фемининный – с тревожным и экзальтированным типами акцентуаций. Цифровая среда оказывает значительное влияние на формирование акцентуаций: информационная перегрузка способствует развитию тревожного и циклоидного типов, а расширенное социальное взаимодействие модифицирует проявления гипертензионного и экстравертного типов. Трансформация семейных отношений среди миллениалов отражает изменения в восприятии семейных ролей и приоритет индивидуальной самореализации. Полученные результаты имеют важное практическое значение для психологической работы с поколением Y и создают основу для дальнейшего изучения динамики личностного развития в условиях продолжающихся социокультурных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пекина О.В. Сущность понятий «идентичность», «полоролевая идентичность» в психолого-педагогической литературе / О.В. Пекина, Н.А. Шинкарёва // Молодой ученый. – 2016. – № 10 (114). – С. 1266-1269. – URL: <https://moluch.ru/archive/114/29664/> (дата обращения: 21.03.2025).
2. Пятницкая О.А. Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии / О.А. Пятницкая, А.К. Юров // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2009. – №2.
3. Смирнова О.И. Формирование полоролевой идентичности / О.И. Смирнова // Инновационная наука. – 2022. – №12-1.
4. Risman B.J. Gender as a Social Structure / B.J. Risman // Handbook of the Sociology of Gender. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 19-43. – DOI: 10.1007/978-3-319-76333-0_2.
5. Мункин М.Д. Полоролевая и этническая идентичность студентов гуманитарной и технологической специальностей / М.Д. Мункин, Х.Д. Гомбожапова // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. – 2014. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polorolevaya-i-etnicheskaya-identichnost-studentov-gumanitarnoy-i-tehnologicheskoy-spetsialnostey> (дата обращения: 19.03.2025).
6. Алиханова В.Л. Психоналитическая концепция феномена идентичности / В.Л. Алиханова // Время науки – The Times of Science. – 2018. – №1.
7. Nabavi R.T. Bandura's Social Learning Theory & Social Cognitive Learning Theory / R.T. Nabavi, M. Bijandi // Journal of Personality and Social Psychology. – 2012. – №1. – P. 1-10.
8. Костина С.Н. Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности / С.Н. Костина, И.Б. Бритвина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-i-sovremennyye-napravleniya-issledovaniy-fenomena-gendernoy-identichnosti> (дата обращения: 19.03.2025).
9. Жигачева Н.С. Педагогические условия формирования полоролевой идентичности у детей пятого года жизни / Н.С. Жигачева // Молодой ученый. – 2017. – № 12 (146). – С. 495-498. – URL: <https://moluch.ru/archive/146/41038/> (дата обращения: 20.03.2025).
10. Костина С. Теоретические подходы и современные направления исследований феномена гендерной идентичности / С. Костина, И. Бритвина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2021. – 24(3). – С. 193-215. – DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.9>
11. Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – New York: William Morrow & Company, 1991. – 538 p.
12. Скоробогатько Е. Миллениалы: особенности и проблемы поколения Y / Е. Скоробогатько // StudNet. – 2018. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/millennialy-osobennosti-i-problemy-pokoleniya-y> (дата обращения: 23.03.2025).
13. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? / Н.П. Попов // Мониторинг. – 2018. – №4 (146). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-i-amerikanskije-pokoleniya-xx-veka-otkuda-prishli-millennialy> (дата обращения: 22.03.2025).
14. Al-Mahdawi K.J. Relationship Between Generational Age Differences, Gender, and Unemployment Rates: An Ex-Post Facto Study: дис. ... д-ра философии / K.J. Al-Mahdawi. – Minneapolis: Walden University, 2023. – 107 p.
15. Гладкова И.В. Особенности гендерного поведения поколения Y / И.В. Гладкова, О.В. Полянок // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – №3. – URL: <https://sfl-mn.ru/PDF/05SCSK321.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
16. Le Flanchec A. Generation Y, or the paradox of a generation ready to do anything without sacrifice / A. Le Flanchec, A. Mullenbach // Question(s) de management. – 2016. – № 12 (1). – P. 103-123.
17. Николаенко Я. Diagnostics of character accentuations in different variants of psychophysiological responses dynamics / Я. Николаенко // ELSYS Corp., St. Petersburg,

- Russia. – 2017.
18. Чимаров С.Ю. Акцентуация характера личности и ее основные виды / С.Ю. Чимаров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №11-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsentuatsiya-haraktera-lichnosti-i-ee-osnovnye-vidy> (дата обращения: 23.03.2025).
 19. Панькова М.А. Акцентуации характера взрослых людей и подростков / М.А. Панькова, Н.С. Сединина // Вестник науки. – 2023. – №12 (69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktsentuatsii-haraktera-vzroslyh-lyudey-i-podrostkov> (дата обращения: 23.03.2025).
 20. Бабарико Т.И. Причины возникновения акцентуаций характера / Т.И. Бабарико // Инженерно-педагогическое образование в XXI веке: материалы VIII Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и студентов БНТУ, 17–18 мая 2012 г. – Минск: БНТУ, 2012. – Ч. 3. – С. 6-9.
 21. Bolton R. Understanding Gen Y and their use of social media: A review and research agenda / R. Bolton, A. Parasuraman, A. Hoefnagels, N. Migchels, S. Kabadayi, T. Gruber, Y. Komarova, S. David // Journal of Service Management. – 2013. – №24. – P. 245-267. – DOI: 10.1108/09564231311326987.
 22. Зубарева С.С. Социовитальные ценности поколения у в социокультурном пространстве современности: состояние, динамика, направленность / С.С. Зубарева // Ценности и смыслы. – 2017. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsioivitalnye-tsennosti-pokoleniya-y-v-sotsiokulturnom-prostranstve-sovremennosti-sostoyanie-dinamika-napravlennost> (дата обращения: 23.03.2025).
 23. Mathura S. The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: a review / S. Mathura, A. Tamilarasu // Frontiers in Cognition. – 2023. – №1. – P. 1-15.

© Кулова София Олеговна (Ssegueva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ШКОЛЬНИКОВ

EMOTIONAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT PROGRAM FOR SCHOOLCHILDREN

**S. Kurovsky
D. Mishin
A. Fedorov**

Summary: This article presents the results of the formation of a psychological program for the development of emotional intelligence in schoolchildren. The relevance of the issues raised in the article is due to the need to improve the degree of psychological well-being and reduce anxiety among schoolchildren. The purpose of the research is to develop a psychological program for the development of emotional intelligence in schoolchildren, taking into account the age characteristics of the individual. To achieve this goal, the article analyzes the results of scientific research on the development of emotional intelligence, reflects the results of an empirical study of the level of development of emotional intelligence in schoolchildren, and presents the results of the development of a psychological program for the development of emotional intelligence in schoolchildren.

Keywords: psychological program; development of emotional intelligence; schoolchildren; psychological well-being; empirical research; age-related personality characteristics.

Куровский Станислав Валерьевич

Руководитель научно-исследовательского
подразделения, ООО «Высшая Школа Образования»
8917564@gmail.com

Мишин Денис Александрович

Руководитель редакционно-издательского отдела, ООО
«Высшая Школа Образования»
9651530@gmail.com

Федоров Артем Николаевич

Кандидат медицинских наук, НОЧУ ВО «Синергия»
fedart@list.ru

Аннотация: В данной статье представлены результаты формирования психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников. Актуальность поднимаемых в статье вопросов обусловлена необходимостью улучшения степени психологического благополучия и снижения тревожности школьников. Цель научного исследования состоит в разработке психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников, с учетом возрастных особенностей личности. Для достижения поставленной цели в статье проанализированы результаты научных исследований развития эмоционального интеллекта, отражены результаты эмпирического исследования уровня развития эмоционального интеллекта у школьников, представлены результаты разработки психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников.

Ключевые слова: психологическая программа; развитие эмоционального интеллекта; школьники; психологическое благополучие; эмпирическое исследование; возрастные особенности личности.

Введение

В научно-исследовательском сообществе термин эмоционального интеллекта был введен в 1990 году. В современных условиях тема развития эмоционального интеллекта личности актуальна в разных сферах: предпринимательстве, социологии, психологии. Причиной этому выступает тот факт, что эмоциональный интеллект необходим для развития профессиональных навыков, требуемых в современных организациях [1].

Наиболее востребованными профессиональными навыками личности в современном мире являются коммуникативность, критичность мыслительного процесса, креативность, умение работать в коллективе, гибкость. Развитие обозначенных профессиональных навыков личности определяется потенциалом индивида, а также уровнем его эмоционального интеллекта [4].

В современных условиях разные сферы повседневной жизни людей в определенной степени взаимосвязаны с практическим применением компьютерных и

виртуальных технологий. Указанный тренд усилился внедрением в национальной образовательной системе цифровых платформ и дистанционного обучения школьников. Сокращается отрезок времени на физическое общение, круг ситуаций и событий, когда дети могут иметь физические контакты с другими людьми (сверстниками, значимыми взрослыми). Это отрицательным образом влияет на процесс развития эмоционального интеллекта у школьников. Неумение четко выразить внутренние эмоции окружающим людям, трудности в их осознании также выступают барьерами формирования и постепенного развития эмоционального интеллекта [2].

Цель работы - разработка психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников, учитывая возрастные особенности личности.

Для достижения поставленной цели в статье были решены следующие задачи:

1. Проанализированы результаты научных исследований развития эмоционального интеллекта.

2. Отражены результаты эмпирического исследования уровня развития эмоционального интеллекта у школьников.
3. Представлены результаты разработки психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников.

Материалы и методы

Для выявления особенностей развития эмоционального интеллекта на основе аналитического обзора научных исследований был осуществлен анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, аналитических документов, отражающих процесс работы развития эмоционального интеллекта у школьников, использована систематизация ключевых результатов научных исследований.

Эмпирическое исследование уровня развития эмоционального интеллекта у школьников осуществлялось с применением следующих методик психометрического анализа:

1. Тест «Эмоциональная идентификация» (Е.И. Изотова).
2. Тест «Что – почему – как» (М. Нгуен).
3. Тест «Эмоциональный интеллект» (Н. Холл).

Эмпирическая база исследования: 40 школьников младшего возраста (1-2 класс начальной школы) и 57 школьников среднего и старшего возраста (5-11 классы школы).

Результаты исследований развития эмоционального интеллекта: аналитический обзор

Проведенный авторами аналитический обзор позволил выделить несколько тематических направлений исследований развития эмоционального интеллекта, а именно:

- изучение предпосылок и условий, воздействующих на уровень эмоционального интеллекта личностей;
- анализ развития эмоционального интеллекта в образовательном процессе;
- специфика развития и становления эмоционального интеллекта у детей-дошкольников;
- специфика развития эмоционального интеллекта у детей-школьников средних классов (5-8 классов школы);
- специфика развития эмоционального интеллекта у молодых людей – учащихся университетов;
- проявление эмоционального интеллекта в применении профессиональных навыков на рабочем месте.

В рамках данного исследования наиболее интересным тематическим направлением рассмотренных работ

выступает специфика развития эмоционального интеллекта у детей-школьников. В образовательной практике к настоящему времени накоплен многообразный опыт становления и планомерного развития эмоционального интеллекта. Некоторыми исследователями были представлены отдельные образовательные курсы, ориентированные на развитие эмоционального интеллекта, учитывая уровень получения образования (дошкольное, основное среднее (школьное), среднеспециальное, высшее) [6].

Научные работы содержат возможности развития эмоционального интеллекта на основе средств искусства [3]. Появляется принципиально новый подход к становлению и постепенному развитию эмоционального интеллекта, базирующийся на синтезе внеучебного и учебного процесса развития эмоционального интеллекта [5].

Для школьников в целях становления и постепенного развития эмоционального интеллекта была приведена специальная психологическая программа, которая способствует наиболее легкому переходу от одного уровня школьного обучения к другому (например, из начальной школы в 5 класс школы) [10]. Позднее была обоснована высокая результативность практического применения в психологической работе со школьниками информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в целях развития основ эмоционального интеллекта среди школьников 2-3 классов школы, которые обладают нарушениями в психофизиологическом здоровье [7].

В дальнейших научных работах рассматривалось развитие эмоционального интеллекта у школьников при применении краткосрочных психологических программ, а также средств изобразительного и музыкального искусства [8], [9].

Аналитический обзор научных исследований позволяет прийти к выводу, что присутствует необходимость формирования психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников, реализуемой при помощи цифровой образовательной среды. Подобных академических исследований с практической апробацией психологических программ в настоящее время крайне мало, что обуславливает поднимаемую проблематику в данной статье.

Эмпирическое исследование уровня развития эмоционального интеллекта у школьников

В соответствии с выбранными психометрическими методиками было обнаружено следующее:

- идентифицировать свои эмоции могут только 50% школьников 5-11 классов и 4% школьников 1-2 класса начальной школы;

- произвольное выражение эмоций наблюдалось только у 46% школьников 5-11 классов и 18% школьников 1-2 классов начальной школы;
- по структуре эмоциональных представлений, интеллектуальному потенциалу школьников значение составило 46% школьников 5-11 классов и 9% школьников 1-2 классов начальной школы (рисунок 1);
- общий уровень эмоционального интеллекта школьников был достаточно низким (рисунок 2). Крайне низкий уровень отмечался по всем параметрам эмоционального интеллекта: эмпатии, эмоциональной осведомленности, самомотивации, управлением эмоциями других и личными

эмоциями (рисунок 2);

- у девочек уровень эмоционального интеллекта больше, чем у мальчиков статистической выборки. Соответственно, мальчики более склонны к тревожности, проявлению агрессии, гнева в процессе коммуникации с людьми внешней среды (рисунок 3).

В целом, полученный результат эмпирического исследования свидетельствует о недостаточной развитости эмоционального интеллекта у школьников 1-11 классов. Требуется прохождение школьниками специальной психологической программы, которая приведет

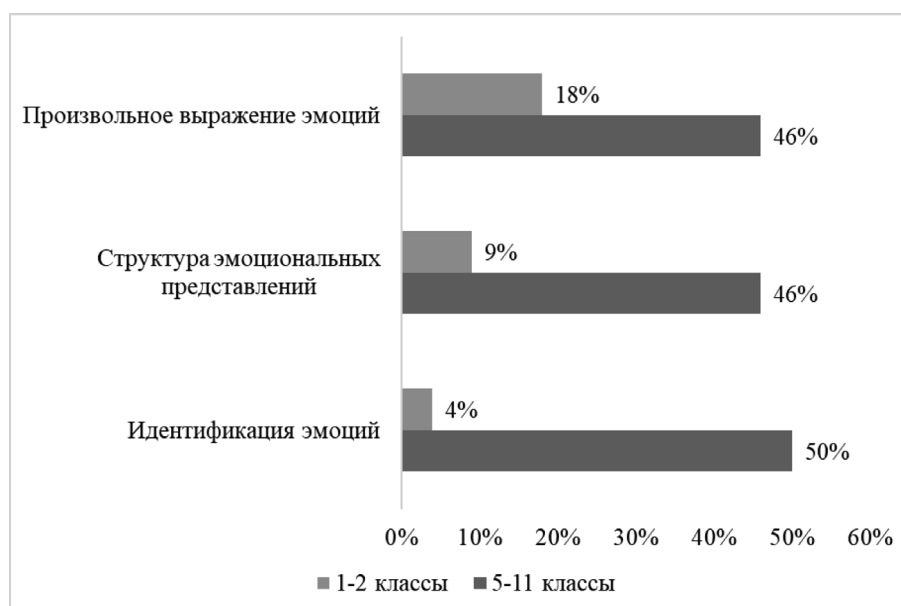

Рис. 1. Параметры эмоционального интеллекта школьников 1-11 классов, участвовавших в эксперименте, %.

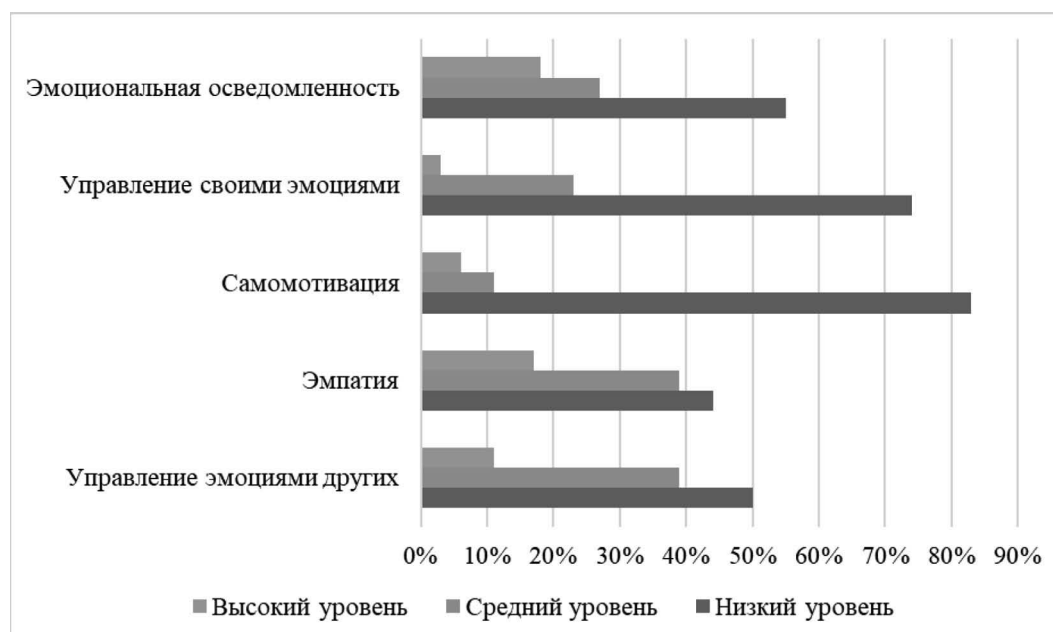

Рис. 2. Результаты параметров эмоционального интеллекта школьников, %.

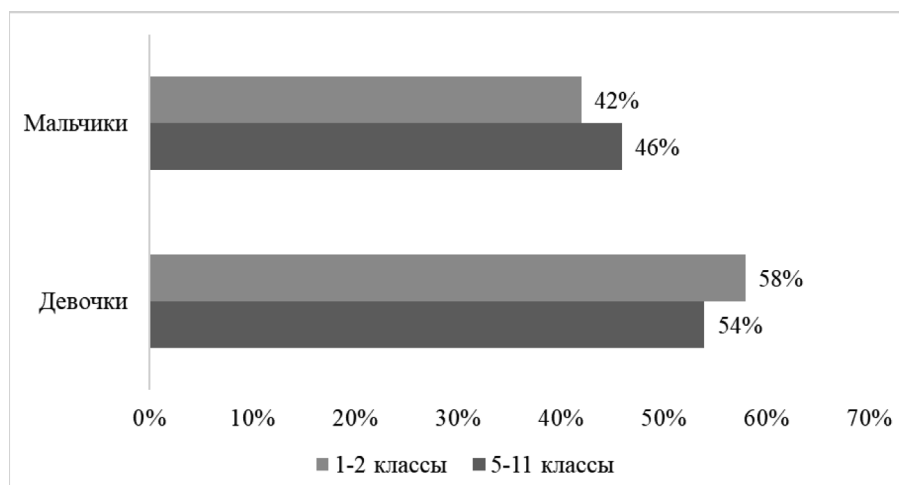

Рис. 3. Параметры эмоционального интеллекта школьников 1-11 классов, участвовавших в эксперименте, учитывая гендерные особенности %.

к развитию эмпатии, самоуверенности, эмоциональной осведомленности, к более эффективному управлению своими эмоциями в процессе коммуникации с людьми внешней среды.

Разработка программы развития эмоционального интеллекта у школьников

Исходя из полученных результатов эмпирического исследования, была сформирована психологическая программа развития эмоционального интеллекта у школьников 5-11 классов. Её новизна состоит в том, что применяется ключевой способ становления и постепенного развития эмоционального интеллекта у школьников – чтение художественной литературы. При этом практическая реализация психологической программы происходит через цифровую образовательную среду. После прочтения конкретного произведения художественной литературы школьник должен выпол-

нить практико-ориентированные творческие задания (таблица 1, 2).

Цель психологической программы – создание морально-ценностных ориентаций школьников путём повышения их вовлеченности в процесс чтения художественной литературы и практического выполнения практико-ориентированных творческих заданий.

В каждом разделе школьник может индивидуально выбрать литературное произведение. Цифровая образовательная среда, используемая для практического осуществления психологической программы, предполагает применение методов проектного школьного обучения, ИКТ, литературных игр, коллективной работы школьников, деятельностного подхода.

Практическое осуществление психологической программы развития эмоционального интеллекта у школь-

Таблица 1.

Содержание психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников 5-7 классов, реализуемой через цифровую образовательную среду.

Тематика раздела	Произведения литературы	Методы	Творческие задания
Дорогою добра	Д. Пеннак «Глаз волка»	Смысловое чтение	Формирование синквейна с абстрактным героем произведения
	А. Нанетти «Мой дедушка был вишней»	Литературная игра	Создание интеллектуальной карты произведения
До дружбы надо дорасти	С. Олефир «Когда я был маленьким, у нас была война»	Чтение произведения по ролям через цифровую образовательную среду	Написание сочинения - миниатюры
	М. Парр «Вафельное сердце»	Смешанное обучение	Создание рекламного объявления о том, что школьник возьмет себе друга
Все дети необычные в чём-то	Д. Вардербург «Правило 69 для толстой чайки»	Дискуссия	Создание фанфика
	В. Железников «Чучело»	Инсценировка эпизода из произведения	Создание интерактивного плаката в цифровой образовательной среде

Таблица 2.

Содержание психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников 8-11 классов, реализуемой через цифровую образовательную среду.

Тематика раздела	Произведения литературы	Методы	Творческие задания
Когда уходит детство	Е. Габова «Не пускайте рыжую на озеро»	Дискуссия	Написание сочинения-миниатюры
	Д. Доцук «Голос»	Смысловое чтение	Формирование «цифрового» облака слов, которые отражают характер и образ главных героев данного произведения
Открытие страниц войны	Т. Штрассер «Волна»	Кейс-метод	Создание буктрейлера к литературному произведению
	Э. Веркин «Облачный полк»	Смысловое чтение	Создание инфографики к литературному произведению
Точка взросления школьников	С. Пономарёв «Просто жить»	Дискуссия	Написание письма главному герою данного литературного произведения
	Е. Рудашевский «Ворон»	Дискуссия	Написание эссе по конкретному отрывку из литературного произведения
Раскрытие взрослости	В. Комков «Я - немец»	Дебаты	Формирование карты эмпатии к главному герою литературного произведения
	Л. Горницкая «Третий выпускной»	Дискуссия	Создание интеллектуальной карты произведения

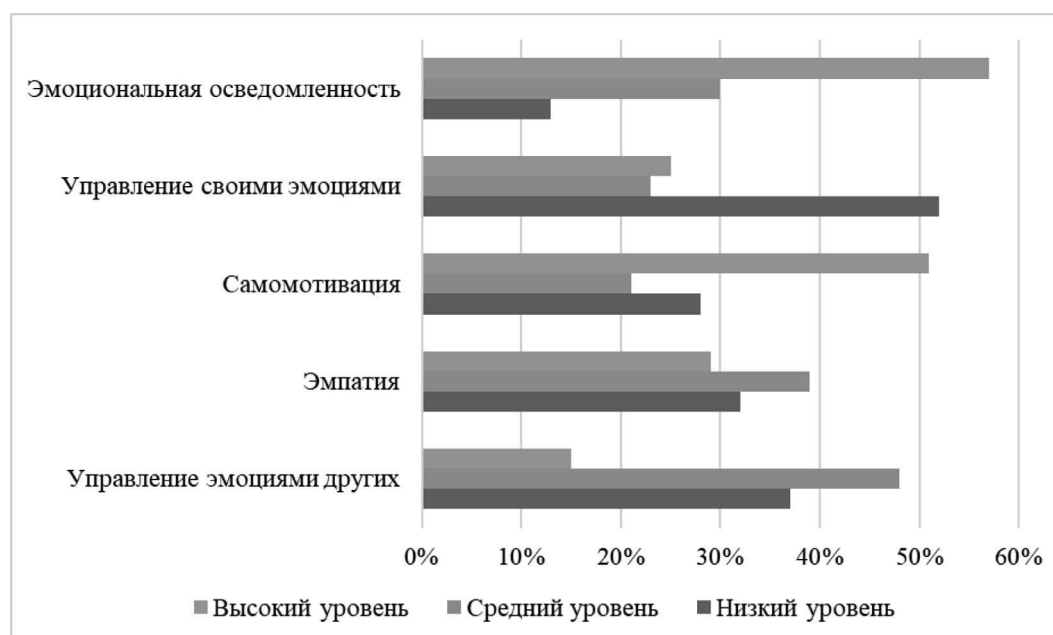

Рис. 4. Результаты параметров эмоционального интеллекта школьников после прохождения авторской психологической программы, %.

ников способствовало достижению крайне высокого значения параметров эмоционального интеллекта обследуемых школьников: самомотивации, эмоциональной осведомленности, а также развитию эмпатии, повышению управления собственным эмоциональным состоянием (рисунок 4).

Вместе с тем авторская психологическая программа способствовала созданию у школьников профессиональных навыков работы с различными медиаресурсами и информационными данными, нахождения необходимой информации, формирования творческих продуктов в цифровой образовательной среде, анализа своих гра-

фических и информационных продуктов (инфографики, интеллектуальной карты и т.п.). С учётом повышения эмоционального интеллекта в классах школы педагоги наблюдали положительное совершенствование психологической и моральной атмосферы в коллективе школьников, а также развитие коммуникативных склонностей.

Выводы

В рамках данного исследования проанализированы результаты научных исследований развития эмоционального интеллекта.

Аналитический обзор научных исследований позволяет прийти к выводу, что присутствует необходимость формирования психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников, реализуемой при помощи цифровой образовательной среды. Подобных академических исследований с практической апробацией психологических программ в настоящее время крайне мало, что обуславливает поднимаемую проблематику в данной статье.

Отражены результаты эмпирического исследования уровня развития эмоционального интеллекта у школьников.

Полученный результат эмпирического исследования свидетельствует о недостаточной развитости эмоционального интеллекта у школьников 1-11 классов. Требуется прохождение школьниками специальной психологической программы, которая приведет к развитию эмпатии, самоуверенности, эмоциональной осведомленности, к более эффективному управлению своими

эмоциями в процессе коммуникации.

Представлены результаты разработки психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников.

Практическое осуществление психологической программы развития эмоционального интеллекта у школьников способствовало достижению высокого значения параметров эмоционального интеллекта обследуемых школьников: самомотивации, эмоциональной осведомленности, а также развитию эмпатии и более эффективному управлению своими эмоциями.

Авторская психологическая программа способствовала созданию у школьников профессиональных навыков работы с различными медиаресурсами и информационными данными, нахождения необходимой информации, формирования творческих продуктов в цифровой образовательной среде, анализа своих графических и информационных продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова О.Т. Теоретические аспекты исследования эмоционального интеллекта // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – №. 3-5. – С. 462-464.
2. Иванова С.В. Эмоциональный интеллект: что это? (аналитический обзор литературы по эмоциональному интеллекту в педагогическом аспекте) // Ценности и смыслы. – 2022. – №. 4 (80). – С. 6-53.
3. Кондрашкина Е.В., Шаршов И.А. Особенности творческого саморазвития подростков с нарушением интеллекта средствами театрального искусства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 29. – №. 3. – С. 699-707.
4. Минюрова С.А., Басюк В.С., Брель Е.Ю., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Матвеева А.И. Эмоциональный интеллект субъектов образовательной среды в условиях цифровизации: обзор исследований // Сибирский психологический журнал. – 2021. – №. 82. – С. 153-173.
5. Писарева В.Ю. Особенности психологической адаптации вновь прибывших учащихся в 2021-2022 учебном году // Синтез науки и образования как механизм перехода к постиндустриальному обществу. – 2021. – С. 222-226.
6. Рылеева А.С., Хомутникова Е.А., Еманова С.В. Развитие soft skills у старшеклассников с применением цифровых инструментов // Science for Education Today. – 2022. – Т. 12. – №. 1. – С. 77-98.
7. Чижова Ю.В. Оценка и формирование жизненных компетенций у детей с РАС в условиях инклюзии при помощи методов прикладного анализа поведения // Аутизм и нарушения развития. – 2022. – Т. 20. – №. 4. – С. 59-68.
8. Cobos-Sanchez L., Fluja-Contreras J.M., Gomez I. Resultados diferenciales de la aplicación de dos programas en competencias emocionales en contexto escolar [Electronic resource] // Psychology Society And Educational. – 2019. - Vol. 11. - no. 2. - P. 179—192. - URL: <http://ojs.ual.es/ojs/index.php/psye/article/view/1927> (Accessed: 28.02.2025).
9. Luy-Montejo C. Problem Based Learning (PBL) In the Development of Emotional Intelligence [Electronic resource] // Propósitos y Representaciones. – 2019. - Vol. 7. - № 2. - P. 353—383. - URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6998269> (Accessed: 28.02.2025).
10. Supporting the Development of Emotional Intelligence Competencies to Ease the Transition from Primary to High School / P. Qualter [et al.] // Educational psychology in practice. – 2007. - Vol. 23. - № 1. - P. 79—95.

© Куровский Станислав Валерьевич (8917564@gmail.com), Мишин Денис Александрович (9651530@gmail.com), Федоров Артем Николаевич (fedart@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОЗДАТЕЛЕЙ РЕКЛАМЫ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

EMOTIONAL BURNOUT OF ADVERTISING CREATORS: PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

I. Milekhin

Summary: The article shows that emotional burnout has the property of practical inevitability and totality. It occurs due to the psychological characteristics of the activity performed. It has been established that emotional burnout reduces the effectiveness of the activity of advertising creators, contributes to the emergence of the phenomenon of alienation.

Keywords: advertising, advertising creators, emotional burnout, mental exhaustion, depersonalization, psychological discomfort.

Милехин Иван Андреевич

аспирант, Московский институт экономики, политики
и права
Vanmil@mail.ru

Аннотация: В статье показано, что эмоциональное выгорание обладает свойством практической неизбежности и тотальности. Оно возникает вследствие психологических особенностей выполняемой деятельности. Установлено, что эмоциональное выгорание снижает эффективность деятельности создателей рекламы, способствует появлению феномена отчуждения.

Ключевые слова: реклама, создатели рекламы, эмоциональное выгорание, психическое истощение, деперсонализация, психологический дискомфорт.

Введение

Известно, что выполняемая профессиональная деятельность может оказывать на ее субъекта, как позитивное влияние, обусловленное развитием, как и негативное влияние. В последнем случае формируются различные профессиональные деструкции, и даже профессиональные заболевания [7; 13; 15 и др.]. Среди профессиональных деструкций наиболее распространенным являются эмоциональное (профессиональное) выгорание и профессиональная деформация. В психологических исследованиях было показано, что профессиональные деформации возникают на фоне эмоционального выгорания, поэтому оно является базовым в изучении негативного влияния профессиональных деструкций [19]. Эмоциональное выгорание определяется как особое психическое состояние, близкое к психическому истощению, возникающее вследствие действия негативных психологических факторов, психических перегрузок, высокой ответственности, неадекватной оценки труда и пр. [2; 3; 5; 6; 16; 21; 22; 23].

Эмоциональное выгорание часто возникает у субъектов деятельности в системах профессиональных взаимодействий «человек-человек» и «человек-группа», но особенно у тех, чья деятельность содержит творческие компоненты и осуществляется в условиях нормативных ограничений.

Весьма подвержены эмоциональному выгоранию субъекты так называемой творческо-производственной деятельности. К ним относятся креативные специалисты-создатели рекламы. Следует подчеркнуть, что реклама играет большую роль в рыночной экономике,

поэтому деятельность по ее созданию является весьма значимой и ответственной, от ее эффективности во многом зависит качество и результативность самой экономической деятельности.

Краткий обзор исследований

Психологические исследования эмоционального выгорания креативных специалистов-создателей рекламы по своему содержанию являлись косвенными, так как проводились на других объектах, опосредованно связанных с эмоциональным выгоранием. К тому же их было недостаточно. В то же время, активно проводились исследования на других объектах, в других сферах профессиональной деятельности, в частности, у преподавателей высших учебных заведений и системе общего образования [21; 22; 23], работников правоохранительных органов [17; 18], субъектов исполнительской творческой деятельности [12] и др. Весьма значимы психологические исследования профессиональной деформации, так как она непосредственно связана с эмоциональным выгоранием [2; 3; 13; 17; 19 и др.]. В них были описаны психологические признаки и проявления эмоционального выгорания, детерминанты его формирования и развития, некоторые системные связи, отдельные условия компенсации или преодоления.

В разработке психологических проблем рекламного дела встречалась эскизная информация и об эмоциональном выгорании создателей рекламы, но в первую очередь рассматривались психологические профессиональные качества создателей рекламы, вопросы профессионализма. Отмечалось, что эмоциональное выгорание создателей рекламы, является

весьма распространенным [8; 10; 11; 14; 24]. Оно связано не только с ухудшением качества деятельности, снижением ее эффективности, но и оказывает негативное влияние на направленность личности, снижает мотивацию, моральную нормативность, ухудшает отношения и взаимодействия, деформирует образ «Я», делает неадекватной самооценку и самоотношение. Отмечалось, что эмоциональному выгоранию, подвержены практически все создатели рекламы, мужчины и женщины, в том числе обладающие большим опытом работы.

В то же время систематизированные исследования эмоционального выгорания создателей рекламы, в которых они являлись главными объектами, практически не проводились.

Особенности проведенного исследования

Недостаточная разработанность проблемы эмоционального выгорания создателей рекламы обусловила выбор путей и методов ее исследования на данном этапе. Главными из них стали – теоретический анализ проблемы на основании результатов опубликованных косвенных исследований и экспертное оценивание.

Из данных исследований следует, что рекламная деятельность является психологически сложным видом деятельности, требующей разнообразных компетенций и особых личностно-профессиональных качеств. Кроме того, содержание деятельности создателей рекламы, ее психофизиологические механизмы таковы, что она действительно может вызывать эмоциональное выгорание. Это связано в первую очередь с тем, что все психологические составляющие деятельности создателей рекламы осуществляются на фоне сильной непродуктивной психической напряженности, а также других негативных психических состояний [3; 4]. Непродуктивная психическая напряженность возникает по разным причинам, но особенно вследствие профессионального творчества, содержащего инсайты и вдохновение, которые в ресурсном плане весьма затратны.

Следует отметить, что высокая психическая напряженность сопровождает все этапы деятельности по созданию рекламы.

Она весьма велика на первом этапе при определении и формулировании рекламной идеи, которая является основанием для общего замысла или представления о будущей (создаваемой) рекламе. Выдвижение и обоснование рекламной идеи, ее трансляция в виде образов воображения, является сложным мыслительным процессом, связанным с подключением бессознательного, что всегда сопровождается высокой психической напряженностью [9].

В творческом процессе, особенно, когда осуществляется интуитивный поиск с активизацией бессознательного, требующего сложной интеллектуальной работы высокой сосредоточенности и концентрации внимания, всегда возникает высокая психическая напряженность [20], которая при большой продолжительности может вызвать формирование эмоционального выгорания.

Высокая психическая напряженность возникает так же при мысленном моделировании путей реализации творческой рекламной идеи, прогнозировании ее действия, мысленного построения вариантов воплощения. Это так же высоко затратные с точки зрения использования ресурсов психические процессы.

Высокая психическая напряженность сопровождает так же процесс отстаивания рекламной идеи, ее продвижение, оценку конкурентных вариантов, особенно когда подвергается сомнению продуктивность творческой рекламной идеи и используются некорректные полемические приемы.

Высокая психическая напряженность у создателей рекламы может быть вызвана и другими причинами – тревожными ожиданиями, опасениями возможного непонимания сущности рекламной идеи, конкуренцией, необъективными оценками и пр. [12].

Если рекламная деятельность осуществляется особенно интенсивно, в короткий период времени создаются разные ее образцы, у создателей рекламы может возникнуть резистенция как неосознаваемая защитная психологическая реакция. Если резистенция не сможет защитить от психологических перегрузок, возникает психическое истощение, приводящее к эмоциональному выгоранию [1; 3; 6]. Таким образом, предпосылки эмоционального выгорания создателей рекламы возникают уже на начальных этапах ее создания.

Следующий этап связан с разработкой общей концепции будущей рекламы, формированием ее общего или концептуального сюжета, а точнее сюжетной линии, формулированием различных описаний вариантов реализации рекламной идеи. Вариантов рекламной концепции может быть очень много. Разработанная психологическая концепция должна быть подвергнута психологической проверке, которая является мысленным моделированием возможных вариантов реализации концепции с прогнозированием возможных результатов и трудностей в ее реализации.

Разработка общей концепции рекламы, ее сюжетной линии, моделей слогана и пр. – сложная творческая проблема, при разработке которой работают те же психологические механизмы, что и при формировании рекламного замысла или идеи [10; 14]. Соответственно, при

разработке общей концепции рекламы, ее сюжетной линии осуществляется мысленное моделирование, прогнозирование, мысленное сравнение вариантов и пр. На данном этапе осуществляется отстаивания рекламной концепции и сюжетной линии, их продвижение, оценка конкурентных вариантов и пр.

Схожесть психологического содержания данного этапа творческой деятельности по созданию рекламы, естественно проявляется и в сходстве возникающих психических состояний, среди которых доминирует высокая психическая напряженность и тревожные ожидания, другие функциональные состояния динамического рассогласования. Высокий уровень проявления возникающих негативных психических состояний опять же приводит к включению психологического механизма резистенции. Если его действие является недостаточным, могут возникнуть симптомы психического истощения.

Таким образом, на этапе разработки общей концепции рекламы, ее сюжетной линии, так же имеются предпосылки для эмоционального выгорания создателей рекламы.

На следующем этапе рекламной деятельности осуществляется конкретизация разработанной рекламной концепции в виде написания режиссерского и литературного сценария рекламы. Главная задача сценария – создать исключительно позитивный и эмоционально заражительный образ рекламируемого товара или услуги и ситуацию их наиболее эффективного представления. Режиссерский и литературный сценарий – продукты сложной сугубо творческой деятельности. Сценарий рекламы должен быть подвергнут анализу с помощью метода контрольных вопросов [10; 14; 24]. Наиболее распространенной является форма в виде ответов на контрольные вопросы. Контрольные вопросы отражают те или иные стороны психологических характеристик создаваемой рекламы и факторов ее эффективности. Психологическая сущность этого метода – мысленное моделирование и прогнозирование при ответах на контрольные вопросы. Отсюда – высокая психическая напряженность. Написание сценария, его образная реализация в ситуации жестких ограничений является сложной творческой задачей. Ее решение содержит определенные предпосылки возникновения эмоционального выгорания.

Иными словами, на всех этапах деятельности по созданию рекламы у ее субъектов часто возникают негативные психические состояния, преимущественно высокая психическая напряженность, вызванная творческим характером деятельности, условиями и ограничениями. На всех этапах деятельности по созданию рекламы имеются предпосылки для формирования и развития эмоционального выгорания.

Теоретический анализ проблемы создал необходимые предпосылки для проведения экспертного оценивания проблемы. *экспертное оценивание* является важным и эффективным интуитивным методом исследования. Важно отметить, что его использование позволяет получить как качественные, так и количественные результаты, которые могут отличаться высокой точностью и позволяющие проводить сравнительный анализ.

В настоящем исследовании использовалось индивидуальное экспертное оценивание в виде стандартизированного интервью с последующим обсуждением и обобщением. Его предварял глубокий анализ обсуждаемой проблемы с использованием различных информационных источников.

В экспертном оценивании проблемы эмоционального выгорания создателей рекламы приняло участие 15 экспертов, что соответствует существующим требованиям, предъявляемым к экспертам. Экспертами являлись руководители рекламных агентств. Возраст – от 32 до 47 лет, то есть они имели значительный опыт работы в данной профессиональной области. Гендерный аспект не учитывался.

Осуществлялось индивидуальное экспертное оценивание с последующим обобщением и обсуждением полученных результатов. Интервьюирование проводилось выборочно с целью уточнения данных экспертного оценивания.

Целью экспертного оценивания являлось подтверждение факта эмоционального выгорания у создателей рекламы, определение психологических особенностей эмоционального (профессионального) выгорания специалистов по созданию рекламы, описание его содержания на первичном доэмпирическом уровне исследования.

Для проведения экспертного оценивания была разработана специальная анкета, прошедшая апробацию и скорректированная в соответствии с замечаниями и пожеланиями. Мотивация экспертов обеспечивалась профессиональным интересом к данной проблеме, возможностью применить результаты исследований на практике.

Рассмотрим результаты экспертного оценивания.

Большинство экспертов проявили большую уверенность в том, что у создателей рекламы в процессе длительного выполнения своей профессиональной деятельности отчетливо проявляется тенденция к формированию и развитию эмоционального выгорания (80% - 40% ответов «да», 40% ответов «скорее да»). 13,3% экспертов не были столь уверенными. Только 6,7% выразили некоторые сомнения. Никто из экспертов не отметил

отсутствия эмоционального выгорания у создателей рекламы в процессе их профессиональной деятельности. Такая уверенность в оценке существования данного негативного психологического явления (сложного состояния, влияющего на многие психические процессы и направленность личности) действительно свидетельствует об его наличии, то есть является научным фактом. Данный научный факт отражает наличие сложной научной проблемы, имеющей практическое значение и являющейся недостаточно разработанной в психологии.

Подавляющее большинство экспертов считают эмоциональное выгорание создателей рекламы весьма распространенным – 80% экспертов отметили, что оно «проявляется тотально, практически у всех»; 13,3% – что оно распространено; 6,7%, не отрицая распространенность, проявили осторожность в оценках – «встречается». Никто не отметил его ограниченную распространенность («встречается редко», «вообще не встречается»).

Иными словами, в ответах на данные вопросы анкеты отмечены следующие важные характеристики эмоционального выгорания создателей рекламы:

- практическая неизбежность возникновения;
- тотальность проявления;
- разная сила выраженности.

По мнению экспертов мужчины и женщины-создатели рекламы практически в равной мере подвержены эмоциональному выгоранию в своей профессиональной деятельности (53,3% ответов). Некоторые эксперты все же отметили большую подверженность эмоциональному выгоранию мужчин (26,7%). Это согласуется с результатами психологических исследований, в которых отмечалась у мужчин меньшая моноотонность, меньшая устойчивость к психическому насыщению [13].

В дискуссии и обсуждении результатов эксперты отмечали важную роль психофизиологических предпосылок устойчивости к эмоциональному выгоранию – типа темперамента, типа нервной системы, природно обусловленного высокого уровня произвольной саморегуляции. Отмечалась роль интереса к профессиональной деятельности, ее значимости для субъекта деятельности как факторов, защищающих субъекта от эмоционального выгорания.

Мнения экспертов относительно влияния стажа работы в рекламной сфере на возникновение и развитие эмоционального выгорания не были столь единодушными, однако большая часть из них полагала, что такая связь существует: 20% – ответы «да», 33,3% ответов «скорее да», 20% ответов «пожалуй». 26,7% экспертов выразили сомнение. Таковая связь, безусловно, быть должна, ведь в психологических исследованиях подчер-

кивалось, что эмоциональное выгорание возникает преимущественно при длительном выполнении профессиональной деятельности [3; 6], пройдя ряд характерных стадий, за короткое время работы оно не наступает.

Эксперты не проявили уверенности в том, что большинство специалистов по созданию рекламы не замечают развития у них эмоционального выгорания (ответы «да» – 6,7% и «скорее да» 13,3%). 40% ответов «пожалуй» и 40% ответов «скорее нет». В дискуссиях они отмечали важность разной чувствительности к изменению своих психологических свойств. Отмечалось влияние профессиональных навыков и умений, образцов зарубежной рекламы, принятых за эталон, которые как бы «уводят» от ощущения возникновения эмоционального выгорания, но при снижении креативности в их работе.

По мнению экспертов, многие специалисты по созданию рекламы, если и замечают развивающееся у них эмоциональное выгорание, считают, что оно не снижает эффективность их работы, не придают ему большого значения. Кроме того, они недостаточно представляют последствия эмоционального выгорания и плохо знакомы с психологическими методами его компенсации (ответы «да» – 20%; «скорее да» – 20%; «пожалуй» – 20%). 40% экспертов полагают, что главным является непонимание содержания и значимости субъективных психологических проявлений.

Эксперты согласились с мнением, что при развитии эмоционального выгорания у специалистов по созданию рекламы доминируют следующие психологические проявления в поведении, деятельности, отношениях, направленности личности:

- снижение уровня креативности деятельности, стереотипизация мышления, использование в работе одних и тех же стандартных схем, минимизация новизны – 67,7%;
- равнодушие как отношение к профессиональной деятельности – 60%;
- психологический дискомфорт в работе, преобладание отрицательных эмоций – 60%.

Это данные при двух-трех выборах.

Довольно распространенными проявлениями эмоционального выгорания являются:

- снижение интереса к своей профессиональной деятельности – 46,7%;
- повышение уровня конфликтности, стремление обвинять в неудачах коллег, окружающих – 40,7%;
- замедление или прекращение личностно-профессионального развития специалистов – 40%.

Менее распространенными проявлениями эмоционального выгорания являются:

- формализм в работе – 20%;
- завышенная самооценка, комплиментарные представления о себе как креативного работника – 20,7%;
- утрата профессиональных ценностей, чувства профессионального долга – 20%;
- негативное отношение новизне – 26,7%.

Ряд значимых проявлений эмоционального выгорания, особенно на уровне направленности личности являются началом развития психологического феномена отчуждения от профессии.

Многие проявления, хотя и имеют разные психологические причины, все же связаны между собой. В частности, очевидны психологические связи между замедлением или прекращением личностно-профессионального развития и снижением интереса к своей профессиональной деятельности, формализмом в работе, между использованием в работе одних и тех же стандартных схем и снижением уровня креативности и пр.

Эксперты полностью согласились, что эмоциональное выгорание, возникающее у креативных работников-создателей рекламы необходимо преодолевать или его компенсировать, так как оно существенно снижает эффективность их деятельности. В то же время их мнения разделились относительно возможности осуществлять это самостоятельно. Примерно половина экспертов (20% ответы «да» и 26,7% - «скорее да») считают это вполне возможным. 33,3% экспертов полагают, что это возможно в определенной мере или не всем работникам. Примерно 20% экспертов с этим не согласны, по их мнению, для преодоления или компенсации эмоционального выгорания необходима специализированная помощь.

Эксперты полагают, что для самостоятельного преодоления креативными работниками возникающего у них эмоционального выгорания необходимы определенные условия. В первую очередь надо больше знать о самом феномене эмоционального выгорания, его психологическом содержании, проявлениях и последствиях – 40% ответов. Следует развивать персональную аутопсихологическую компетентность как способность точно определять и оценивать свои состояния, фиксировать происходящие изменения и пр.- 33,3%. Важно освоение методов произвольной саморегуляции, управления своим эмоциональным состоянием – 33,3%. По мнению экспертов весьма полезными были бы консультации с профессиональными психологами по методам и технологиям преодоления эмоционального выгорания – 33,3%.

Эксперты отметили, что определенные возможности для самостоятельного преодоления эмоционального выгорания заложено в психологии управления коллективами создателей рекламы. В частности, при управлении необходимо большее поощрение профессионального творчества, новаторства, расширение сферы профессиональных компетенций и пр. – 73,3%.

Важно помогать креативным работникам в поиске и принятии новых смыслов их профессиональной деятельности - 46,7%.

Весьма полезным может стать совершенствование целевой системы морального и материального стимулирования и поощрения инициативы, активной нестандартной поисковой деятельности – 46,7%.

Помочь в преодолении эмоционального выгорания может лучшее осознание миссии и философии своей профессиональной деятельности - 33,3%. В дискуссии эксперты отмечали необходимость ухода от копирования других образцов рекламы и содержательных клишированных схем.

Выводы

Проведенный теоретический анализ и экспертное оценивание проблемы эмоционального выгорания создателей позволили сделать следующие выводы:

- эмоциональное выгорание, возникающее у создателей рекламы в процессе их профессиональной деятельности, является широко распространенной реальностью;
- эмоциональное выгорание возникает вследствие психологических причин, связанных с содержанием деятельности создателей рекламы;
- эмоциональное выгорание проявляется индивидуально в зависимости от внутренних условий субъекта деятельности;
- эмоциональное выгорание снижает результативность деятельности создателей рекламы;
- эмоциональное выгорание способствует проявлению феномена отчуждения от профессиональной деятельности.

Результаты проведенного анализа проблемы эмоционального выгорания создателей рекламы свидетельствуют о необходимости более глубокой ее разработки, в том числе проведения масштабных эмпирических психологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Г.С. Синдром «эмоционального выгорания» у медработников / Г.С.Абрамова, Ю.А. Юдчиц. – М.: Кафедра, 1998. – 272 с.

2. Барабанщикова, В.В. Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: дисс. доктора психол. наук, 19.00.03 / Валентина Владимировна Барабанщикова. - М., 2016. - 359 с.
3. Безносков, С.П. Профессиональная деформация личности / С.П. Безносков. - СПб.: Речь, 2008. - 371 с.
4. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А.Бодров. - М.: Per Se, 2006. - 523 с.
5. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. - СПб.: ПИТЕР, 2005. - 187 с.
6. Водопьянова, Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика / Н.Е. Водопьянова. - СПб.: СПб ГУ, 2011. - 160 с.
7. Ганжин В.Т. Основы рекламного мышления. - М.: Фонд НИМБ, 2001. - 290 с.
8. Геращенко Л. Психология рекламы. - М.: АСТ; Астрель: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 298 с.
9. Гостев А.А. Психология вторичного образа / А.А. Гостев. - М.: ИПРАН, 2007. - 328с.
10. Зазыкин В.Г., Зазыкина Е.В., Мельников А.П. Психология рекламы и рекламной деятельности. - М.: Элит, 2009. - 224 с.
11. Зазыкин В.Г., Захарова С.Е. Психология «паблик рилейшнз» или психология эффективного PR. - М.: Белый ветер, 2017. - 484 с.
12. Зазыкин В.Г. Психологические и акмеологические феномены творчества. - М.: Белый ветер, 2019.- 284 с.
13. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций - М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2005.- 240 с.
14. Лебедев–Любимов А.Н. Психология рекламы. 2-е издание. - СПб.: ПИТЕР, 2007.- 384 с.
15. Маркова А.К. Психология профессионализма. - М.: Знание, 1996.- 308 с.
16. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы / В.Е.Орел // Психол. журнал. - 2001. - Т.22, - №1. - С.90-101.
17. Полякова, О.Б. Феномен профессиональной деформации личности как объект психологического познания / О.Б. Полякова // Человеческий капитал. - 2013 - № 9 - С. 94-100.
18. Полякова О.Б. Психогигиена и профилактика профессиональных деформаций личности: Учебное пособие. - М.: МПСИ, 2008.- 312 с.
19. Светова Л.Н. Психологические аспекты профессиональной деформации адвокатов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. - 2020. №1 (50). - С.67-73.
20. Симонов П.В. Избранные труды. В 2 т. / Отв. Ред. И.А. Шевелев. - М.: Наука, 2004.
21. Темиров, Т.В. Психологические закономерности психического выгорания личности педагога в современных условиях: автореф. дисс. доктора психол. наук, 19.00.07 / Таймураз Владимирович Темиров. -Нижний Новгород, 2011. - 45 с.
22. Темиров, Т.В. Особенности синдрома «психического выгорания» / Т.В. Темиров // Право и жизнь. - 2010. - №150 (12). - С.45-49.
23. Темиров, Т.В. Факторы возникновения и развития синдрома «психического выгорания» / Т.В. Темиров // Образование и право. - 2010. -№ 12 (16). - С.14-18.
24. Шуванов В.И. Психология рекламы. - Р-н-Д: РГТЭУ, 2005. - 315 с.

© Милехин Иван Андреевич (Vanmil@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТАЛАНТ И ГЕНИАЛЬНОСТЬ КАК ВИДЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕВИАЦИИ

TALENT AND GENIUS AS TYPES OF POSITIVE DEVIATION

G. Pedich
E. Isakovich

Summary: The article examines the phenomenon of talent and genius as forms of positive deviation in the development of society. Their role in scientific, technical and cultural progress is analyzed. Special attention is paid to the ability of talented people to self-regulate and adapt to a social environment. The influence of genius on the development of civilization is shown by the example of outstanding personalities (Einstein, Tesla, Mozart, Jobs, Lomonosov, Mendeleev, Korolev). The question of the responsibility of talented people for the consequences of their discoveries is raised. The prospects of studying the social determinants of genius and the mechanisms of adaptation of talented individuals are explored. The necessity of creating effective strategies for their support and integration into society is substantiated. The practical significance of the work lies in the development of methods for identifying and developing a talented personality in modern society.

Keywords: genius, talent, positive deviance, adaptation, social environment, talented people, outstanding personalities.

Педич Галина Геннадьевна

аспирант, Московский инновационный университет
fenix66@rambler.ru

Исакович Елена Ивановна

Кандидат социологических наук, доцент, Московский
инновационный университет
elena.isakovich@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен таланта и гениальности как форм положительной девиации в развитии общества. Анализируется их роль в научном, техническом и культурном прогрессе. Особое внимание уделяется способности талантливых людей к саморегуляции и адаптации в социальной среде. На примере выдающихся личностей (Эйнштейн, Тесла, Моцарт, Джобс, Ломоносов, Менделеев, Королёв) показано влияние гениальности на развитие цивилизации. Затрагивается вопрос ответственности талантливых людей за последствия своих открытий.

Исследуются перспективы изучения социальных детерминант гениальности и механизмов адаптации талантливых личностей. Обосновывается необходимость создания эффективных стратегий их поддержки и интеграции в общество.

Практическая значимость работы заключается в разработке методов выявления и развития талантливой личности в современном обществе.

Ключевые слова: гениальность, талант, положительная девиантность, адаптация, социальная среда, талантливые люди, выдающиеся личности.

Введение

Развитие общества невозможно без отклонений от принятых норм, поскольку именно в процессе пересмотра установленных правил рождаются новые идеи, технологии и формы самовыражения. В современном научном дискурсе девиация традиционно рассматривается в негативном ключе, связываясь с преступностью, аморальным поведением или нарушением социальных устоев. Однако в социологии и психологии выделяется иная форма девиантного поведения – положительная девиация, представляющая собой отклонения, ведущие к прогрессу и общественному развитию. В условиях глобальной конкуренции, стремительного технологического развития и культурной трансформации общества роль положительной девиации возрастает. Особый интерес вызывает феномен таланта и гениальности, поскольку именно эти качества способствуют радикальным изменениям в науке, искусстве, экономике и социальной сфере. Исторические примеры подтверждают, что выдающиеся личности, обладающие нестандартным мышлением и креативностью, нередко сталкивались с непониманием современников, но впоследствии их идеи становились основой нового мировоззрения. Настоящее исследование

направлено на рассмотрение таланта и гениальности как форм положительной девиации, выявление их теоретических оснований, социальной значимости и влияния на общество. В ходе анализа будут изучены различия между талантом и гениальностью, а также рассмотрена роль креативности в формировании девиантного поведения, приводящего к позитивным изменениям. Важное место займет исследование влияния выдающихся личностей на общество, включая как социально-экономические аспекты их деятельности, так и противоречивость их восприятия современниками. Целью работы является выявление механизмов, посредством которых талант и гениальность способствуют прогрессу, а также анализ условий, необходимых для реализации позитивного потенциала девиантного поведения. Для достижения данной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать понятие девиации и ее роль в развитии общества;
- определить критерии разграничения таланта и гениальности;
- исследовать взаимосвязь креативности и девиантного поведения;
- изучить влияние талантливых и гениальных личностей на социальное и экономическое развитие.

Таким образом, исследование освещает актуальные аспекты взаимодействия личности и общества, раскрывая значение положительной девиации как фактора культурного и социального прогресса.

Современное общество представляет собой динамическую систему, в которой отклонения от норм могут выполнять как деструктивную, так и конструктивную функцию. В социологии и психологии девиация традиционно рассматривается через призму нормативного поведения, нарушение которого влечет за собой либо санкции, либо признание и последующую трансформацию общественных ценностей. В этом контексте положительная девиация выступает как один из механизмов социального прогресса, способствующий эволюции общества, его адаптации к новым вызовам и развитию культуры и науки [5, 12]. Термин «девиация» (от лат. *deviatio* – отклонение) изначально применялся в естественных науках для обозначения отклонений от нормы. В социологии это понятие приобрело более широкий смысл, обозначая поведение, выходящее за пределы устоявшихся социальных норм и ценностей. Классические теории девиантного поведения (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Г. Беккер) связывают девиацию с нарушением социальных устоев и рассматривают ее как фактор дезорганизации общества [5]. В то же время в современных концепциях (Я. Гилинский, В. Добренков, В. Ядов) девиация трактуется как функциональный элемент социальных изменений, выполняющий как деструктивные, так и конструктивные задачи [9]. Исторические примеры демонстрируют, что многие общественные реформы, научные открытия и культурные достижения стали возможны благодаря людям, чьи взгляды и поведение выходили за рамки общепринятых норм. Так, Гиппократ, чьи медицинские идеи противоречили древнегреческим религиозным представлениям, заложил основы научной медицины. Галилео Галилей, подвергшийся преследованиям за поддержку гелиоцентрической модели мира, впоследствии стал одним из основоположников современной астрономии [6]. Девиация традиционно делится на негативную и позитивную. Негативная девиация включает формы поведения, наносящие вред обществу, такие как преступность, коррупция, агрессия. В то же время положительная девиация представляет собой поведение, которое отклоняется от норм, но способствует развитию общества и приводит к прогрессивным изменениям [1, 13]. Основными признаками положительной девиации являются:

1. Опережение социальных норм – поведение, основанное на ценностях, которые еще не признаны обществом, но со временем могут стать новой нормой. Примером служит борьба за права женщин в XIX–XX веках, которая поначалу воспринималась как социальная аномалия, но впоследствии привела к значительным общественным изменениям.
2. Высокий уровень креативности и инновационности – способность видеть нестандартные решения и разрабатывать новые концепции. Например, изобретения Леонардо да Винчи, многие из которых опередили свое время, но впоследствии были реализованы.
3. Социальная полезность – конечный результат девиантного поведения приводит к улучшению качества жизни, научному или культурному прогрессу. Так, Альберт Швейцер, чья идея «благоговения перед жизнью» в начале XX века казалась радикальной, заложил основу современной гуманистической этики [10].

Положительная девиация не только способствует изменениям в обществе, но и является ключевым фактором развития личности. Талантливые и гениальные люди обладают высокой степенью самостоятельности мышления, что позволяет им выходить за рамки стандартных шаблонов и создавать новое. Важным аспектом положительной девиации является ее связь с самореализацией. Абрахам Маслоу рассматривал стремление к самоактуализации как высшую потребность человека, которая часто сопровождается отклонением от социальных стандартов [18]. Исследования показывают, что положительная девиация нередко сопряжена с трудностями в социализации. Так, Винсент Ван Гог, чьи картины сегодня признаны шедеврами, при жизни не имел признания и испытывал серьезные психологические проблемы. Тем не менее его творчество оказало значительное влияние на развитие искусства XX века [3]. Пример Михаила Ломоносова ярко демонстрирует, что гениальность нередко проявляется в разносторонних достижениях. Обладая выдающимися способностями к науке, литературе и искусству, он сформулировал закон сохранения массы, развил российскую лингвистику и внес значительный вклад в естествознание. Его пример подтверждает тезис о том, что гениальность — это не только высокий интеллект, но и способность к созданию принципиально новых знаний [1]. Таким образом, положительная девиация представляет собой сложное и многогранное явление, играющее важную роль как в развитии общества, так и в становлении выдающихся личностей. Она связана с инновациями, креативностью и способностью менять мир, несмотря на возможное непонимание со стороны современников [16].

Понятия «талант» и «гениальность» играют ключевую роль в изучении положительной девиации, так как они связаны с проявлением выдающихся способностей, приводящих к социальным и культурным трансформациям. Вопрос о разграничении этих феноменов остается предметом научных дискуссий, но большинство исследователей сходятся во мнении, что талант характеризуется высокой степенью мастерства в определенной сфере деятельности, тогда как гениальность предполагает спо-

способность к принципиально новым открытиям, изменяющим мировоззренческую или культурную парадигму [14]. Одаренность, талант и гениальность являются градациями интеллектуальных и творческих способностей. Согласно Ж.И. Трафимчик, одаренность — это наличие врожденных задатков, которые при развитии могут привести к формированию таланта или гениальности [14]. Талант подразумевает высокий уровень способностей в конкретной области, проявляющийся в выдающихся результатах деятельности. Гениальность же включает в себя не только исключительные способности, но и принципиально новый взгляд на реальность, приводящий к инновациям в масштабах цивилизации. Так, Вольфганг Амадей Моцарт проявил талант в музыкальном искусстве с раннего возраста. Уже в 5 лет он писал сложные музыкальные произведения, а в 8 — создал первую симфонию. Его талант был признан при жизни, однако гениальность его творчества раскрылась в полной мере лишь спустя столетия [13]. В противоположность ему Винсент Ван Гог, при жизни не имевший признания, стал символом гениальности в живописи только после смерти, когда его новаторский стиль оказал влияние на искусство XX века [3].

Талантливые и гениальные личности обладают рядом отличительных черт, включающих высокий уровень интеллекта, креативность, независимость мышления и стремление к самореализации [10]. Однако, в отличие от талантливых людей, гении нередко сталкиваются с трудностями в социальной адаптации, поскольку их идеи зачастую опережают свое время и не находят немедленного признания [17]. Психологи отмечают, что для талантливых и гениальных личностей характерны следующие особенности:

1. Высокая креативность – способность находить нестандартные решения. Например, Никола Тесла, чьи изобретения в области электричества считались фантастическими, но впоследствии определили развитие технологий [10].
2. Глубокая мотивация и целеустремленность – выраженное стремление к достижению цели, несмотря на внешние препятствия. К примеру, Сергей Королев, основатель советской космонавтики, несмотря на репрессии и годы, проведенные в лагерях, он не утратил стремления к научному прогрессу и смог реализовать амбициозные проекты, приведшие к запуску первого спутника и первого человека в космос. Игорь Курчатов, руководитель советского атомного проекта, который, несмотря на колоссальные трудности, смог организовать работу над созданием первой советской атомной бомбы, а затем и мирных ядерных технологий. [15].
3. Гиперчувствительность и эмоциональная нестабильность – свойственны многим гениальным людям, что часто приводит к проблемам во взаимоотношениях и социальной изоляции. Ван Гог и

Эдгар Аллан По, страдавшие психическими расстройствами, воплотили в своем творчестве новаторские идеи, оказавшие влияние на искусство [3].

Гениальность зачастую связывают не только с интеллектуальными и творческими способностями, но и с иррациональными аспектами мышления. Согласно Е.А. Хомченко, гениальные личности часто выходят за границы логического познания, используя интуицию, озарения и необычные формы мышления [17]. Эйнштейн называл интуицию важнейшим инструментом научного познания, утверждая, что его идеи возникали не путем рационального анализа, а скорее в виде озарений, требующих последующей математической формализации. Подобным образом Нильс Бор пришел к своей модели атома, используя аналогии с солнечной системой, что не соответствовало классической физике, но оказалось революционным открытием [17]. Кроме того, исследования показывают, что у гениальных личностей часто наблюдается связь между творческим процессом и измененными состояниями сознания. Многие художники, писатели и ученые говорили о переживаниях, похожих на мистические откровения, в моменты наибольшего вдохновения. Так, Фридрих Ницше отмечал, что его идеи приходили к нему в моменты экстремального эмоционального напряжения, а Сальвадор Дали сознательно использовал полусонные состояния для стимуляции креативности [17]. Таким образом, талант и гениальность представляют собой разные уровни проявления выдающихся способностей. Если талант можно определить как высокий уровень мастерства в определенной области, то гениальность связана с созданием новых смыслов, преобразующих культуру и науку. Гениальные личности нередко сталкиваются с непониманием современников, что свидетельствует о связи гениальности с положительной девиацией. Иррациональный аспект гениальности, проявляющийся в интуитивном познании и измененных состояниях сознания, подчеркивает сложность и многогранность этого феномена.

Креативность является одной из ключевых характеристик положительной девиации, поскольку она предполагает выход за рамки общепринятых норм и создание новых идей, способствующих развитию общества. Во многих исследованиях креативность рассматривается как основа инновационных процессов, а ее носители — как агенты изменений, формирующие культурные, научные и технологические тенденции [16]. Креативность традиционно определяется как способность генерировать оригинальные идеи, подходы и решения [16]. Однако ее связь с девиантным поведением обусловлена тем, что креативные личности часто игнорируют устоявшиеся социальные нормы, предлагая альтернативные модели поведения. Согласно Н.Н. Хомутовой, творческий человек отличается независимостью мышления, склонностью к риску и преодолению стереотипов, что делает

его поведение отклоняющимся по отношению к средне-статистическим нормам [16]. Примером может служить Винсент Ван Гог, который в свое время воспринимался как эксцентричный художник, не вписывающийся в академические каноны. Его манера живописи считалась отступлением от норм классического искусства, однако впоследствии именно его подход определил развитие постимпрессионизма [3]. Григорий Перельман является примером нестандартного мышления и предельной научной сосредоточенности. Доказав гипотезу Пуанкаре, он совершил одно из величайших математических открытий XXI века, однако отказался от наград, что подчеркивает его девиантное поведение в социальном смысле. Это демонстрирует, что положительная девиация не всегда вписывается в общественные ожидания, но при этом играет ключевую роль в научном прогрессе [3]. Игорь Сикорский стал первопроходцем в авиационной индустрии, воплотив концепцию вертолета, которая долгое время считалась технически невозможной. Его идеи опережали эпоху, а инженерные решения стали фундаментом для современной авиации. Этот пример подчеркивает, что креативность и изобретательность — важнейшие элементы гениальности [7]. Понятие «креативный класс» было введено Ричардом Флоридой, который определил его как группу людей, занятых в сферах, требующих высокой степени творчества, таких как искусство, наука, технологии и предпринимательство [15]. Представители креативного класса не просто генерируют новые идеи, но и формируют экономические и социальные тренды. Креативный класс играет важную роль в развитии городов, поскольку его представители способствуют экономическому росту и инновациям. Например, Кремниевая долина как центр мировых технологических инноваций является ярким примером влияния креативного класса на общество. Компании, основанные на принципах креативности, такие как Google и Apple, не только формируют новые потребительские практики, но и изменяют саму структуру труда и производства знаний [15]. С другой стороны, деятельность креативного класса может вызывать противоречивые социальные явления. Например, в России представители креативного класса часто сталкиваются с институциональными барьерами, связанными с бюрократией и недостаточной поддержкой инноваций. Это приводит к тому, что многие талантливые люди эмигрируют в страны с более благоприятной средой для творчества [7]. Одним из ключевых вызовов современного общества является коммерциализация креативности, когда творческий потенциал используется не только для создания культурных и научных ценностей, но и для маркетинговых стратегий и потребления. Дж. Хиз и Э. Поттер в своей книге «Бунт на продажу» описывают, как контркультурные и девиантные практики, изначально направленные на разрушение устоявшихся норм, со временем становятся частью массовой культуры и инструментом коммерции [15]. Ярким примером является индустрия стрит-арта. В

начале своей истории граффити рассматривалось как девиантное поведение, нарушающее городские нормы. Однако с развитием уличного искусства такие художники, как Бэнкси, Паша (Павел Пухов), Тимофей Радя превратили его в востребованный коммерческий продукт. Сегодня многие компании используют элементы стрит-арта в рекламе, а сами художники зарабатывают миллионы долларов на продажах своих работ [15]. Подобная тенденция прослеживается и в музыкальной индустрии. Жанры, изначально считавшиеся маргинальными (рок, хип-хоп, панк), со временем становились мейнстримом и инструментом маркетинга. Например, рэп, который в 1980-е годы ассоциировался с протестными настроениями, в XXI веке превратился в один из самых коммерчески успешных жанров, активно используемый брендами для продвижения товаров [15]. Креативность является мощным инструментом социальных изменений, но ее проявления не всегда вписываются в традиционные рамки. Представители креативного класса формируют новые тренды, но их деятельность может восприниматься как девиантная, особенно на этапе ее становления. Коммерциализация креативности приводит к трансформации девиантных практик в мейнстрим, что создает новые культурные и экономические парадигмы.

Талантливые и гениальные личности оказывают значительное влияние на развитие общества, выступая двигателями научного, культурного и технологического прогресса. Их вклад проявляется в различных сферах — от искусства и философии до предпринимательства и инноваций. Однако социальное восприятие гениальности неоднозначно: оно может вызывать как восхищение, так и неприятие, поскольку нестандартные идеи и модели поведения зачастую противостоят устоявшимся нормам [10]. Талант представляет собой не только индивидуальную характеристику, но и важный социально-экономический ресурс. Страны, которые создают благоприятные условия для развития талантливых людей, достигают значительных успехов в науке, экономике и культуре. Примером талантливого поведения, повлиявшего на экономику, является деятельность Стива Джобса. Его инновационные идеи в области технологий изменили рынок мобильных устройств, сделав смартфоны неотъемлемой частью повседневной жизни. Компании Apple удалось создать экосистему продуктов и сервисов, которая не только изменила потребительские привычки, но и повлияла на глобальный рынок труда, сформировав новые профессии в сфере IT и цифрового дизайна [11]. Другим примером является деятельность Никола Теслы. Его новаторские открытия в области электричества и беспроводной передачи энергии опередили свое время и стали основой современных технологий. Однако при жизни он не всегда находил поддержку общества, а его нестандартные идеи часто воспринимались как странные или даже безумные [10]. Сергей Королев, основатель советской космонавтики, воплотил в жизнь мечту

человечества о полетах в космос. Несмотря на трудности и недоверие к его проектам, он сумел организовать запуск первого спутника и первого человека в космос, что стало не только технологическим прорывом, но и изменило всю геополитическую картину мира. Его пример демонстрирует, что гениальность — это не только интеллектуальные способности, но и способность преодолевать социальные и системные барьеры [10]. Константин Новоселов, лауреат Нобелевской премии за открытие графена, продемонстрировал, как научные исследования могут привести к революционным открытиям в сфере материаловедения. Его работа открыла перспективы для новых технологий, включая суперпрочные материалы и сверхбыструю электронику. Это еще один пример того, как научный гений преобразует реальность, создавая новые возможности для общества [14]. Психологические исследования показывают, что талантливые и гениальные личности обладают особыми механизмами саморегуляции, позволяющими им адаптироваться к нестандартным условиям и преодолевать социальные барьеры [18]. Однако высокий уровень креативности и нестандартного мышления может вызывать сложности в социальной адаптации. Гениальные личности нередко испытывают трудности во взаимодействии с окружающими из-за своей высокой интеллектуальной или эмоциональной чувствительности. Например, Винсент Ван Гог, обладая выдающимся художественным даром, страдал от психических расстройств и социальных проблем. Его творчество стало признанным лишь спустя годы после его смерти, что демонстрирует сложную взаимосвязь между гениальностью и социальной адаптацией [3]. В то же время существуют примеры успешной саморегуляции среди талантливых личностей. Д. Менделеев не только сформулировал Периодический закон, но и на протяжении всей жизни демонстрировал исключительную способность к саморегуляции: он строго организовывал свое время, сочетая преподавание, научные исследования и практическую деятельность. Известно, что он систематически работал над своими идеями, соблюдая строгий распорядок дня, что позволило ему завершить свою систему элементов, даже несмотря на существовавшие в науке того времени пробелы. Кроме того, он умел регулировать свои интеллектуальные нагрузки, переключаясь между различными сферами деятельности — от химии до метеорологии и авиации. Такая способность к саморегуляции позволила ему не только достигать поставленных целей, но и поддерживать продуктивность на протяжении всей жизни. [15]. Гениальные идеи часто опережают свое время, что делает их носителей фигурами противоречивыми. История знает множество случаев, когда революционные открытия поначалу встречали сопротивление со стороны общества, а их авторы подвергались критике. Например, работы Альберта Эйнштейна по теории относительности сначала вызвали сомнения у научного сообщества, но впоследствии стали основой современной физики [10]. Однако гени-

альность не всегда воспринимается исключительно положительно. В некоторых случаях она может приводить к разрушительным последствиям. Например, технологические открытия могут использоваться не только для прогресса, но и для создания оружия массового поражения. Ярким примером является проект «Манхэттен», в рамках которого были разработаны атомные бомбы, изменившие ход мировой истории. Это демонстрирует, что гениальность сама по себе не является однозначным благом, а ее последствия зависят от социальных и этических контекстов [10]. Изучение механизмов саморегуляции и адаптации талантливых людей позволяет лучше понимать их влияние на общество и прогнозировать возможные последствия их новаторских идей.

Заключение

Талант и гениальность как формы положительной девиации играют ключевую роль в развитии общества. Они не только способствуют научному, техническому и культурному прогрессу, но и порождают новые нормы, модели поведения и ценности. История показывает, что многие выдающиеся личности, чьи идеи и открытия изначально воспринимались как отклонение от общепринятых стандартов, в конечном итоге меняли ход цивилизации, формируя новые социальные и экономические реалии [10, 11]. Изучение положительной девиации с точки зрения проявления таланта и гениальности позволяет глубже понять механизмы развития личности и общества. Одним из ключевых аспектов является способность талантливых людей к саморегуляции и адаптации в социальной среде. В то время как одни находят признание и поддержку, другие сталкиваются с непониманием и сопротивлением, что может приводить как к социальному отторжению, так и к личностным кризисам [18]. Анализ примеров таких личностей, как Альберт Эйнштейн, Никола Тесла, Вольфганг Амадей Моцарт, Стив Джобс, М. Ломоносов, Д. Менделеев, С. Королев показывает, что гениальность и креативность оказывают не только прогрессивное влияние, но и могут вызывать серьезные социальные и этические противоречия. Вопрос об ответственности талантливых людей перед обществом остается открытым: их открытия и изобретения могут служить как на благо, так и во вред человечеству, в зависимости от контекста их применения [3, 10, 15]. Перспективы дальнейших исследований феномена гениальности и таланта в контексте девиантологии включают изучение их социальных детерминант, влияния образовательной среды и психологических механизмов адаптации. Важно не только понимать, как развиваются гениальные личности, но и создавать условия для их поддержки, помогая обществу более эффективно использовать потенциал таких людей. Практическое значение изучения данной проблемы заключается в разработке образовательных и социальных стратегий, направленных на выявление и поддержку талантливых личностей. Современное

общество нуждается в механизмах, позволяющих интегрировать творческих людей в социальные и экономические структуры, обеспечивая условия для их самореализации и минимизируя возможные негативные последствия девиантного поведения. Таким образом,

талант и гениальность — это явления, которые, будучи формами положительной девиации, способствуют развитию общества, но одновременно требуют внимательного изучения и осмысленного регулирования для эффективного использования их потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева А.В., Попова Н.А. Классификация позитивной девиации и ее проявления // Научноисследовательские публикации. 2013. — №3. — С.58–63.
2. Бородай А.Д. Творческая молодежь как профессиональный сегмент социальной группы общества // Знание. Понимание. Умение 2012. — №1. — С. 106–110.
3. Вихрева А.А. Креативность и гениальность как проблема: социологический подход // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 39. — С. 3141–3145. — URL: <http://e-koncept.ru/2017/970955.htm>. университета. 2015. — №3. — С.35–47.
4. Волков Ю.Г. Идентификационная доминанта креативности в российском обществе // Власть. 2014. — №11. — С.6–43.
5. Гилинский Я.И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // Социологические исследования. 2009. — №8. — С.70–73.
6. Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение! // Социологические исследования. 1990. — №2. — С.41–60.
7. Замятина Н.Ю. Креативный класс, символический капитал и территория // Общественные науки и современность. 2013. — №4. — С.130–139.
8. Коротаев С.А. Российская трудовая культура как фактор креативности отечественных профессионалов // Мир России. 2015. — №2. — С.152–174.
9. Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. 1965. — №3. — С.519–549.
10. Леонидова Г.В., Попов А.В. Социальный портрет творческих людей // Проблемы развития территории. 2012. — №2. — С.45–55.
11. Максимова Е.С. Влияние творчества на общественное мнение в современном российском обществе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. — №3. — С.35–47.
12. Овруцкий А.В. Личность, экономика, общество: креатив и креативность // Психология в экономике и управлении. 2010. — №1 (3). — С.13–21.
13. Сминщикова Э.В. Позитивные девиации как фактор прогрессивного развития личности в современном социуме: дисс. ...канд. юрид. наук. — Краснодар, 2012. — 123 с.
14. Трафимчик Ж.И. Одаренность, талант, гениальность: введение в проблему // Проблемы здоровья и экологии. 2014. — №2 (40). — С.143–145.
15. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — Пер. с англ. — М.: Классика XXI, 2007. — 421 с. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. — Пер. с англ., — М.: Добрая книга, 2007. — 456 с.
16. Хомутова Н.Н. «Креативность» и «творчество» личности в обществе инноваций // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. — №3. — С.92–97.
17. Хомченко Е.А. Феномен гениальности: иррациональный аспект // Омский научный вестник. 2007. — №4 (58). — С.87–90.
18. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. — М.: ЦСПИМ, 2013. — 376 с.

© Педич Галина Геннадьевна (fenix66@rambler.ru), Исакович Елена Ивановна (elena.isakovich@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ПСИХОТИПОВ НА НАПИСАНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СТАТЕЙ: ШИЗОИДНЫЙ, НЕВРОТИЧЕСКИЙ И ИСТЕРОИДНЫЙ СТИЛИ

Яньшина Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук, Дипломатическая
Академия МИД России
yanshina@bk.ru

THE INFLUENCE OF PSYCH TYPES IN THE WRITING OF POLITICAL AND ECONOMIC ANALYSIS OF ARTICLES: SCHIZOID, NEUROTIC, AND HYSTERICAL STYLES

I. Yanshina

Summary: The study is devoted to the systematic analysis of the relationship between the dominant psychotypes of personality (schizoid, neurotic, hysteroid) and the specifics of processing political and economic information. On the basis of theoretical modeling and empirical data, it is demonstrated how cognitive patterns of each type determine: the structure of analysis - rational-logical constructions of schizoids vs emotional-evaluative judgments of neurotics; the focus of attention is detailed factology in the schizoid type vs interdisciplinary analogies in the hysteroid; Prognostic potential - critical skepticism of neurotics as a filter for errors. Particular attention is paid to the synergistic effect when combining approaches: schizoid systematization of data, hysterical creativity in interpretations and neurotic revision of conclusions form a multiparadigm analytical model. The results indicate the need for targeted development of metacognitive skills to overcome cognitive distortions characteristic of each psychotype. Practical application of the results makes it possible to optimize the work of analytical groups through the distribution of roles according to the psychotypological principle.

Keywords: psych types, schizoid, neurotic, hysterical, article analysis, influence, writing article analysis.

Аннотация: Исследование посвящено системному анализу взаимосвязи между доминирующими психотипами личности (шизоидный, невротический, истероидный) и спецификой обработки политико-экономической информации. На основе теоретического моделирования и эмпирических данных демонстрируется, как когнитивные паттерны каждого типа определяют: структуру анализа - рационально-логические построения шизоидов vs эмоционально-оценочные суждения невротиков; фокус внимания - детализированная фактология у шизоидного типа vs междисциплинарные аналогии у истероидного; прогностический потенциал - критический скепсис невротиков как фильтр для ошибок. Особое внимание уделяется синергетическому эффекту при комбинировании подходов: шизоидная систематизация данных, истероидная креативность в интерпретациях и невротическая ревизия выводов формируют мультипарадигмальную аналитическую модель. Результаты указывают на необходимость целенаправленного развития метакогнитивных навыков для преодоления когнитивных искажений, характерных для каждого психотипа. Практическое применение результатов позволяет оптимизировать работу аналитических групп через распределение ролей по психотипологическому принципу.

Ключевые слова: психотипы, шизоидный, невротический, истероидный, анализ статей, влияние, написание анализа статей.

Актуальность исследования

Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания влияния когнитивных особенностей авторов на качество и содержание аналитических работ в политологии и экономике.

Новизна заключается в применении психологических подходов для оценки стиля анализа и его потенциальной интеграции для повышения качества научных исследований.

Цель - исследовать влияние психотипов на стиль и содержание анализа политических и экономических статей.

Задачи:

1. Описать когнитивные особенности шизоидного,

невротического и истероидного психотипов.

2. Проанализировать вклад каждого психотипа в формирование стиля написания анализа политических и экономических статей.
3. Разработать модель интеграции сильных сторон различных психотипов для создания комплексных аналитических моделей.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием качественного анализа литературы по психологии, а также практических работ студентов факультета «Мировой экономики» ДА МИД России. Анализируется стиль и содержание анализа статей, написанных студентами с разными психотипами. Применяются методы сравнительного анализа и синтеза.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения результатов для формирования исследовательских коллективов, сочетающих комплементарные психотипы. Это может повысить качество и глубину аналитических работ в политологии и экономике.

Материалы исследования включают научные статьи по психологии, а также примеры аналитических работ, написанных студентами с разными психотипами. Также используются данные из курсов по экономическому анализу и политологии для иллюстрации влияния психотипов на стиль анализа.

Введение

В современную эпоху информационной перегрузки, когда поток данных становится все более интенсивным, умение критически оценивать аналитические материалы приобретает первостепенное значение для политиков, экономистов и широкой аудитории. Однако часто упускается из виду тот факт, что психологические особенности авторов могут существенно влиять на содержание и стиль их работ. Игнорирование этих различий приводит к некорректным сравнениям аналитических материалов, созданных в принципиально разных когнитивных парадигмах.

Например, прогнозы о последствиях экономических санкций, выполненные исследователем с шизоидным типом мышления, могут радикально отличаться от выводов аналитика с невротическими и/или истероидными чертами, даже при использовании идентичных исходных данных. Это происходит потому, что каждый психотип имеет свои уникальные когнитивные особенности, которые влияют на то, как человек обрабатывает информацию и интерпретирует данные.

Анализ политических и экономических процессов требует сочетания критичности, глубины мышления и способности к синтезу информации. Когнитивные особенности авторов, обусловленные их психотипами, существенно влияют на методологию, стиль и содержание научных работ. В этой статье будут рассмотрены три ключевых психотипа: шизоидный, невротический и истероидный.

Особое внимание в статье будет уделено возможности интеграции сильных сторон каждого психотипа для создания комплексных аналитических моделей. Синергетический эффект от комбинации рационально-логических построений шизоидов, критического скептицизма невротиков и креативности истероидов может привести к разработке более полных и эффективных аналитических инструментов.

Таким образом, понимание влияния психотипов на

аналитические подходы может существенно улучшить качество политико-экономического анализа и способствовать более точному прогнозированию и принятию решений в этих областях.

Шизоидный психотип: генератор парадигм

Шизоид обладает аналитическим мышлением. Ему важны структура ситуации, причинно-следственные и логические связи, чёткие определения конкретных понятий [11].

Шизоид очень внимателен именно к деталям, подробностям. Он не схватывает ситуацию «в целом», а наоборот, разбирает её на множество элементов и формулирует для себя отдельные закономерности, которые затем пытается собрать в некую стройную, непротиворечивую понятийную структуру.

Ему свойственно создавать сложные классификации, строить графики, анализировать данные.

В некотором смысле его абстрактные представления базируются на строгих причинно-следственных связях.

Шизоиду важно сразу продумать весь путь, предусмотреть и внутренне увидеть, как и что будет происходить, в какой последовательности, что он предпримет или сделает. И, к сожалению, шизоид часто забывает сделать поправку на изменчивость обстоятельств и вводимых, и в особенности — на «человеческий фактор».

Богатство вариантов может фрустрировать шизоида, так как выбор — это всегда ответственность и задача, требующая просчёта всех вариантов, что, часто просто физически невозможно сделать, если вы делаете это так, как делает классический шизоид.

Итак, для шизоидных авторов характерно:

- **Оригинальность концепций** с акцентом на теоретические модели, а не на практическую верификацию [14];
- **Последовательность и структурность**, которые определяются причинно-следственными связями [11].
- **Склонность к созданию** «смыслового юмора», проявляющегося в использовании парадоксальных метафор при описании экономических кризисов или политических конфликтов [14].

Пример: анализ бюджетного дефицита может сопровождаться сравнением государства с «черной дырой, поглощающей фискальные ресурсы через сингулярность коррупции». Такие работы часто становятся источником революционных идей, но страдают недостатком эмпирических данных [12,14].

Пример написания политико-экономического анализа на тему «Введение правительством субсидий на электроэнергию в условиях инфляционного давления» студента ДА МИД России с шизоидным психотипом:

Энергосубсидии как инструмент сдерживания инфляции

Введение субсидий на электроэнергию представляет собой частную форму интервенции в сферу ценообразования, целью которой является сглаживание инфляционного давления. Теоретически, такое вмешательство может быть оправдано в краткосрочном периоде — как мера для стабилизации потребительских расходов.

Однако механизм требует осторожности: при длительном применении он формирует ценовые искажения, снижает мотивацию к энергосбережению, создаёт дисбаланс между реальной стоимостью ресурса и восприятием её потребителем.

Возникает системная дилемма: поддержка социальной устойчивости против стимулирования рыночной эффективности.

Альтернативный подход — адресные выплаты или временные компенсации — может быть более эффективен в долгосрочной перспективе.

Следует также учитывать потенциальное давление на госбюджет и возможность фискального смещения в других секторах.

Невротический стиль: тирания деталей

В рамках невротической организации личности выделяются:

- **Гиперфокусировка на технических аспектах** (например, точности статистических показателей) [4];
- **Системность, ригидность структуры** с избыточным цитированием второстепенных источников и общего контекста ситуации [4, 11];
- **Реалистичность.** Реалистичность подхода невротика заключается в том, что он всегда хочет видеть что-то конкретное, предметное [11].
- **Индивидуальность подхода.** С одной стороны, невротика свойственно опираться на собственный опыт, а поэтому он, как правило, имеет в своём арсенале несколько отработанных решений для разных ситуаций. С другой стороны, он хорошо понимает, что каждая ситуация особенная, влияние оказывают уже какие-то другие факторы, что цели могут меняться, и он отслеживает каждый параметр, чтобы адаптировать свои решения к данной конкретной ситуации [11].

- **Тенденция к бесконечному уточнению формулировок**, что замедляет публикацию актуальных исследований [4].

Пример: работа о динамике ВВП может содержать 15 таблиц с помесечными данными, но не давать прогнозных моделей. Как отмечает Шапиро, «напряжение направлено не на достижение цели, а на демонстрацию процесса работы» [4].

Пример написания политико-экономического анализа на тему «Введение правительством субсидий на электроэнергию в условиях инфляционного давления» студента факультета «Мировая экономика» ДА МИД России с невротическим психотипом:

Субсидии на электроэнергию — компромисс между безопасностью и реальностью

На фоне роста цен многие семьи оказались в непростой ситуации. Субсидии на электроэнергию — это, условно, мера поддержки, которая даёт людям чувство защищённости. Особенно это важно для пенсионеров, многодетных и тех, кто живёт «от зарплаты до зарплаты».

Однако возникают опасения: насколько это решение устойчиво в долгосрочной перспективе? Не приведёт ли оно к дефициту бюджета? Как будут чувствовать себя будущие поколения, если мы сейчас залезаем в долги ради текущего облегчения?

Есть риск, что рынок не адаптируется к реальной стоимости электроэнергии, и мы войдём в цикл постоянных дотаций.

Возможно, стоит рассмотреть вариант — частичных субсидий, с обязательным лимитом по доходу и прозрачной системой оценки нуждаемости.

Главное — не навредить. Ни людям, ни экономике.

Истероидный стиль: эмоциональный импрессионизм

В данной статье мы рассматриваем истероидов с высоким интеллектуальным потенциалом и со сформированной способностью к целенаправленному мышлению. Истероид при написании анализа статьи создаёт истории — зримые нарративы, т.е. образы. Образ, аналогия, метафора — это то, что позволяет истероиду собрать своё видение. И это видение часто оказывается прорывным, потому что оно, как правило, нестандартно [11].

Особенности истерического подхода:

- **Образность и исключительность.** Для истероида важно всё представить в образах, его

письменная и устная речь часто богата всевозможными метафорами и эпитетами. Исключительность должна быть во всём, она должна вызывать исключительно позитивную оценку, страсть и эмоцию [11].

- **Игнорирование логических противоречий** при сохранении внешней убедительности [2];
- **Преобладание эмоционально-оценочных конструкций над фактологией** («этот экономический курс — позор нации!») [2];
- **Склонность к упрощённым дихотомиям** («народ vs. олигархи», «демократы vs. диктаторы») [6,2].

Экспериментальные данные показывают, что 47.1% испытуемых с истерическим расстройством демонстрируют согласие с взаимоисключающими тезисами в политическом анализе [2]. Это коррелирует с частым использованием риторических вопросов и восклицаний в текстах.

Пример написания политико-экономического анализа на тему «Введение правительством субсидий на электроэнергию в условиях инфляционного давления» студента факультета «Мировая экономика» ДА МИД России с истероидным психотипом:

Электросубсидии — жест доброй воли или опасная иллюзия?

Пока цены растут, а счета за электричество заставляют замирать сердца обычных людей, правительство решает: «Мы поможем». Кажется, что за этим стоит забота. Кажется — но важно не поддаваться первому впечатлению.

Субсидии выглядят красиво. Политически эффектно. Особенно — на фоне недовольства населения. Но если копнуть глубже, мы увидим: за маской добродетели прячется вопрос — кто платит и какой ценой?

Проблема не только в бюджетных рисках, а в том, что это может создать иллюзию стабильности. Люди не видят реальную цену ресурса. А энергетический рынок — хрупкий механизм. Поверни один рычаг — и всё может перекосяться.

Не время играть в щедрость. Нужно говорить честно, действовать точно. (Таб. 1.)

Синтез подходов в политико-экономических исследованиях

Оптимальная модель анализа требует интеграции сильных сторон каждого стиля:

1. **Шизоидная креативность** для генерации гипотез [12,14];
2. **Невротическая точность** при сборе данных [4];
3. **Истерическая экспрессивность** для популяризации результатов [2].

Как отмечается в работах по политической психологии, глубина анализа достигается через сочетание критичности (невротический компонент) и гибкости (шизоидный аспект) [6]. Однако доминирование одного стиля приводит к дисбалансу: 62% политических прогнозов, сделанных с явным преобладанием истерического подхода, оказались ошибочными против 23% при сбалансированных методиках [6,14].

Таким образом, понимание когнитивных особенностей авторов позволяет не только анализировать существующие работы, но и целенаправленно формировать исследовательские коллективы, сочетающие комплементарные психотипы. Это открывает новые перспективы для создания комплексных аналитических моделей в политологии и экономической науке.

Проведенное исследование демонстрирует, что психотипы авторов выступают не просто фоном, а активным структурообразующим элементом политико-экономического анализа. Шизоидная склонность к парадоксальным обобщениям, невротическая фиксация на деталях и истерическая тяга к эмоциональным нарративам формируют принципиально разные «оптические призмы» для интерпретации одних и тех же процессов. Это ставит под сомнение миф о нейтральности аналитического дискурса и требует пересмотра традиционных критериев научной объективности.

Практическим следствием работы становится алгоритм формирования исследовательских коллективов, где комплементарность психотипов превращается в инструмент достижения баланса между инновационностью, точностью и коммуникационной эффективностью. Например, tandem шизоидного генератора концепций с невротическим верификатором данных позволяет создавать работы, сочетаю-

Таблица 1.

Сравнительная таблица стилей анализа.

Критерий	Шизоидный	Обсессивно-компульсивный	Истерический
Цель анализа	Поиск новых парадигм	Документирование фактов	Эмоциональное воздействие
Структура текста	Ассоциативная	Жёстко регламентированная	Фрагментарная
Использование данных	Символическое	Точечное	Селективное
Риторические приёмы	Метафоры, парадоксы	Таблицы, сноски	Восклицания, вопросы

щие смелые гипотезы с эмпирической строгостью, тогда как включение истерического типа в команду повышает адаптивность результатов для медийного пространства.

Особую значимость приобретает разработка «карты когнитивных искажений» — системы маркировки аналитических материалов с указанием доминирующего психотипа автора. Подобная практика, аналогичная декларации конфликта интересов в научных публикациях, могла бы стать новым стандартом академической прозрачности. Статистика показывает, что прогностическая ценность работ, созданных смешанными коллективами, на 38% превышает результаты индивидуальных исследований, что подтверждает необходимость институциональных изменений в подготовке аналитиков.

Перспективы дальнейших исследований связаны с тремя направлениями:

1. Цифровизация диагностики - разработка NLP-

алгоритмов для автоматического определения психотипических паттернов в текстах;

2. Кросс-культурный аспект - изучение влияния национальных коммуникативных традиций на проявление психотипов в аналитике;

3. Этика интерпретаций - создание методик коррекции когнитивных перекозов без подавления творческого потенциала авторов.

В условиях нарастающей сложности глобальных политико-экономических процессов предложенный подход открывает путь к новой парадигме «осознанной аналитики», где рефлексия над собственными когнитивными фильтрами становится обязательным элементом научной методологии. Это не только повышает качество исследований, но и способствует формированию культуры интеллектуальной ответственности — ключевого ресурса для преодоления кризисов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Истерический тип личности: яркость, драма и жажда внимания // www.b17.ru URL: https://www.b17.ru/article/istericheskiy_tip_lichnosti_yarkost_drama_i_zhazhda_vnimaniya/ (дата обращения: 13.03.2025).
2. Нарушения мышления при истерическом расстройстве личности // www.psystudy.ru URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/932> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Невротическая личность нашего времени // www.edu.ruscenter.ru URL: https://edu.ruscenter.ru/upload/iblock/250/karen_khorni_-_nevroticheskaya_lichnost.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
4. «Невротические стили» Дэвида Шапиро. Польза для психологов (и для их клиентов) // www.b17.ru URL: https://www.b17.ru/article/neurotic_styles_shapiro/ (дата обращения: 10.03.2025).
5. Политический анализ медийного текста // www.cejsh.icm.edu.pl URL: https://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-ebf5f49f-fd5f-4cf2-a3f4-7928d501058e/c/2014_Mielnik.pdf (дата обращения: 10.03.2025).
6. Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики // www.applied-research.ru URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5120> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. // www.publications.hse.ru URL: <https://publications.hse.ru/books/161260795> (дата обращения: 11.03.2025).
8. Проект «Психотип человека. Влияние психотипа на процесс обучения» // www.eee-science.ru URL: <https://eee-science.ru/item-work/2024-0418/> (дата обращения: 11.03.2025).
9. Психологический анализ личности невротика // www.cyberleninka.ru URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskii-analiz-lichnosti-nevrotika> (дата обращения: 13.03.2025).
10. Психопатические детерминанты смыслового восприятия текста: анализ признаков искажения сообщения // www.psycholinguistic.ru URL: <https://psycholinguistic.ru/elektronii-naychnii-shynal/rybriki/otechestvennaya-i-zarybechnaya-praktika/psihotipicheskie-determinanty-smyslovogo-vospriyatiya-teksta-analiz-priznakov-iskazheniya-soobshheniya/> (дата обращения: 10.03.2025).
11. Психотипы. Почему мы такие разные. // www.lk.brain-games.ru URL: https://lk.brain-games.ru/pl/teach/control/lesson/view?id=337231878&editMode=0&cap=b18942cb-4471-4792-8599-5bc36cff60ed&scan_id=3f4ec5c5-d38f-4018-88b6-846c76e5e49a (дата обращения: 20.03.2025).
12. Размышления о шизоидной динамике // www.psyjournal.ru URL: <https://psyjournal.ru/articles/razmyshleniya-o-shizoidnoy-dinamike> (дата обращения: 10.03.2025).
13. Связь темперамента с шизоидной акцентуацией // www.expeducation.ru URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=9464> (дата обращения: 11.03.2025).
14. Шизоид // www.psychologos.ru URL: <https://psychologos.ru/articles/view/shizoid> (дата обращения: 10.03.2025).
15. Шизоидный психотип // www.blog.studyli.ru URL: <https://blog.studyli.ru/shizoidnyj-psihotip/> (дата обращения: 11.03.2025).

© Яньшина Ирина Валерьевна (yanshina@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО КОНТЕНТА В КИТАЙСКИХ СМИ

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF ADVERTISING CONTENT IN CHINESE MEDIA

**N. Garkol
O. Ponomarenko**

Summary: The article analyzes the advertising content in the Chinese media, identifies the tools for creating brands seeking to successfully enter this market. Socially significant topics in advertising have been identified, revealing the specifics of cultural, social and economic aspects of Chinese society. The traditional symbols in Chinese culture are considered, and the characteristics of popular symbols that contribute to the competent development of advertising campaigns in China are presented. The requirements of the modern world become a guideline in creating an advertising product. The paper describes the main trends and strategies that reveal the peculiarities of the Chinese mentality.

Keywords: advertising, analysis, content, symbol, Chinese culture.

Гарколь Наталья Станиславовна

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
n_garkol@mail.ru*

Пonomarenko Ольга Павловна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
o.ponomarenko2018@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется рекламный контент в китайских СМИ, определяются инструменты создания брендов, стремящихся успешно выйти на этот рынок. Выявлены социально значимые темы в рекламе, раскрывающие специфику культурных, социальных и экономических аспектов китайского общества. Рассмотрены традиционные символы в китайской культуре, представлена характеристика популярных символов, способствующая грамотной разработке рекламных кампаний в Китае. Ориентиром в создании рекламного произведения становятся требования современного мира. В работе описаны основные тренды и стратегии, которые раскрывают особенности китайского менталитета.

Ключевые слова: реклама, анализ, контент, символ, китайская культура.

В современной коммуникационной среде реклама расширяет область влияния в социальной, культурной, экономических сферах. Ценностно-смысловое пространство рекламы порождает «реklamную картину мира», определяет степень информационного воздействия на социум и представителей разных культур. Успешность диалога культур и межкультурных коммуникаций определяется грамотным взаимодействием рекламосоздающей и рекламопотребляющей сторон. Реклама становится проводником межкультурного диалога, который выстраивает коммуникацию между представителями различных культур. Поэтому, актуально провести социально-философский анализ рекламного контента в китайских СМИ, который позволяет целостно осмыслить медиaproстранство как ресурс взаимодействия с потенциальными потребителями, учитывая их культурные, социальные и экономические особенности. Создание рекламного произведения требует знания не только технологий коммуникативного воздействия, но и специфики культуры Китая.

В китайской рекламе часто встречаются определенные темы и подходы, отражающие культурные, социальные и экономические аспекты общества. Наиболее популярные темы китайской рекламы:

- семья и традиции;
- качество предлагаемой продукции и ее безопасность;
- темы успеха, карьерного роста;

- реклама, ориентированная на молодежную аудиторию;
- здоровье и благополучие;
- путешествия и приключения;
- мода;
- социальные сети и взаимодействие.

В китайской культуре ценность семьи и сохранения традиций выступают аксиологической основой в обществе. Реклама, демонстрирующая отношения в семье, уважение к старшим и традиционные китайские ценности становится выигрышной. Отмечая важность почитания родителей и старших членов семьи, авторы создают сюжеты, в которых молодое поколение заботится о своих родителях или бабушках и дедушках, что подчеркивает традиционные семейные узы. Например, рекламируя бытовую технику (электрический чайник), обязательно стоит подчеркнуть, что вы насладитесь горячим чаем обязательно в кругу семьи, за круглым столом непременно будет и старшее поколение. Реклама может акцентировать внимание на совместных семейных праздниках, таких как Китайский Новый год, описывая праздничные встречи и приготовления традиционных блюд. При рекламе новейшей марки автомобиля или телефона стоит подчеркнуть, что именно этот автомобиль поможет вам приехать к родным и близким на Китайский Новый год, или именно такой телефон поможет связаться с семьей в такой день.

Эффективность рекламной деятельности определя-

ется степенью соответствия ценностным ориентациям, отраженным в информационном пространстве и разделяемым обществом. Л.Н. Федотова отмечала: «...утверждая ценности, разделяемые всеми членами общества, ...реклама способствует сохранению стабильности общества, а участвуя в формировании новых ценностей, задает новые ориентиры в движении социума, способствует его трансформации» [1, с. 35]. Успех рекламы определяется общим ценностным полем воспринимающих ее людей.

Китайские потребители все больше заботятся о качестве и безопасности продукции. Реклама часто подчеркивает высокие стандарты качества, сертификаты и тесты на безопасность, особенно в таких категориях, как продукты питания, косметика и электроника. В условиях насыщенного рынка наличие сертификатов и высоких стандартов качества становится важным конкурентным преимуществом, позволяя брендам выделяться среди аналогичных продуктов. Делая акцент на высоких стандартах качества, сертификатах и тестах на безопасность, реклама является важным элементом рекламных стратегий, направленных на привлечение и удержание потребителей. Это не только способствует формированию доверия, но и помогает брендам укрепить свою репутацию на рынке.

Социальная мотивация популярна в китайской рекламе. При создании привлекательности товара многие бренды используют образы успешных людей, чтобы вдохновить потребителей и ассоциировать свои продукты с достижением целей. Темы успеха, карьерного роста и самосовершенствования действительно занимают центральное место в рекламе и маркетинговых кампаниях. Это побуждает аудиторию воспринимать продукт или услугу с достижением успеха.

В условиях быстро меняющегося рынка труда и постоянной необходимости адаптироваться к новым условиям реклама, связанная с карьерным ростом, становится особенно актуальной для многих людей. Таким образом, темы успеха и карьерного роста делают их важными инструментами в рекламе, способствуют формированию позитивного имиджа и ведут к увеличению продаж. Если именно реклама для достижения своих целей апеллирует к доминирующим в обществе социально-психологическим ценностям и мотивациям, то, в свою очередь, она сама может служить примером ценностей и мотиваций, распространенных в обществе.

Современное развитие науки и техники привели к новым средствам передачи информации. Реклама, ориентированная на молодежную аудиторию в Китае, имеет свои уникальные особенности и стратегии, учитывающие культурные, социальные и технологические аспекты. Платформы, такие как WeChat, Weibo и Douyin (китайская версия TikTok), играют центральную роль в

рекламных кампаниях. Бренды активно используют эти платформы для взаимодействия с молодежью и создания вирусного контента. При этом молодежная аудитория в Китае предпочитает яркий, креативный и визуально привлекательный контент. Рекламные кампании часто включают анимацию, интересные графики и оригинальные идеи. Реклама часто акцентирует внимание на модных трендах и стильной эстетике, что особенно важно для молодежной аудитории. Многие бренды используют элементы игры в своих рекламных кампаниях, чтобы привлечь внимание молодежи. Это может быть как интерактивный контент, так и конкурсы.

В рекламном бизнесе нашли отражения и некоторые основы древней философии. Китайская философия подчеркивает общность человека и природы. В человеке отмечается взаимосвязь всех систем нашего тела. В основе понимания здорового образа жизни значительную роль выполняют профилактические процедуры. Поэтому реклама, связанная со здоровьем и благополучием в Китае, становится все более актуальной, особенно в свете растущего интереса к здоровому образу жизни и благополучию среди населения. Платформы, такие как WeChat и Douyin, активно используются для распространения информации о здоровье, включают советы по фитнесу, рецепты здорового питания и практики ментального здоровья. Сотрудничество с блогерами и экспертами в области здоровья помогает брендам достичь целевой аудитории и повысить доверие к продуктам и услугам. Успешные рекламные кампании учитывают культурные особенности и традиции Китая, такие как использование китайской медицины и натуральных лечебных средств. Использование носимых устройств и приложений для отслеживания здоровья становится популярным, и реклама акцентирует внимание на их преимуществах. Реклама здоровья и благополучия в Китае активно развивается, отражая изменения в общественном сознании и потребительских предпочтениях. Бренды, которые понимают важность здоровья и благополучия, могут эффективно взаимодействовать с аудиторией, предлагая решения, соответствующие современным требованиям и ожиданиям.

После снятия ограничений, связанных с COVID-19, внутренний туризм в Китае значительно вырос. Рекламные кампании акцентируют внимание на уникальных местных достопримечательностях, культурных событиях и природных красотах. Бренды и туристические компании активно продвигают менее известные, но привлекательные направления, чтобы снизить нагрузку на популярные туристические места. Реклама путешествий и приключений в Китае становится все более популярной, особенно среди молодежи и новых поколений, которые стремятся к уникальному опыту и исследованию новых мест.

Для китайской аудитории важно сделать акцент на

уникальных опыта, на приключенческом туризме, где реклама акцентирует внимание на активных видах отдыха, таких как trekking, альпинизм, водные виды спорта и экотуризм, или обратить внимание на предложения, связанные с приключениями, которые становятся особенно привлекательными для молодежи. Большим спросом будут пользоваться туристические компании, которые предлагают уникальные культурные опыты, такие как участие в традиционных фестивалях, кулинарные мастер-классы и взаимодействие с местными жителями.

Мода в китайской рекламе представляет собой динамичную и многогранную область, отражающую культурные тенденции, социальные изменения и технологические инновации. Основные потребители моды в Китае — это молодые люди (поколение Z и миллениалы), которые активно используют социальные сети и цифровые платформы. Реклама модной одежды и косметики часто акцентирует внимание на самовыражении и индивидуальности, предлагая потребителям возможность выделиться из толпы.

Рекламные кампании часто нацелены на эту аудиторию, учитывая ее интересы, ценности и предпочтения. Эмоциональные и вдохновляющие истории становятся важной частью модной рекламы. Бренды стремятся создать связи с потребителями через рассказы о ценностях, идентичности и самовыражении. Реклама часто подчеркивает важность сообществ и принадлежности, что особенно актуально для молодежи, которая ищет идентичность через моду. Многие западные бренды активно выходят на китайский рынок, адаптируя свои рекламные стратегии к местным реалиям. В то же время китайские бренды становятся все более популярными как на внутреннем, так и на международном рынках, предлагая уникальные стили и концепции. Таким образом, мода в китайской рекламе представляет собой сложное переплетение культурных, социальных и технологических факторов. Бренды, которые могут эффективно приспосабливать свои стратегии к потребностям и интересам целевой аудитории, имеют все шансы на успех в этом динамичном и конкурентном рынке.

С учетом роста популярности социальных сетей в Китае реклама часто включает элементы интерактивности, такие как конкурсы и вызовы для того, чтобы вовлечь пользователей и создать сообщество вокруг бренда. Социальные сети играют ключевую роль в рекламе и маркетинге в Китае, предоставляя брендам уникальные возможности для взаимодействия с потребителями. Наиболее популярными платформами являются:

WeChat: Эта многофункциональная платформа сочетает в себе мессенджер, социальную сеть и платежную систему. Бренды создают официальные аккаунты, где могут делиться новостями, акциями и контентом, а также

взаимодействовать с клиентами через чаты и опросы.

Weibo: Похожая на Twitter, Weibo позволяет брендам публиковать короткие сообщения и визуальный контент. Это отличная платформа для вирусного маркетинга и взаимодействия с пользователями.

Douyin (TikTok): Эта платформа для коротких видео стала популярной среди молодежи. Бренды используют креативные видеоролики для привлечения внимания и создания эмоциональной связи с аудиторией.

Стоит отметить, что социальные сети в Китае представляют собой мощный инструмент для рекламы и взаимодействия с потребителями. Бренды, которые умеют эффективно использовать эти платформы, создавая креативный контент и устанавливая доверительные отношения с аудиторией, имеют все шансы на успех в конкурентной среде.

Китай является лидером в области технологий, поэтому реклама часто акцентирует внимание на инновационных продуктах и услугах, таких как смартфоны, умные устройства и новые технологии. Умные устройства и новые технологии играют важную роль в рекламе и маркетинге в Китае, значительно изменяя способы взаимодействия брендов с потребителями. Устройства, такие как умные колонки, бытовая техника и носимые гаджеты, становятся платформами для рекламы. Бренды могут использовать эти устройства для предоставления персонализированного контента и взаимодействия с пользователями. Бренды способны создавать виртуальные пространства, где пользователи могут исследовать продукты в 3D-пространстве, что увеличивает рост покупок. С возросшим использованием смартфонов в Китае мобильные приложения становятся основным каналом для рекламы. Бренды разрабатывают приложения, которые не только информируют о продуктах, но и предлагают возможность совершать покупки.

Феномен рекламы раскрывается в распространении, продвижении в массовое сознание потребительского общества, формирует собственные идеалы и нормы, при этом несет не только «привлекательный посыл», но и транслирует особый мировоззренческий контент посредством распространяемых символов и знаков. «Китайская цивилизация наделила символику знаковой функцией и приблизила к собственно художественной образности», — отмечала Т.А. Морозова [2, с. 53].

В рекламных компаниях также следует учитывать и традиционные символы Китая. В китайской культуре определенные символы (например, красный цвет, драконы, лотосы) ассоциируются с удачей, счастьем и процветанием. Рекламные кампании часто используют эти символы для создания позитивного имиджа продукта.

Поэтому в разработке фирмой упаковки продукта следуют непременно включить такие элементы как:

- красный цвет, что считается цветом счастья и удачи, именно он часто используется в праздниках, таких как Китайский Новый год, для отпугивания злых духов и привлечения удачи;
- дракон, который символизирует силу, мощь и удачу, считается благоприятным знаком и часто ассоциируется с императорской властью; использование дракона в рекламе может подчеркивать мощные характеристики продукта или услуги, создавая ассоциации с надежностью и эффективностью. Реклама, в которой присутствует дракон, может вызывать положительные эмоции и ассоциации у потребителей, что способствует повышению интереса к продукту. Дракон часто изображается в движении, что символизирует динамичность и прогресс. Это может быть особенно актуально для брендов, ориентированных на инновации и современные технологии;
- феникс, который символизирует возрождение, гармонию и удачу. Феникс часто используется в паре с драконом, представляя баланс между мужским и женским началом, между Инь и Ян (как динамическое равновесие между противоположными силами). Феникс символизирует возрождение, обновление и новую жизнь. В рекламе это может быть использовано для передачи сообщения о том, что продукт или услуга предлагает новые возможности или помогает преодолеть трудности. Более того, феникс ассоциируется с красотой, элегантностью и грацией. Использование этого символа в рекламе может подчеркнуть эстетические качества продукта, особенно если речь идет о моде, косметике или предметах искусства;
- лотос символизирует чистоту, красоту и духовное просветление, этот символ также ассоциируется с удачей и благополучием. Лотос в китайской рекламе является мощным символом, который олицетворяет множество положительных качеств и значений. Лотос, который растет в грязной воде, символизирует чистоту и невинность. В рекламе это может использоваться для подчеркивания качества и чистоты продуктов, особенно в таких сферах, как косметика, здоровье и пищевая промышленность. Лотос также ассоциируется с возрождением и обновлением, что может быть использовано для передачи сообщений о новых возможностях или изменениях к лучшему. Это особенно актуально для брендов, которые предлагают инновационные или улучшенные продукты. Лотос имеет глубокие корни в китайской культуре и философии, включая буддизм и даосизм. Использование этого символа может помочь брендам установить связь с местной аудиторией и вызвать чувство гордости за культурное

наследие. Бренды могут использовать лотос для подчеркивания натуральности и чистоты своих ингредиентов, а также для создания образа ухоженности и красоты;

- пион, как символ богатства и процветания, олицетворяет богатство, процветание и счастье. Он часто используется в рекламе для передачи чувств богатства и успеха. Недаром он используется на современных металлических монетах Китая, а также является популярным выбором для рекламных кампаний, особенно в контексте товаров и услуг, связанных с роскошью и высоким качеством жизни.
- китайские монеты, особенно те, которые имеют квадратное отверстие в центре, символизируют богатство и процветание, их часто используют в качестве амулетов, или вообще денежные знаки. Монеты традиционно ассоциируются с финансовым благополучием и успехом. Использование образа монет в рекламе может привлекать внимание потребителей, желающих улучшить своё финансовое положение или достичь успеха в бизнесе. Монеты часто используются в контексте традиционных китайских праздников, таких как Китайский Новый год. В это время принято дарить монеты в красных конвертах (hongbao 红包) как символ удачи и благополучия. Бренды могут использовать этот символ в своих рекламных кампаниях, чтобы подчеркнуть связь с культурными традициями, могут быть эффективно использованы в рекламе для передачи сообщений о богатстве, удаче и процветании;
- слон символизирует мудрость и защиту, также ассоциируется с удачей и благополучием. Слоны ассоциируются с физической силой и мощью. В рекламе это может использоваться для подчеркивания надежности и прочности продуктов, особенно в таких категориях, как автомобили, строительные материалы и оборудование. Слоны также символизируют мудрость и долголетие, поэтому использование этого образа в рекламе может передавать сообщения о качестве, надежности и долговечности товаров, что особенно важно для брендов, которые хотят установить доверие с потребителями. К тому же слоны известны своей сильной семейной связью и заботой о потомстве. Это может быть использовано в рекламе, чтобы подчеркнуть важность семейных ценностей и связи, что может быть особенно актуально для товаров и услуг, ориентированных на семью. Бренды, связанные с путешествиями, могут использовать образ слона, чтобы привлечь внимание к экзотическим направлениям и приключениям;
- бамбук символизирует гибкость, стойкость и удачу, он является символом долголетия и процветания. Бамбук известен своей способностью выживать в сложных условиях и быстро восста-

навливаясь после сильных ветров или дождей. Это делает его символом стойкости, гибкости и адаптивности, что может быть использовано для подчеркивания надежности и качества продуктов. Бамбук является прочным и долговечным материалом, что делает его идеальным символом для брендов, которые хотят подчеркнуть качество и долговечность своих товаров, особенно в таких категориях, как мебель, строительные материалы и текстиль. Бамбук имеет уникальную текстуру и визуальную привлекательность, что делает его популярным элементом дизайна в рекламе. Его использование может создать атмосферу спокойствия и гармонии, что особенно актуально для товаров, связанных с отдыхом и комфортом;

- панда, которая является национальным символом Китая и ассоциируется с удачей, счастьем и миром, в рекламе это может быть использовано для передачи сообщения о сотрудничестве, партнерстве или дружеских отношениях между брендом и его клиентами; использование панды в рекламе может помочь бренду связаться с китайской аудиторией и передать уважение к китайской культуре. Панда также символизирует экологичность и охрану природы. В рекламе это может быть использовано для подчеркивания экологической ответственности бренда или его усилий по защите окружающей среды;
- китайская каллиграфия – это символ искусства, культуры и традиции, наверное, один из важнейших культурных символов, который активно используется в рекламных стратегиях. Искусно написанные иероглифы могут захватить внимание и создать запоминающийся визуальный эффект. Использование каллиграфии может подчеркнуть связь бренда с традиционной культурой, что особенно важно для китайской аудитории, ценящей наследие и историю. Более того, некоторые иероглифы имеют глубокие символические значения, которые могут быть использованы для передачи определенных сообщений. Например, иероглифы, означающие «богатство», «счастье» или «долголетие», могут быть интегрированы в рекламные материалы, чтобы вызвать положительные ассоциации. Каллиграфия может использоваться как самостоятельный элемент искусства в рекламе, что привлекает внимание и создает эмоциональную связь с потребителями. Бренды могут сочетать традиционную каллиграфию с современными дизайнами и технологиями, создавая уникальные и запоминающиеся рекламные материалы, которые обращаются как к молодому поколению, так и к более старшему, а значит, способствуют слиянию традиций и современности сегодняшнего дня.

При этом в рекламе важно учитывать и то, какие сим-

волы могут быть восприняты негативно или неуместно в контексте китайской культуры, например, использование символов, связанных с японской оккупацией или другими историческими травмами, может вызвать негативные ассоциации, символы, связанные с буддизмом или даосизмом, к примеру, неправильное использование священных символов может быть воспринято как неуважение к религиозным убеждениям. Некоторые животные, например, крысы, могут ассоциироваться с негативными чертами или бедностью. Особенно негатив вызывают ошибки в написании иероглифов. Неправильное написание или использование иероглифов может вызвать смех или недовольство, так как это может восприниматься как неуважение к языку и культуре.

Из растений стоит отметить лилии и хризантемы. Несмотря на то, что эти цветы могут иметь положительное значение в определенных контекстах, они также могут ассоциироваться с печальными событиями, особенно в контексте похорон.

К главным суевериям китайской культуры стоит отнести цифру 4 (四 *si*), которое считается несчастливой, поскольку его произношение (*si*) похоже на слово «смерть» (*si*). Из-за этого многие люди избегают использования этого числа в адресах, номерах телефонов и других важных аспектах жизни.

Недопустимым является и использование символов, связанных с политическими движениями или партийной символикой: это может вызвать споры и негативные реакции. При разработке рекламных кампаний в Китае брендам следует быть особенно внимательными к использованию символов и образов. Важно проводить исследование и консультироваться с культурными экспертами, чтобы избежать оскорблений и создать положительное впечатление у целевой аудитории.

Таким образом, успешность любого вида рекламной деятельности опирается на ментальные особенности, характерные для китайской культуры. Укорененные в мировоззрении установки и убеждения помогают лучше понять специфику данной культуры. Реклама как часть социокультурного процесса отражает образы и идеи культуры. Грамотная интерпретация символов и образов в контексте данной культуры способствует положительному результату. Создание рекламного произведения, с одной стороны, должно показать привлекательность товара, с другой стороны, пробуждать позитивные эмоции, значимые ассоциации. Авторы статьи подчеркивают, что «коммуникация с китайскими деловыми партнерами может быть ключевым аспектом успешного ведения бизнеса в современном мире, особенно учитывая важность китайского рынка для России» [3, с. 100]. В работе описаны основные тренды и стратегии, которые могут быть успешны в продвижении российских товаров на китайский рынок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. – М.: Гардарики, 2002. – 272 с.
2. Морозова Т.А. Концептуальный статус цвета в китайской языковой картине мира // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск, 2008. – Вып.3. — С. 49-56.
3. Пономаренко О.П., Гарколь Н.С. Особенности межкультурной коммуникации с носителями китайского языка: социально-философский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. серия: Познание. – 2024. – №07. – с. 99-102.

© Гарколь Наталья Станиславовна (n_garkol@mail.ru), Пономаренко Ольга Павловна (o.ponomarenko2018@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВРОЖДЁННОЕ ЗНАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Григоренко Екатерина Владимировна

кандидат философских наук, доцент, Сибирский федеральный университет, (г. Красноярск)
evgphil@mail.ru

INNATE KNOWLEDGE: THE MAIN THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN MODERN PHILOSOPHY

E. Grigorenko

Summary: The article analyzes the issue of innate knowledge in modern philosophy, examines the main theoretical and methodological approaches in the teachings of N. Chomsky, M. Baker, E. Sepir, J. Worf, R. Dawkins, G. Follmer, as well as modern logic and linguistics. The author defends the idea that the concept of innate knowledge in the context of realism is relevant, since it includes a single structure for the formation and use of language, representing its universal character, accessible to any person.

Innate knowledge in the realistic concept is characterized by schemas, general algorithms of cognition, which contributes to the formation of true knowledge and understanding between interlocutors in the process of dialogue. In contrast, in the framework of the anti-realistic approach, the process of understanding knowledge depends on the rules of dialogue that facilitate communication between interlocutors. Thus, knowledge is formed and changes depending on the time and place of the language implementation. This theory is significantly inferior to the first one, since it constantly interprets knowledge at a new stage of its development. Based on this, mistakes and misunderstandings may occur in the process of learning and knowledge transfer between people.

Keywords: innate knowledge, understanding, interpretation, communication, dialogue, theoretical and methodological approaches, realism, anti-realism, universal grammar.

Аннотация: В статье анализируется вопрос о врождённом знании в современной философии, исследуются основные теоретико-методологические подходы в учениях Н. Хомского, М. Бейкера, Э. Сепира, Дж. Уорфа, Р. Докинза, Г. Фоллмера, а также современной логики и лингвистики. Отстаивается идея о том, что концепция о врождённом знании в контексте реализма является актуальной, поскольку включает единую структуру формирования и употребления языка, представляя его универсальный характер, доступный для любого человека.

Врождённое знание в реалистской концепции характеризуется посредством схем, общих алгоритмов познания, это способствует формированию истинного знания и пониманию между собеседниками в процессе диалога. В противовес этому, в рамках антиреалистского подхода процесс понимания знания зависит от правил диалога, способствующих коммуникации между собеседниками. Таким образом, знание формируется и изменяется в зависимости от времени и места реализации языка. Данная теория значительно уступает первой, поскольку постоянно интерпретирует знание на новом этапе своего развития. Исходя из этого, могут возникать ошибки и непонимание в процессе познания и передачи знаний между людьми.

Ключевые слова: врождённое знание, понимание, интерпретация, коммуникация, диалог, теоретико-методологические подходы, реализм, антиреализм, универсальная грамматика.

Введение

Вопрос о врождённом знании связан с развитием человека, его реализацией и пониманием всего происходящего в действительности.

Представители рационализма утверждали: человек не появляется на свет с «чистым» сознанием, так как в дальнейшем он не способен в полной мере познавать и понимать всё происходящее.

Платон – один из первых рационалистов в философии, он характеризует врождённое знание как идеальный образ предмета, общий для всех людей. Согласно концепции мыслителя, именно этот вид знания способствует формированию истинного вывода об объекте каждым из нас и пониманию мыслей другого человека в процессе диалога [9].

Отличительными признаками концепции врождённого знания Г.В. Лейбница являются: врождённые стремления, увлечения, природные знания и общие истины, благодаря которым происходит познание, понимание и осуществление человеком всего происходящего в мире [7].

Представитель структуралистской языковой традиции Ф. де Соссюр выражает врождённое знание посредством наследственных правил языка, они являются готовым продуктом, пассивно регистрируемым говорящим. Язык не предполагает преднамеренности, в нём сознательно проводится классифицирующая деятельность. Речь является индивидуальным актом воли и разума, в нём различаются комбинации [11].

Язык представляет собой социальный аспект речи. Человек не может создать язык, а также изменить его. В

том случае, если человек по определённым причинам не может говорить, то он в любом случае понимает язык, основываясь на слышимые им языковые знаки.

Каждый из нас может самостоятельно изучить язык, основываясь на его общий механизм.

Язык демонстрирует систему знаков, в которой главным является соединение смысла и акустического образа.

Итак, в концепции Ф. де Соссюра язык неизменен из-за своей языковой системы, выражающейся в знаках. Следовательно, понимание людьми друг друга осуществляется с помощью универсальных правил значения, которые имеют природный характер.

Врождённое знание демонстрируется американским философом Н. Хомским в контексте формы языка. Она представлена через постоянные и единообразные схемы, заключённые в работе разума, они взяты во всей полноте взаимосвязей и описаны в рамках определённой программы.

По утверждению мыслителя, языку нельзя научить, его можно только пробудить у человека в его сознании. Врождённое знание характеризуется учёным посредством системы правил, основываясь на которые каждый из нас способен в едином направлении понимать, интерпретировать и реализовывать языковые выражения.

Данный вид знания в современной философии рассматривается представителями генеративной грамматики, когнитивной науки (психологии, лингвистики и психолингвистики), биологии и связан с установлением его общих характеристик, структур и свойств, способствующих пониманию людьми друг друга в процессе коммуникации, а также предотвращению ошибок, неточностей в формировании ими универсальных выводов, представлений о познаваемых объектах.

Основные результаты

Одна из главных работ Н. Хомского, где анализируется вопрос о врождённом знании и его выражении - «Язык и мышление».

Знание языка выражается в системе правил, представляющих реализацию высказывания в действительности, а также в её понимании.

Основой учения мыслителя выступает универсальная грамматика, направленная на объяснение определённых процессов, происходящих в языке. Этим трансформационная грамматика отличается от конкретной.

Глубинная структура – одна из главных характеристик врождённого знания, представленная грамматическими процессами.

В учении трансформационной грамматики существуют правила, связывающие звук и его значение, а также универсальные принципы, определяющие организацию и функцию данных правил.

Единство и общность этого вида грамматики заключается в строгости и ограниченности употребления и интерпретации значений. «... существуют серьёзные ограничения на форму и интерпретацию грамматики на всех уровнях, от глубинных структур синтаксиса, через трансформационный компонент, до правил, интерпретирующих синтаксические структуры семантически и фонетически» [14; с. 83].

Исследуя язык животных, Н. Хомский приводит в пример концепцию этолога У.Г. Торпа, представлявшего идею о том, что характерные свойства человеческого языка могут быть найдены в коммуникативных системах животных. Свойства, подтверждающие универсальность языка, выражаются у животных и человека единством в целенаправленности, синтаксичности и высказывательности.

Н. Хомский, анализируя концепцию В. фон Гумбольдта, говорит о том, что язык представляет собой порождающую систему, где законы порождения фиксированы и инвариантны, но сфера и специфический способ их применения остаётся совершенно неограниченным. Данной чертой мыслитель подтверждает всеобщность языка, который основывается на строгости и отсутствии множественности формирования языковых выражений.

Языки мало различаются между собой, это выражается в их глубоких структурах, фундаментальных механизмах и принципах.

Согласно Н. Хомскому, концепция Гумбольдта отличается своей универсальностью. Эта главная особенность языка реализуется посредством того, что его основой выступает система, выражающая общезначимые интеллектуальные свойства человека. Языком не овладевают, ему не обучают, он развивается изнутри и основывается на определённом окружении. Первому языку обучить невозможно, а можно только дать ему возможность развиваться, опираясь на процессы, которые тождественны созреванию, а не обучению.

Стимуляция предоставляет уму человека условия для применения определённых врождённых интерпретирующих принципов, конкретных понятий, происходящих от способности к пониманию и мышлению, а не от внешних объектов.

Знание языка выражается в заранее сформированной установке, характеризующейся посредством строгого ограничения в рамках грамматики. Это ограничение является предварительным условием, главной причиной в стремлении к формированию направления

и результатов овладения человеком языком.

Таким образом, генеративная грамматика основывается на определённых правилах усвоения, интерпретации, понимания и реализации языка. Эти правила являются врождёнными и проявляются в конкретной среде. Данная теория представляет объяснение вопроса о понимании людьми друг друга, которое основано на общности истолкования и реализации языковых выражений каждым из нас.

Специфику врождённого знания через исследование грамматики языков и имеющихся различиях между ними демонстрирует американский лингвист М. Бейкер в работе «Атомы языка: Грамматика в тёмном поле сознания».

Врождённое знание выражается в схемах распознавания звуков и структур, которые учёные-лингвисты называют врождённым интеллектуальным преимуществом, а именно, «универсальной грамматикой».

Анализируя специфику языка, исследователь использует такие параметры как «атомы языка». Существуют общие параметры, согласно которым любой человек может выучить и понять любой язык. Эти параметры характеризуются посредством комбинаций конечного числа базовых параметров, основываясь на которые человек может подходить к освоению языка с предварительным знанием данных параметров и со способностью определять механизм их взаимодействия.

М. Бейкер, рассматривая порядок слов в предложении, говорит о том, что в различных языках он может быть разным, но геометрия предложения является одинаковой. Этот тезис подтверждает универсальность параметров, в рамках которых развивается и реализуется каждый конкретный язык.

Во всех языках действуют абсолютно одинаковые правила. С этой позиции языки различаются между собой приоритетами, выражающие универсальный набор правил.

Параметры в концепции мыслителя – это отдельные элементы знания, на основе которых развиваются стремления и возможности человека. «Атомы – это маленькие частицы вещества, в то время как параметры – это части некой структуры знания, из которой формируются наши языковые способности. Они подобны пунктам рецепта или блокам кода в нашей внутренней программе языка» [3; с. 158].

М. Бейкер отмечает два аспекта во внутренней структуре языка: словарь, характеризующийся совокупностью слов, и грамматику, направленную на метод соединения слов в словосочетания, фразы и предложения.

Параметры отражают естественные закономерности деятельности мозга, заложенные в каждом из нас от

рождения, они не являются результатом общественной деятельности, осуществляющейся на сознательном или бессознательном уровне.

Благодаря чёткости и универсальности структуры предложений, можно говорить о схожести грамматик языков между собой.

Философ отмечает один из главных аспектов параметра языка – способность, выражающуюся во врождённом, априорном знании.

Из этого следует: гипотеза М. Бейкера о наличии в сознании человека врождённого знания доказывается им с помощью теории параметров, выражающих единый алгоритм восприятия, понимания и реализации значения языка, который является универсальным для всех. Благодаря общим структурам языка, мы понимаем друг друга и способны к диалогу.

Представители социолингвистики, основоположники теории лингвистической относительности – Б. Уорф и Э. Сепир, анализируя язык, также представляют идеи врождённого знания.

Б. Уорф рассматривает специфику грамматики посредством исследования особенностей интерпретации языка [12].

По утверждению философа, грамматика направлена на становление мысли, она демонстрирует программу по руководству деятельности человека, средства анализа его впечатлений и их синтеза. Формирование мыслей являет собой выражение значения с помощью определённого вида грамматики конкретного языка. Мы связаны с конкретными способами интерпретации даже в том случае, когда считаем себя более свободными людьми.

Определение явления, вещи, предмета, отношения не представляется возможным, так как оно основывается на обращении к грамматическим категориям конкретного языка.

Б. Уорф является ярким представителем идеи языковой изменчивости, выраженной посредством стремления к идее, сформированной в каждой конкретной системе. Преобразовывается система, её правила, и в связи с этим в полной мере изменяется значение языка. Но, врождённые механизмы восприятия, обработки и понимания знания автор отмечает, как фундаментальные черты для осмысления человеком конкретных языковых выражений.

Толкование врождённого знания представлено в исследованиях американского лингвиста Э. Сепира. Работы этого учёного посвящены анализу взаимосвязи языка и культуры.

Мыслитель подчёркивает систематизированность и всеобщность языка, полагая, что он представляет собой оформленную функциональную систему в физической или духовной конституции человека.

Главной особенностью в исследовании языка, по утверждению Э. Сепира, является то, что он есть некая структура, а по своей природе он является формой мысли.

Реалистской идеей в понимании специфики языка является то, что он универсален. Язык – это древнее достояние народа. Он возник гораздо раньше, чем появилась материальная культура. «Я склонен полагать, что возникновение языка предшествовало даже самому развитию материальной культуры и что само развитие культуры не могло, строго говоря, иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения» [10; с. 42]. Язык формирует культуру, так как он является основой для реализации значения. Таким образом, язык (общая мысль) в полной мере предшествует материальному миру и формирует его.

У каждого языка есть своя внутренняя фонетическая система, отвечающая определённой модели. Язык predisposed к выражению определённого моделирования в области грамматического формообразования.

Исследуя язык, философ представляет классификацию значений: основные (конкретные) значения; дери-вационные; конкретно – реляционные; чисто – реляционные. Эти виды значений выражают общую основу, направленную на формирование, реализацию и понимание значений слов, предложений каждым из нас. Тем самым, мыслитель демонстрирует реалистский подход к пониманию и употреблению языка.

Значимой особенностью в понимании сущности языка является представление автором его как символического выражения интуиции человека, в котором действующие правила для развития языка им не осознаются.

Внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Внешняя сторона языков бесконечно разнообразна, морфология языка выражает коллективное искусство мышления, свойственное всем людям.

Язык имеет массовость и всеохватность, он постоянно изменяется, представляя работу многих поколений людей.

Исследуя взаимосвязь языка и культуры, философ говорит об отсутствии корреляции между социальной средой и фонетической системой языка. Она развивается механически, вне связи с сознательными действиями людей. Морфологическая система связана с набором по-

нятий, она выражает ментальную основу жизнедеятельности конкретной группы людей.

Ни язык, ни культура не являются прямым отражением групповой психологии и физических условий; их существование зависит от силы традиций.

Э. Сепир использует антиреалистский подход к пониманию специфики языка, который выражается посредством постоянного изменения языкового выражения и его совершенствования.

На основе анализа концепции языка Э. Сепира, необходимо сделать вывод: язык в полной мере влияет на изменения, происходящие в культуре. Данный аспект выражается в представлении носителем языка разных его основ – грамматики, фонетики, морфологии, которые способствуют созданию языкового фундамента, направленного на интерпретацию и понимание материального мира, а также формированию культуры определённого народа.

В учении этого исследователя врождённым является языковая система, представляющая алгоритм значений и их интерпретаций, являющаяся универсальным ориентиром для развития культуры и общества.

Идею о врождённости знания с позиции исследования генетической информации, представляет биолог Р. Докинз в книге «Эгоистичный ген» [5].

Основная мысль учёного состоит в том, что развитие генов происходит в результате естественного отбора.

Исследуя влияние гена на нервную систему, учёный подчёркивает: данное влияние существует не в полной мере и никогда не является прямым.

Р. Докинз уверен в том, что его концепция эгоистичного гена – расширенного фенотипа применима ко всем живым существам в любом уголке мира. Основной единицей жизни и главным двигателем является репликатор. Репликатором может выступать любой объект в материальной действительности, он самокопируется. Репликации появляются, в основном, в результате беспорядочного столкновения многих частиц. Репликатор способен генерировать множество своих копий. Популяции репликаторов представляют варианты, которые отличаются друг от друга. Некоторые варианты не могут реплицироваться в определённый момент времени, и они со временем исчезают. Другие репликаторы могут реплицироваться, но способны это делать не так эффективно, как ранее. Некоторые репликаторы наиболее успешны, чем их предшественники и современники. Исходя из этого, их потомки могут занимать в популяции главное положение. Впоследствии в материальной дей-

ствительности появляются наиболее успешные, эффективные и изобретательные репликаторы.

Востребованность репликатора зависит от конкретных условий. Главными условиями могут выступать существующие репликаторы и их влияние на окружающую действительность.

Особенностью сегодняшнего дня выступает разбросанность разных индивидуальных репликаторов. Главным выходом из этой непростой ситуации является формирование и совершенствование бессмертного репликатора.

На основе вышеизложенного, необходимо заключить: ключевой особенностью репликатора является его способность к развитию, копированию и совершенствованию. Необходим главный репликатор, характеризующийся отмеченными способностями и стремлениями. Следовательно, проводя параллель существования репликатора с теорией врождённого знания, важно сказать о том, что репликатором, как и знанием, передающимся генетическим образом, является система знаний, стремлений, направленная на осмысление и реализацию человека. Без врождённого знания и главного репликатора невозможно развитие человека и понимание им всего существующего в процессе познания.

Современный немецкий философ и физик – Г. Фоллмер в своём исследовании «Эволюционная теория познания» анализирует врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки.

Учёный представляет врождённое знание посредством наследственных факторов. Они выражаются с помощью языковых затруднений, либо стремлений. «Многие языковые затруднения обычно выступают группами, например, дизлексия (затруднения при обучении чтению), заикание, глухота к словам» [13].

Языковые способности частично генетически обусловлены.

Врождённость способностей Г. Фоллмер доказывает тем, что приёмные дети имеют меньше сходства с родителями, чем их собственные. Внебрачные дети, воспитанные в детских домах, похожи на своих настоящих отцов, с которыми они никогда в своей жизни не встречались. При этом наследственность только задаёт конкретные рамки, их дальнейшее развитие определено внешней ситуацией.

В подтверждении актуальности концепции врождённого знания выступает лингвист Л.С. Абросимова в статье «Ещё раз о врождённости языковых способностей

(словообразовательный аспект)», в которой она говорит об априорных когнитивных структурах.

Исследовательница отмечает изменения в генеративной грамматике, заключающиеся в возможности детей осваивать и понимать язык. «Теория генеративистов сама по себе претерпевает значительные изменения, подчёркивая теперь не врождённость грамматики, а врождённость способности ребёнка к освоению языка» [1; с. 115].

Также в статье подчёркивается важность природных способностей в понимании человеком языка. «... нельзя отрицать наличия врождённых способностей к освоению языка, а также роли филогенетических приобретений в онтогенетическом становлении языковой личности, которые реализуются в активном освоении структур в общении и совместной деятельности с окружающей средой» [1; с. 117].

Ещё одна из представительниц современной теории врождённого знания – Н.И. Береснева характеризует его как языковую систему, имеющую природный характер. «... человек может осуществлять свою деятельность, в том числе и языковую, только на основе сложнейшей физиологической, нервной организации. Вероятно, именно этот момент, эту проблему интуитивно схватывают концепции, вводящие в понятие «врождённых идей» – Платона и Декарта, Лейбница, Канта, Хомского. Мозг человека – наиболее сложный, совершенный из известных биологический объект, «подготовлен» к осуществлению социальных функций» [4].

Анализируя подходы современных авторов, необходимо сказать о том, что врождённое знание является главным ориентиром в познании и реализации человеком знания, оно характеризуется способностями познавать, интуитивно опредмечивая и реализуя в едином направлении слова, фразы и предложения. Данная особенность подтверждает наличие природных стремлений, навыков и знаний у каждого из нас, что способствует более эффективному пониманию многих изменений, происходящих с человеком в познавательном процессе.

Выводы

Современная грамматика, философия языка, лингвистика, биология, представленная учениями Н. Хомского, М. Бейкера, Б. Уорфа, Э. Сепира, Р. Докинза, Г. Фоллмера, Л.С. Абросимовой, Н.И. Бересневой, В.А. Ладова подтверждает тезис о существовании врождённого знания, который представлен единой системой интерпретации, понимания, реализации человеком природного знания, а также наличием наследственных способностей.

В рамках учения Н. Хомского только генеративная

грамматика является доказательством этого вида знания, показанного посредством общих правил понимания и реализации языка.

Единая схема понимания и употребления языковых выражений исследована М. Бейкером и разработана им как учение о параметрах – правилах понимания языка.

Природные структуры, направленные на единое восприятие и понимание человеком идей, подтверждающие существование врождённого знания в концепции Б. Уорфа.

Э. Сепир выражает природное знание с помощью общих значений языка, который является основой для формирования материальных ценностей.

Р. Докинз подтверждает идею об универсальном природном знании в контексте учения о репликаторе. Именно бессмертный универсальный репликатор способствует всеобщему пониманию и реализации знаний любым человеком.

Наследственные признаки, характеризующие природные стремления и возможности, продемонстрированы современным биологом Г. Фоллмером как яркий пример объяснения возможностей, способностей, единства понимания и выражения идей каждым из нас.

Л.С. Абросимова в полной мере связывает врождённое знание с природными способностями к познанию – стремлению человека запоминать, переосмысливать и передавать знание.

Н.И. Береснева интерпретирует врождённое знание с помощью возможностей любого человека к восприятию и обмену информацией. Эти процессы имеют наследственный характер, без них невозможен познавательный процесс.

Существование врождённого знания в полной мере поддерживается в современной когнитивной философии, психологии и философии науки, философии языка, современной лингвистике, так как представляет общие схемы и универсальные понятия, посредством которых осуществляется процесс познания и понимания людьми друг друга.

Данные характеристики выступают ориентиром для развития знания и его единого понимания. Различные

расхождения в значении приводят человека к путанице в интерпретации и реализации языка. Исходя из этого, универсальность осуществляется посредством единых структур познания, стремления, интерпретации и понимания языка каждым из нас.

Антиреалистская концепция познания акцентирует внимание на свободной интерпретации и реализации знаний человеком, при этом отмечая, что этот процесс осуществляется, опираясь на то, что происходит в материальном мире, а также в процессе коммуникации. Таким образом, врождённое знание не принимается представителями данного направления, поскольку получение информации основано на одномоментном исследовании объекта и формулировании выводов о нём.

Практичность реалистского подхода к пониманию значения доказывается посредством нового понимания врождённого знания, включающего глубинные структуры языка, характеризующиеся едиными правилами его понимания и реализации. Помимо этих черт, природное знание в современной науке выражено с помощью врождённых способностей освоения языковой системы, а также природными стремлениями и знаниями, направленными на работу с ней: возможностью в едином направлении понимать и интерпретировать структуру предложения, слова, звуковую структуру и её словарный запас.

О несостоятельности, непрактичности применения антиреалистской концепции значения говорит В.А. Ладов в своей монографии «Формальный реализм», анализируя философскую систему Л. Витгенштейна. Исследователь отмечает её противоречивость и отсутствие критериев в оценке и понимании выводов. «... антиреалистская программа позднего Л. Витгенштейна не только логически противоречива в своих следствиях, но и попросту эпистемологически нереализуема. Непонятно, как на основании условий утверждаемости – неважно, в коммуникативной или же в индивидуалистической трактовке этого термина – можно сформировать значение языкового выражения» [6: с. 106-107].

На основе всего вышеизложенного, необходимо сказать о том, что реалистская концепция врождённого знания логична и практически применима, поскольку объясняет алгоритм формирования значения, особенности его понимания и употребления, что неприемлемо в противоположном подходе, так как весь процесс познания основан на принципах утверждаемости и убеждаемости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова, Л.С. «Ещё раз о врождённости языковых способностей (словообразовательный аспект)» // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2012. - № 1 (030). - С. 112-117.

2. Бейкер, Г.П., П.М.С. Хакер Скептицизм, правила и язык / пер. и послесл. В.А. Суровцева и В.А. Ладова. — М.: Канон+, 2008, 240 с.
3. Бейкер, М. Атомы языка Атомы языка: Грамматика в тёмном поле сознания. Пер. с англ. / Под ред. О.В. Митрениной, О.А. Митрофановой. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 272.
4. Береснева, Л.И. Концепция врождённых языковых способностей в контексте идей современной научной философии // Филологические заметки (Россия, Македония, Словения, Хорватия) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Т.1 // cyberleninka.ru
5. Докинз, Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ: CORPUS, 2013, 509 [1] с.
6. Ладов, В.А. Формальный реализм / В.А. Ладов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. — 132 с.
7. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т. / Г.В. Лейбниц; ред., вступ. ст. и прим. И.С. Нарского. — М.: Мысль, 1983. — Т. 2. — 686 с.
8. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т. / Г.В. Лейбниц; ред. и сост., вступ. ст. и прим. Г.Г. Майорова и Л.Л. Субботина; пер. Я.М. Боровского [и др.]. — М.: Мысль, 1984. — Т. 3. — 734 с.
9. Платон. Тетет / пер. с греч. и прим. В. Сережникова. — Москва, Ленинград: Соцэкгиз, 1936. — 191 с. // <https://bookshake.net/r/teetet-platon?page=24>
10. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. — 656 с.
11. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики // ред. Ш. Бали и А. Сеше; пер. с фр. А. Сухотина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. — 432 с.
12. Уорф, Б. Наука и языкознание: о двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и том, как слова и обычаи влияют на мышление // www.gumer.info
13. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания. М., 1998, 254 с. // klex.ru
14. Хомский, Н. Язык и мышление. М.: Изд. МГУ, 1972, 123 с.

© Григоренко Екатерина Владимировна (evgphil@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕНОМЕНА МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Кучин Александр Васильевич

Соискатель, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
kuchinalexandr21@gmail.com

RISKS AND PROSPECTS OF THE PHENOMENON OF INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL POLITICAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF MODERN PHILOSOPHY

A. Kuchin

Summary: The article presents the problem of understanding modern society in the light of the influence of Non-governmental organizations (hereinafter referred to as NGO) on it. The conditions of the emergence of the phenomenon of modernity in the period of Modern times are investigated. The features of the phenomenon of modernity, in terms of relation to time, the transfer of axiological aspiration from the eternal to the present, are also considered. In addition, the paper examines the historical background and circumstances of the emergence of NGO, their development and evolution. An attempt is made to substantiate the NGO as a phenomenon of modernity. The possible social risks posed by the activities of the NGO are considered, primarily in matters of subjectivity, and the requirements for eliminating these risks are substantiated. The purpose of the research underlying the article is to establish the following interrelationships: between the modernization of society and the increase in NGO in it, between the increase in NGO within society and its modernization, between the modernization of NGO and the radicalization of oppositions «subjectivity – abstraction». The author examines the historical, social and political reasons for the emergence of the MNPO, analyzes them as possible in the conditions of the «modern era» and explores the relationship between NGO and subjectivity. The article concludes that the modernization of society and the increase in the number of NGO in it, the number of NGO S and the degree of modernization of society, as well as the radicalization of the «subjectivity – abstraction» oppositions, are interrelated.

Keywords: the era of modernity, NGO, abstraction, subjectivity, a world without a subject.

Аннотация: В статье поставлена проблема осмысления современного общества в свете влияния на него Международных неправительственных организаций (далее — МНПО). Исследованы условия возникновения феномена современности в период Нового времени. Также рассмотрены особенности феномена современности, в части отношение ко времени, переноса аксиологического устремления из вечного в настоящее. Кроме того, в работе рассматриваются исторические предпосылки и обстоятельства возникновения МНПО, их развитие и эволюционирование. Делается попытка обоснования МНПО как феномена современности. Рассматриваются возможные социальные риски, несомые деятельностью МНПО, прежде всего в вопросах субъектности, и обосновываются требования устранения данных рисков. Целью исследования, лежащего в основе статьи, является установление следующих взаимосвязей: между модернизацией общества и увеличения в нем МНПО, между увеличением МНПО внутри общества и его модернизацией, между модернизацией МНПО и радикализацией оппозиций «субъектность – абстракция». Автор рассматривает исторические, социальные и политические основания возникновения МНПО, анализирует их как возможные в условиях «эпохи современности» и исследует связь между МНПО и субъектностью. В статье делаются выводы о том, что модернизация общества и увеличение в нем числа МНПО, количество МНПО и степень модернизации общества, а также радикализация оппозиций «субъектность – абстракция», находятся во взаимосвязи.

Ключевые слова: эпоха современности, МНПО, абстракция, субъектность, мир без субъекта.

Чтобы рассмотреть степень изученности влияния МНПО на современное общество с позиции социально-философской проблематизации, необходимо рассмотреть изученность феномена современности как такового в общем и его социальных особенностей, в частности.

Сам термин «эпоха современности» впервые был употреблен Г.В.Ф. Гегелем [1, с. 7], что выразило его отношение ко времени, в котором он жил, как к некой

новой эпохе. Именно Гегель представляет возможным очертить нижнюю границу эпохи современности. Его современники и поздние последователи И. Фихте, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и многие другие также понимали свое время как эпоху современности.

Отдельно необходимо отметить два противоположных отношения к социальной современности, которые условно можно назвать вольтерианским и шпенглериян-

ским. По вольтеррианской концепции, история разворачивается в одном направлении, независимо от современников, это принципиально «календарно-историческое» время, где современность становится всеобщей, глобальной.

При шпенглеровском отношении необходимо учитывать степень «цивилизационно-культурного» состояния развития общества, когда в одном временном периоде могут существовать общества различной степени современности.

Оба эти подхода одинаково заслуживают философского анализа, при этом социальная реальность демонстрирует, что идея «эпохи современности» возникла и получила наибольшее раскрытие на Западе, при этом западная цивилизация глобализирует современность. Таким образом, социальная реальность выявляет практический синтез этих подходов, а сама современность, прежде всего, есть социальный феномен.

Ю. Хабермас, рассматривая современность через призму социальности, отметил «всегда не завершённый» характер современности [2, с. 12 - 13.], Э. Хобсбаум исследовал современное общество, понимая саму современность как исключительно однородный феномен [3, с. 215].

Так, Ю. Хабермас отмечает, что в Новом времени субъект меняет свое отношение ко времени, перенося прежде всего аксиологические устремления из вечности в настоящее. Настоящее ставит вопрос необходимости преобразования, а время воспринимается не как ресурс для утверждения в вечной жизни, а как ресурс для преобразования наступающего, к моменту, когда оно станет настоящим. Вопрос такого преобразования становится в том числе и темой прогресса. Вместе с тем и наступающее воспринимается как объект, подлежащий изменению. Именно утверждение в настоящем дает основание современности формировать себя из актуальности, тем самым разрывая аксиологические связи с предшествующим. Радикально утверждаясь в настоящем, современность отрицает трансцендентное к себе, выявляя необходимость постоянного изменения самой себя, в том числе и в общественных отношениях. Разрывая аксиологические связи с предшествующим, современность становится «метапроектом для себя», где рациональность, занимая место близкое к сакральному, обеспечивает упорядочивание настоящего и преобразование наступающего, при этом рациональное становится имманентным к современности.

Преобразование настоящего как проблема и наступающего как необходимость для последующего преобразования проблемных мест наступившего (закон отрицания отрицания), выявляет постоянное дробление современности, конфликты внутри современности, од-

новременные требования все большей модернизации и «гибель утопий» [4, с. 100 – 101]. Постоянное дробление современности усиливает радикализацию автономности индивида [5, с. 24 – 25]. Крушение метанарративов экзистенциально выявляет заброшенность, а расщепление объективных продуктов современности путем их непрерывного преобразования вскрывает для индивида названное М. Хайдеггером «Ничто» [6, с. 27]. Индивид понимается как абсолютная форма [1, с. 12], одновременно происходит дробление любой субъектности: государственной, общественной, индивидуальной с дальнейшим восприятием их частей как новых субъектов.

Кроме того, расщепление социального бытия производит новый феномен – «абстракцию» [7, с. 128- 133], за которой нет социальных связей, нет социального, шире – нет ничего. Это топос, куда субъект, преобразующий современность «никогда не дотягивается». Если в традиционном обществе идеальная вечная жизнь очевидно осмысливается, как бытие вне абстракции, где субъект действует во времени в соответствии с идеей, чтобы избежать абстракции. Модерн же, объективно утверждаясь в современности, отказывается от идеи преодоления абстракции, неизбежно в своем утверждении с абстракцией сталкивается. Таким образом, феномен абстракции можно описать как вызывающий экзистенциальные переживания, близкие к Хайдеггеровскому «Ужасу» и, как следствие, «Проглядыванию Ничто», через абстракцию. При этом, субъектность, утверждаясь в современности, отодвигает абстракцию, но там, где субъектность исчерпывается, за ней наступает абстракция. Таким образом, абстракция – противоположна субъектности. Субъект современной социальности, будучи утвержденным в самостоятельности, одновременно не может принять решение в той степени, в которой сталкивается с абстракцией. Так, до конца индивид не знает, как ответит объективная реальность, государство не уверено в реакции объективных институтов, общество не знает, какова будет собственная объективная реакция. В этом смысле, возникшая оппозиция между субъективацией и абстракцией не имеет синтеза. Негативная диалектика Т. Адорно, проводя выравнивание оппозиций, ведет к тому, что субъект начинает искать «основание», в связи с чем, хоть он и приобретает «устойчивость», но отступает перед абстракцией.

Таким образом, проблематизация перспективы модерна лежит в плоскости утраты субъектности. «Мир без субъекта» – достаточно молодое направление философского исследования, которое нашло отражение в школах объектно-ориентированной онтологии [8, с. 75- 90], акторно-сетевой теории [9, с. 113- 143], темного витализма [10, с. 21- 23] и темной экологии [11, с. 140- 141].

Само утверждение субъекта в настоящем есть вопрос современности. Раздробление субъектности госу-

дарства, в процессе которого, в частности, образуются МНПО как субъекты международного права и отношений и утверждение МНПО в качестве таких субъектов всегда направлено на утверждение субъектности МНПО в современности. Феномен межгосударственных институтов, не зависящих от правительств и правителей, известен с эпохи античности (институты эллинизма на обломках империи Александра), в Средние века это Церковь. При этом, в Средние века сложился опыт отношения как между одним межгосударственным институтом и рядом государств – Католическая Церковь и королевства Западной Европы, так и несколькими межгосударственными институтами, центры которых находились на территории одного государства – Православные Патриархии и Византия. При этом, за Католической Церковью была признана международная субъектность, так межгосударственный институт, впервые получил такой статус. Однако очевидно, что основанием такого признания, было утверждение Церковью себя в вечности, противоположное современности.

В эпоху Возрождения межгосударственными институтами становятся школы искусства и гуманизма. В Просвещении уже институты, основанные на ценностях Познания и Рациональности, становятся межгосударственными. Но именно в эпоху современности произошло одновременное утверждение субъектности МНПО в настоящем и признание за МНПО международной субъектности.

Так, МНПО, становясь феноменом современности, при этом опираясь на конструктивистский подход в международных отношениях [12, с. 391- 425], начинает само воспроизводить современность внутри обществ, в которых пребывает.

В данном случае возникает необходимость рассмотрения процесса конструирования современности МНПО более подробно. Основными элементами, конструирующими «реальность при помощи идеологии» [12, с. 340] становится политика, экономика и право. Оценка правового статуса МНПО в отечественной науке представлена работами С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриева, С.В. Чиркина, В.С. Хижняка, В.В. Овсепяна и других авторов.

Политическим аспектам в деятельности МНПО, посвящены исследования И. Керхера, О. Попова, А. Погорельского, А. Наумова, С. Ляпичев, М. Макфол, А. Шлихтер.

Экономическое влияние МНПО необходимо отметить, как принципиально опосредованное. Поскольку из самого названия следует, что деятельность организаций не связана с коммерцией. Однако МНПО сохраняют рычаги экономического влияния путем создания повестки в отношении той или иной экономической деятельности как от позитивной (Международный Комитет Красного Креста

требует нарастить производство вакцины для устранения вопиющего неравенства), так и негативной (эко-активисты блокируют производство). При этом больший эффект достигается не разовыми акциями, а долгосрочной политикой с использованием международных, административно-правовых и социальных каналов в отношении экономического влияния, то есть теми методами, которые М. Фуко, называл «Governmentality» [13, с. 93]. Так сферой интересов МНПО, является вопрос «позитивных свобод». В части экономики это относится к проблеме распределения ресурсов, что позволяет рассматривать ряд МНПО как элементы политэкономии [14, с. 241].

Таким образом, МНПО имеют возможность конструировать международные отношения [12, с. 78]. Обретая международную субъектность, МНПО становится элементом «мирового порядка». Кроме политологического определения «мирового порядка», необходимо рассматривать его как «порядок» в международных отношениях, в понимании современности. Так, оппозиции субъектности и абстракции, порождают неотделимую проблему «порядка и хаоса», которые по Б.Г. Капустину, снимаются различными «не материальными, духовными средствами» [15, с. 65], в которых утверждается порядок. Утверждение порядка, очевидно, можно отнести к утверждению субъектности, а «духовными средствами» применительно к МНПО, может выступать конструируемая идеологическая проблематика [12, с. 110]. Таким образом, фокус конструкции смещается на идеологическую проблематику (выражаемую в социальных нарративах), а направление идеологической конструкции заключается в повестке (как дискурсе).

Вследствие чего прослеживается «слабое место» МНПО. Актор, способный сформировать наиболее современную повестку, решающую проблему абстракции, становится либо «союзником» МНПО, либо перехватывает у них повестку. Данное обстоятельство показывает, что критика любой субъектности (прежде всего чужой) при «растворении и плазмировании» собственной является лишь инструментом сохранения субъектности. Выявляя проблему утверждения субъектности в той степени, когда другая субъектность становится абстракцией. Это позволяет рассматривать проблемы субъектности, связанные с поздней современностью [16, с. 184- 191] из другого ракурса. Прежде всего на примере политики ряда международных акторов, активно стремящихся к наделению МНПО статусом полноправных участников международных отношений. Так, радикализация оппозиций «современность — абстракция» делает МНПО инструментами, эффективность которых зависит от современности повестки данных МНПО.

Таким образом, возможно сделать вывод, что между модернизацией общества и увеличения в нем МНПО, между увеличением МНПО внутри общества и его мо-

дернизацией, между модернизацией МНПО и радикализаций оппозиций «субъектность – абстракция», имеется прямая взаимосвязь.

При этом необходимо отметить, что проблема перехода к Новому времени не была искусственной. Известно множество примеров, когда Средневековье, декларируя стремление к вечности, утверждалось во временном не менее, чем Новое время. Эту проблему рассматривали как философы эпохи Возрождения [17, с. 199], так и впоследствии А. Шопенгауэр.

Значительное место проблема соотношения вре-

менного и вечного заняла в русской религиозной философии (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, С.Н. Булгаков). Их мировоззрение также может быть применимо в вопросах разрешения рисков, несомых МНПО для современного общества. Поскольку ряд МНПО несут безусловную пользу человечеству, необходимо исследовать, возможна ли безопасная деятельность МНПО. Но если вопрос субъектности становится вопросом жизни, необходимо рассмотреть наиболее верное решение этого вопроса, ведь как писал Кант, «Любовь к жизни – есть любовь к правде» [19, с. 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В. Ф. Соч.: в 14 т. Т. 4: Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1959. 488 с.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.
3. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991) Москва: Прогресс-Академия, 2020. 688 с.
4. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 1998. 308 с.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Пер. с нем. В.В. Библихина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
7. Бергер П. Понимание современности: К критике современности // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 128 – 141.
8. Харман, Грэм. О замещающей причинности / пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 75 – 90.
9. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. с. 113 - 143.
10. Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь.: Гиле Пресс 2016, 124 с.
11. Morton T. Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007. P. 149.
12. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. Cambridge: International Organization. № 46. 1992. 561 p.
13. Foucault M. The government of self and others. Palgrave Macmillan: New York City St. Martin's Press 2010. 210 p.
14. Robert G. Gilpin Global Political Economy. Princeton University Press, 2011 г. 440 p.
15. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 1998. 308 с.
16. Делез Жиль, Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. [пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского] Учреждение Российской акад. наук Ин-т философия. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 892 с.
17. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо; предисл. А. Дэвидсона; [пер. с фр. при участии В.А. Воробьева]. Москва: Степной ветер; Санкт-Петербург: Коло, 2005. 444 с.
18. Кант И. Религия в пределах только разума; перевод с нем. Н.М. Соколова. Изд. 2-е. М.: 2011. 231 с.

© Кучин Александр Васильевич (kuchinalalexandr21@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ИДЕЙНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

THE PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE IN THE IDEOLOGICAL VIEWS OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

V. Skopa
T. Gubanova

Summary: The subject of the study is the problem of the meaning of life in Russian philosophy of the late 19th — early 20th centuries. The desire for freedom in choosing a life path, and the assertion of the right to search for one's own meaning of life, self-realization in creativity and good deeds — these ideas of Russian philosophers turned out to be the closest today. Each person, in one way or another, determines his or her attitude to the question of the search for and presence of the meaning of life. Everyone, to one degree or another, seeks the meaning of the beautiful, vital, eternal, accessible to all. The meaning of life is a purely personal problem that is unlawfully interpreted in a social context. Each person is free to choose, generate his or her own unique life project. The meaning of life as a spiritual and moral problem involves an analysis of the deepest demands of the human soul, clarification of the ultimate structures of human consciousness, the relationship of natural, psychological and moral qualities of the individual.

Keywords: history of philosophy, meaning of life, Russian religious thought, man, society.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Губанова Татьяна Ивановна

Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: Предметом исследования являются проблема смысла жизни в русской философии конца XIX — начала XX веков. Стремление к свободе в выборе жизненного пути, и утверждение права на поиски собственного смысла жизни, самореализация в творчестве и добрых делах — эти идеи русских философов, которые оказались наиболее близки ныне. Каждый человек так или иначе определяет свое отношение к вопросу о поиске и наличии смысла жизни. Каждый в той или иной мере ищет смысл прекрасного, жизненного, вечного, всем доступного. Смысл жизни — это сугубо личная проблема, которую неправомерно интерпретировать в социальном контексте. Каждый человек волен избирать, генерировать свой собственный уникальный жизненный проект. Смысл жизни как духовно-нравственная проблема предполагает анализ глубинных запросов человеческой души, выяснение предельных структур человеческого сознания, соотношения природных, психологических и нравственных качеств личности.

Ключевые слова: история философии, смысл жизни, русская религиозная мысль, человек, общество.

Люди всех эпох и слоёв общества пытались понять, в чём заключается смысл жизни. От философов древности до тех, кто размышляет в наши дни, эта тема неизменно оставалась в центре внимания философии. В определённые моменты исторического пути, особенно во времена серьёзных кризисов, как внутри государств, так и в глобальном масштабе, поиски ответа на этот вопрос становились для философов особым приоритетом. Для России — это период конца XIX — начало XX века. В философских трудах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, В.В. Розанова, В.С. Соловьёва, Л.Н. Толстого, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка эта проблема была представлена как одна из главных проблем философии [1, 2 5, 8, 9, 14].

Потребность в оправдании собственного бытия и даже сущего как такового в целом специфична для человека и позволяет определить его как «метафизическое животное» (А. Шопенгауэр), «фантастическое животное» (Ф. Ницше). Поскольку конкретная человеческая жизнь всегда есть жизнь общественная, то важнейшие аспекты

проблемы смысла жизни выражаются в вопросах о цели существования социума, о его месте в жизни человека и мира. При отсутствии интегрирующего ценностно-смыслового начала, телеологически определяющего развитие общественного организма, нормальная жизнедеятельность последнего становится невозможной [4].

Сомнения в осмысленности существования имеют давнее происхождение. Не случайно за смысловыми вопросами закрепились эпитеты «вечный», «проклятый», «последний». Он принадлежит к разряду фундаментальных религиозно-философских проблем и неоднократно выступал духовным лейтмотивом бурных социокультурных преобразований. Но, пожалуй, никогда ранее этот вопрос не стоял перед каждым мыслящим индивидом и обществом в целом так остро и не вызывал к себе столь неоднозначное отношение, как сегодня. С одной стороны, в условиях подчинения социума принципу «формальной рациональности» с ее темной подосновой — безумной иррациональностью размышления

о смысле жизни расцениваются как подрывающие безудержный активизм и идущие вразрез с современной ментальностью, из которой элиминирована целевая причина: цель - ничто, движение - все. С другой - угроза глубочайших глобальных кризисов стимулирует поиск смысложизненных ориентиров, призванных обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества.

Крайне неопределенным остается и теоретический статус проблемы смысла жизни. Экзистенциальная вовлеченность и метафизическая углубленность подлинно философской постановки вопроса о высшем смысле жизни зачастую служат основанием для выводов, что смысложизненная проблема является псевдопроблемой, которая не подлежит анализу концептуальными средствами и не может быть решена в принципе. Часто можно встретить мнение, что вопрос о смысле жизни — это исключительно личный выбор, который не следует увязывать с общественными рамками. Каждый индивид имеет право формировать и реализовывать свой уникальный жизненный план, исходя из собственных предпочтений и взглядов. Тем не менее, неискоренимое стремление разума обнаружить во множестве индивидуальных смыслов некий единый сверхсмысл коррелирует с объективной тенденцией общественно-исторического развития – движением человечества от изоляции и замкнутости составляющих его частей к целостности и единству.

В данном контексте научный интерес представляет обращение к проблеме смысла жизни через идейные воззрения русских религиозных философов конца XIX — начала XX века.

Смысл жизни рассматривался русскими религиозными философами как цель существования. Но в зависимости от расстановки приоритетов, каждый выделил свою иерархию ценностей. Так, противореча основной идеи осмысленности жизни, утверждал о бессмысленности бытия Н.С. Трубецкой [11]. Он подразумевал полное принятие цикличности и временной замкнутости. Человек неспособен вырваться из «порочного круга», если не определит и не признает свою беспомощность. Бессмысленно искать смысл жизни только в рамках биологического существования. Первое, в чем проявляется присущее человеку искание смысла — цели жизни, есть «жестокое страдание от окружающей нас бессмыслицы», — утверждал Е.Н. Трубецкой [11, с. 285]. Тот смысл, который мы ищем, в повседневном опыте нам не дан и нам не явлен; весь этот будничный опыт свидетельствует о противоположном — о бессмысленности [11, с. 354].

О принятии действительности писал и С.Л. Франк. Начальный этап поиска смысла жизни – осознание бессмысленности повседневной жизни. «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни...» [14, с. 37], проживая

день за днем в заботах и тревогах, он теряет время. После принятия действительности начинается выделение основных ценностей жизни. На основе политических изменений русские религиозные философы стали рассуждать о свободе, как важнейшем критерии в поиске смысла жизни. Так, С.Л. Франк утверждал, что жизнь раба полна смысла только по приоритету его применения хозяином [14]. Для него же самого бытие бессмысленно, поскольку цели и задачи выделяет и ставит не он сам, а другой человек [14]. Происходит полное подчинение воли, на фоне этого невозможно формирование субъективного самосознания. «Свободно только то, что действует по законам своей природы, а не направляется чем-либо извне...» [9, с. 92], — писал В. С. Соловьёв.

Отдельного внимания заслуживает суждение крупнейшего русского богослова, профессор Казанской духовной академии Виктора Ивановича Несмелова, в центре научных интересов которого была религиозно-философская антропология. Согласно Несмелову, сознание представляет собой непрерывный творческий процесс формирования психических явлений, а его смысловым центром, связующим началом этих явлений выступает я, которое следует отличать от понятия личности [7]. Я - только феноменально, личность - субстанциальна, иррациональна, богоподобна. Каждый человек знает, что он, с одной стороны, свободен, - и в этом смысле богоподобен, и одновременно, что он зависим – как существо сотворенное [7]. По ходу своих рассуждений Несмелов последовательно разоблачает все мнимые решения проблемы смысла жизни и в первую очередь широко распространенный тезис об отвлеченном благе как идеальной цели общественного и индивидуального бытия. Философ определяет в первооснове человеческого поиска смысла жизни – свободу выбора, путём осознания своего места в мире, противостояния злу.

В середине 1890-х гг. проблема смысла жизни буквально носилась в воздухе, ибо почти тотчас за Несмеловым к ней практически одновременно обращаются Вл. С. Соловьёв и А.И. Введенский. В 1896 г. Вл. Соловьёв напечатал статью «Нравственный смысл жизни». Вывод Вл. Соловьёва по сравнению с трудами его предшественников не представляет чего-то существенно нового. «Нравственный смысл жизни, - пишет он, - первоначально определяется, самим добром, доступным нам внутренне через нашу совесть и разум, поскольку эти внутренние формы добра освобождены нравственным подвигом от рабства страстям и от ограниченности личного и коллективного себялюбия» [9, с. 451; 10].

В 1896 году с публичной лекцией о смысле жизни выступил известный философ-неокантианец Александр Иванович Введенский [13]. А. И. Введенский сознательно воздерживается от ответа на вопрос о смысле жизни, ограничиваясь доказательством тезиса, что сама его по-

становка возможна только в случае признания бессмертия души или продолжения личного существования за пределами земного бытия [4]. Полнота смысла достигается только соотношением с безусловным трансцендентным началом, подлинным Источником и Полнотой Жизни. Вера в бессмертие души является для Введенского тем обязательным и неперенным условием, без которого ставить и решать проблему смысла человеческого бытия невозможно.

Постоянный оппонент Соловьева – В.В. Розанов видит в личностной свободе изъян – вечное осуждение себя за слабость [8]. Ведь выбор предоставлен сугубо нам, и мы всецело отвечаем за последствия. Свобода должна быть во служении Богу. Его рассуждения подтверждает Н.Ф. Федоров. Свобода не должна быть субъективна, она должна подчиняться исполнению долга [12]. Истинную сущность он видит не в личностной независимости, а в активном выполнении нравственных устоев [12]. Федоров, как и В.С. Соловьёв, выделяет границы допустимости свободы за счет её подчиненности нормам морали. По сути, всё сводится к особой форме подчинения – нравственной, божественной. Свобода абсолютная губительна, она выступает синонимом вседозволенности и развращенности. Об этом пишет Н.С. Трубецкой: «...сам факт греха, который служит важнейшим источником наших религиозных сомнений, является документом этой свободы, ее наглядным проявлением и доказательством» [11, с. 135].

Рассуждая о великом предназначении, что бы даровало свободу мысли и подлинную вечность пребывания на Земле, русские философы отразили смысл жизни в творчестве. «Мы ценим свободу мысли потому, что мысль в оковах неспособна к творчеству: для творчества нужен свободный полет; без свободы исследования невозможна наука!» [6; 11, с. 531-532] Смысловая основа творчества – соединение с божественной сущностью. Подобное единение преображает мир, позволяет взращивать лучшие человеческие качества. Франк С.Л. писал, что творчество способно вывести человека из духовного упадка, придать осмысленность действий и движения вперед [14]. Творчество – это неотделимый процесс от человеческой жизни. Изначально мы знакомимся с другими авторами, их работами, анализируем, осмысливаем. Далее уже создаем собственный продукт. По заключениям С.Н. Бердяева, мы все стремимся к избавлению от тоски, страха и одиночества, а это возможно в воплощении в произведениях, поскольку мы мысленно уходим за грани реальности в трансцендентное, божественное [2]. Бердяев Н.А. утверждал, что философия есть поиск смысла жизни, а религия — его реализация. В одной из своих работ Н.А. Бердяев отвечает на этот вопрос: «Искание истины и смысла я противопоставил обыденности, бессмысленной действительности. Это был поворот к духу и обращение к духовности» [1,

с. 184]. Живая жизнь духа и есть то интегральное, что охватывает жизнь души и тела, наполняет бытие смыслом.

Главный враг по И.А. Ильину – повседневность. Полный уход в вереницу дней лишает нас счастья, её обретение возможно путём осознанного выбора своего дела. Творческое начало – это способ обрести радость от обыденной жизни [5]. Так творчество, как способ реализации себя в чем нравится, придает смысл существования. Но отнюдь не первостепенный.

Одно из сильнейших светлых чувств, проявляемых одним человеком к другому, является любовь. Так по С.Н. Трубецкому был описан образ Софии – образ божий в человеке и человечестве [11]. Она заключает в себе справедливый гнев и великую любовь, способную жертвовать ради других. Воплощение любви возможно по-разному: мание и поклонение, почтение и обожание, также отличается объект, на который направлено чувство: животные, растения, люди. Но говоря о подлинной любви русские религиозные философы сошлись в одном, высшая степень проявления – это любовь к Богу. Это чувство не приводит к порочным и греховным помыслам, оно не способно принять формы развращения: «Бог есть любовь: это то самое, чем связывается Всеединное и Его другое; эта жизненная связь любви и есть настоящее преодоление греха» [11, с. 134]. В труде В.С. Соловьева «Смысл любви», философ проводит черту, что истинная любовь – вечна, а в привязке к объектам и субъектам действительности, она имеет свойство исчерпать свои силы и исчезнуть [6, 10]. Истинна лишь одна – к всевышнему.

Русские религиозные философы конца XIX — начала XX века сошлись в одной главной идеи смысла жизни, что дарует человеку счастье, радость и любовь, а именно – служению Господу Богу. Так В.С. Соловьёв отмечал, что теократические основы лежат в нашем историческом прошлом, они всегда были нашими спутниками. Например, крещение Руси в 988 году, принятое князем Владимиром Святым. Религия была чужда русской земле, но взялась за основу как объединяющая сила всего народа. Вторым моментом, это реформы Петра I, когда помимо следования традициям, начали вводиться европейские стандарты. Здесь религиозная платформа приобретает понимание человеческого достоинства и свободы воли. Так вера в высшие силы не утратилась, но приобрела лучшие черты, и со временем будет всё больше стремиться к идеалу. Главное произвести изменения в политической системе: во главе поставить Церковь, чтобы она не зависела от решений правителя, и предоставить религиозную свободу гражданам, так они самостоятельно придут к вере [4].

Проблему нравственного личностного самосовершенствования в служении Богу рассматривает

Н.С. Трубецкой. Отречение человека от мирской суеты не должно быть полным и подчиняться сугубо почитанию, философ отмечает, что необходим отказ от эгоистических наслаждений и использования мира [11]. То есть, в служении главное не монашество и аскетизм, а борьба со злом, отказ от потребительского настроя. Вера должна заключаться не в слепом следовании и идолопоклонстве, а в преображении этого мира. Про силу духа и служение во Благо пишет С.Л. Франк [14]. Он продолжает мысли С.Н. Трубецкого об отречении от мирской суеты. Но сделать нужно это правильно. Жизнь, нацеленная на завтрашние свершения добра, путем последовательного исполнения сегодня, есть стремление к Богу и высшей жизненной цели [14].

Преодоление «тварного эгоизма» есть способ воссоединения с Богом. Однако, обретая смысл жизни, у человека возникает ещё один камень преткновения – смерть. Ведь нет никакой ценности в поисках истинного предназначения и следования ему, если в один момент всё прекратится. Отсюда было выведено, что ещё один сопровождающий аспект «смысла жизни» – это бессмертие. О необходимости возрождения отчетливо прослеживается в трудах Н.А. Бердяева и Е.Н. Трубецкого. Поиск жизни возможен только путем стремления к бесконечному. Но обретение происходит после полного осознания смерти [1, 11]. В природе всё циклично и имеет свой срок, главное принять данный факт и идти к бессмертию подготовлено. Однако конкретных способов преодоления смерти не выделяют.

О духовном бессмертии рассуждает в своих трудах В.И. Несмелов, где намечает основные пути. Главное он определяет – это служение Богу, а жизнь вечная обретается путем следования основным Заповедям. Так, не оскверняя душу грехами и благами земными, мы стремимся к жизни вечной в ином мире [7]. Смерть возможна только лишь физическая. Победу над смертью отражает и В.И. Соловьёв. Он создал образ Богочеловека путём достижения духовного совершенства, преодолевшего эгоистические наклонности и гордость. Необходимо изба-

виться от повседневности и преобразиться, достигнуть высшей формы – бессмертия путём единения с Истиной, Добром и Красотой. Так порождается образ Софии – идеальное, совершенное человечество, вечно заключающееся в цельном божественном существе [10].

По-другому видит бессмертие Н.Ф. Федоров. В основе его философии – жизнь вечная как телесная, так и физическая. При праведной жизни происходит воскрешение человека, но посредством полного уничтожения смерти. Для этого важно научиться сначала восстанавливать себя, а после возрождать всю ветвь своих предков. Ведь, устроив жизнь вечную для одного человека, необходимо воссоединение всех людей, что приведет к общей сплоченности и единению с Богом [12]. Взяв за основу религиозные учения, он начинает ссылаться на науку и, в частности, на регенерацию клеток и приспособлению тела к жизни космической. Так Иисус Христос показал, что воскрешение возможно, но человек должен найти этот путь, отталкиваясь от своих знаний и исканий. Нельзя уповать на Господа Бога, нужно находить ответы самим.

Таким образом к концу XIX века в нравственной философии России проблема смысла жизни ставилась двояко: с одной стороны, как по преимуществу и главным образом социальная, общественная; с другой — как духовно-нравственная, личностная проблема. Смысл жизни как духовно-нравственная проблема предполагает анализ глубинных запросов человеческой души, выяснение предельных структур человеческого сознания, соотношения природных, психологических и нравственных качеств личности.

Русские религиозные философы конца XIX — начала XX века основали иерархию ценностей бытия. Расставляя приоритеты в пользу свободы и творчества, любви и проявления добра, сформулировав основной аспект смысла жизни – служению Богу. Ведь во всем, что нас окружает заложена частичка его бытия. Достижение этого возможно путём нравственного самосовершенствования и преодоления смерти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Антология. СПб., 1994. – 325 с.
2. Бердяев Н. Самопознание. Париж: YMCA-PRESS, 1949. – 301 с.
3. Горелов А.А. Культурология. М.: Юрайт, 2001. – 298 с.
4. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб.: Летний сад, 2001. – 352 с.
5. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. Москва: АСТ, 2003. – 287 с.
6. Коган Л.А. В.С. Соловьёв и проблема свободы // История философии. Москва: ИФ РАН, 2000. № 6. – С. 85-105.
7. Несмелов В.И. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения. Казань: Центральная типография, 1895. — 39 с.
8. Розанов В.В. Свобода и вера // Русский Вестник. Москва, 1894. № 1. – С. 265-287.
9. Соловьёв В.С. История и будущность теократии. Санкт-Петербург, 1914. Т. 4. – 633 с.
10. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. Соч. в 2 т. - М., 1989.
11. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – 656 с.

12. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. Москва: АСТ, 2003. Т. 1. – 723 с.
13. Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
14. Франк С. Смысл жизни. Москва: АСТ, 2004. — 157 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Губанова Татьяна Ивановна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИГУРА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ИКОНОПИСЦА В КОНЦЕПЦИИ ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОГО СВЯТООТЕЧЕСКОГО ХОЛИЗМА

Соколов Иван Александрович

Северный (Арктический) федеральный университет

им. М.В. Ломоносова

IvanSok33@yandex.ru

THE FIGURE OF RUSSIAN MEDIEVAL ICONOGRAPHER IN THE CONCEPT OF EASTERN CHRISTIAN PATRISTIC HOLISM

I. Sokolov

Summary: This article is an attempt to consider the theological foundations for understanding the figure of a Russian medieval iconographer through the prism of Eastern Christian phenomenological, psychosomatic and teleological holism. The article examines the reflection of patristic holism in texts devoted to the personality and work of Alipy Pechersky, Theophanes the Greek, and Andrei Rublev. The main sources used are medieval texts of didactic and hagiographic literature and the additional sources are late liturgical literature of the 17th–20th centuries. The analysis demonstrates the ideas of patristic holism, articulated in the works of the Holy Fathers of the 4th–7th centuries, not only remain relevant, but also form the basis for the formation of ideas about the iconographer as the ideal of integrity and harmony of the human personality and about icon painting as communion with God.

Keywords: phenomenological holism, psychosomatic holism, teleological holism, deification, the mind, the heart, icon painting, iconographer.

Аннотация: Данная статья является попыткой рассмотрения богословских оснований осмысления фигуры русского средневекового иконописца сквозь призму восточнохристианского феноменологического, психосоматического и телеологического холизма. Рассматривается отражение святоотеческого холизма в текстах, посвященных личности и творчеству Алипия Печерского, Феофана Грека, Андрея Рублева. В качестве основных источников используются средневековые тексты учительной и агиографической литературы, в качестве дополнительных – поздняя литургическая литература XVII–XX веков. В результате анализа демонстрируется, что идеи святоотеческого холизма, артикулированные в творениях Святых Отцов IV–VII веков, не просто остаются актуальными, а составляют основу для формирования представлений об иконописце как идеале цельности и гармонии человеческой личности и об иконописании как богообщении.

Ключевые слова: феноменологический холизм, психосоматический холизм, телеологический холизм, обожение, ум, сердце, иконопись, иконописец.

Икона – поистине особый феномен русской культуры, визуализирующий в художественном произведении метафизическую реальность преображенного мира, созданный по особым канонам образ, обладающий сакральным статусом. Изучение памятников древнерусского искусства и, в частности, иконописи началось на рубеже XIX–XX веков и после перерыва, связанного с политическими гонениями на Церковь после Революции 1917 года, возобновилось в середине столетия в работах таких советских исследователей, как В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, С.С. Аверинцев, Н.К. Голейзовский, Г.М. Прохоров и т.д. Современные исследования иконописного искусства освещены в трудах И.К. Языковой, В.В. Бычкова. Огромный вклад в изучение истории иконописи Русского Севера принадлежит Т.М. Кольцовой. Результаты научных изысканий составили многогранную базу для осмысления иконы в историческом, культурологическом, искусствоведческом и эстетико-философском плане.

Вместе с тем исследовательского внимания требует фигура самого иконописца. Вследствие того, что иконописец выступает в качестве субъекта создания образа, одновременно с воспроизведением канона он отража-

ет в иконе черты собственной личности и особенности историко-культурного контекста эпохи. Целью настоящего исследования выступает рассмотрение разных точек зрения на фигуру иконописца в контексте богословской церковной традиции в средневековой культуре Руси XI–XV веков.

Русь вместе с основами восточной христианской веры восприняла от Византии и ее святоотеческую традицию и оформленный в ходе многовекового развития и противостояния иконоборчеству иконописный канон. Особое место в культурном сознании средневековой Руси занимает богословское восточнохристианское учение об исихии (греч. ἡσυχία – «безмолвие», «молчание») – исихазм, характерными чертами которого выступает феноменологический, психосоматический (сомапсихический) и телеологический холизм, т.е. представление о преображенном человеке как едином целом. Феноменологический святоотеческий холизм заключается в восприятии феноменов ума и сердца в их единстве, отводя особое место сердцу как центру человеческой личности, главному мыслительному и одновременно телесному органу. Психосоматический (сомапсихический) холизм состоит в соответствующем феноменоло-

гическому холизму гармоничном единстве духа, души и тела человека при достижении им единства ума и сердца. Этот же аспект иллюстрирует практическую сторону исихазма по творению умной молитвы, впервые упомянутую в творениях преподобных Иоанна Лествичника и Никифора Исихаста. Телеологический холизм является выражением конечной цели исихастского учения по достижению человеком состояния теозиса (греч. Θεωσις – «обожение») – сопричастности тварной природы человека с нетварной природой Бога при содействии Божественной благодати. Подобное учение требует анализа истоков исихастской традиции, послужившей необходимым условием для создания памятников средневековой Руси и формирования соответствующего понимания иконописца, его фигуры и личности в отечественной философо-богословской и религиозно-философской мысли. Однако, прежде чем перейти к осмыслению фигуры иконописца в контексте рассмотренных аспектов святоотеческого холизма, необходимо сделать несколько основополагающих уточнений.

При рассмотрении в текстах русской культуры фигуры иконописца, создающего образы горнего мира, мы исходим из представления об единстве ума и сердца, основанного на многовековом опыте традиции исихазма. Визуальная (материальная) и одновременно духовная природа иконописных изображений может быть охарактеризована в контексте двусторонних отношений. Во-первых, как диалог иконописца с Богом, выраженный в акте богообщения. Создавая иконописный образ, художник отражает в своем творчестве итог «духовного делания» его души. Таким образом, идеальное действие по созданию иконописцем иконы может быть описано, с ориентацией на принцип феноменологического и психосоматического холизма, следующим образом: по своей молитве иконописец сподобляется «чистой молитвы», «сведя ум в сердце», соединяет свою личность с Божественною личностью, действует в соработничестве с Ним, достигая в конечном итоге – обожения своей личности, души и тела по благодати, дарованной ему Богом. В процессе достижения теозиса иконописец становится полностью свободен. Именно эта наивысшая «мера свободы» позволяет ему воплотить и передать истинные смыслы Божественного откровения в красках. Во-вторых, практика иконописания может быть охарактеризована одновременно и как беседа иконописца с непосредственным реципиентом – человеком, воспринимающим этот образ. Икона является отражением метафизической реальности, преображенного мира, и через вещественный образ возводит ум и сердце человека к нематериальному Первообразу. Выразительность иконописного образа, напрямую зависящая как от духовного состояния, так и от художественной передачи его сути иконописцем, действует на человека, созерцающего этот образ.

Прежде чем обратиться к конкретным текстам, посвященным русским иконописцам, нужно выявить богословские основы холизма, в частности, рассмотреть православное понимание феноменов ума и сердца, которым в большей или меньшей степени уделяли внимание Святые Отцы IV–VII веков. Феноменологический и психосоматический холизм не является подходом, рожденным исключительно в лоне византийского православия. Его окончательному оформлению предшествует долгое развитие богословия Восточно-христианской Церкви в целом, опирающееся на Священные книги Ветхого и Нового Заветов. Кроме того, учение Святых Отцов вобрало в себя некоторые из аспектов греческой философии классического и эллинистического периодов [17].

Одним из первых примеров выражения основ холистического подхода в святоотеческом учении являются сочинения основателя отшельнического монашества Антония Великого. Известными творениями преподобного, раскрывающими взгляды на ум и сердце, выступают его письма к монахам. Сердце в текстах преподобного Антония выступает в качестве глубинного центра личности человека, вторжение греха в который может повлечь за собой дальнейшее повреждение души и тела человека. Преподобный иллюстрирует данный тезис, проводя следующую аналогию: «Как огонь, если его не погашают, истребляет большие леса, так коварство, если открывают ему ход в сердце, погубляет душу, оскверняет тело, причиняет много зла и порождает порочные мысли» [10].

Вместе с тем, говоря об осуществлении человеком Божественного закона преподобный отмечает необходимость чистоты тела, чистоты зрения, чистоты осязания и чистоты слуха. Особое место Антоний Великий отводит чистоте сердца: «Чтобы ходить по пути святых, должно исполнять закон Господень, то есть: иметь чистоту тела, чистоту зрения, чистоту осязания, чистоту слуха и наипаче – чистоту сердца. А для сего должно воссылать к Богу молитву Псалмопевца: сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей...» По мысли преподобного, молитва необходима для принятия Божественной благодати, поскольку она способствует чистоте сердца и только чистое сердце может принять дар, ниспосланный от Бога: «Сей Дух вселяется только в сердца чистые. Когда Он будет жить в вас, то откроет вам высокие тайны и много другого» [10].

Показательно также и то, что греху, по мысли Антония Великого, первоначально необходимо войти в сердце, человека, прежде чем в его уме будет рождена порочная мысль. В данном случае можно сделать вывод о представлении преподобного о сердце как об органе мышления человека. Однако, пусть Антоний Великий не пишет об этом открыто, данная мысль незримо присутствует в его наставлениях и получает свое развитие в творениях другого подвижника – преподобного Мака-

рия Египетского. Преподобный Макарий, подобно Антонию Великому, подразумевает под сердцем глубинный центр человеческой личности. При этом Макарий Египетский открыто пишет о сердце человека как об органе мышления, в котором явно присутствует Божественная благодать: «На скрижалях сердца благодать Божия пишет законы Духа и небесные тайны; потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладеет пажитями сердца; тогда царствует она над всеми членами [тела] и помыслами: ибо там ум (nous) и все помыслы, и чаяние души. Почему, благодать и проникает во все члены тела» [13].

Согласно мысли преподобного Макария, чтобы стяжать Божественную благодать необходимы усилия человека. Восприняв слова апостола Павла (Рим 12:2; 1 Кор 3:9), преподобный пишет о соработничестве человека Богу в делах сохранения (стяжания) благодати в его сердце: «... Насколько он [каждый христианин. – И.С.] в телесном и душевном борении придает себя всякому благоугождению заповедям, настолько он стяжает причастие Духу для духовного возрастания и обновления ума, приобретая себе, по благодати и дару Божию, спасение и, с помощью веры, любви и борения свободного произволения, усваивая себе преуспевание и возрастания в меру совершенного духовного возраста... Ведь как невозможно усвоить возрастание преуспевания посредством одной лишь Божией силы и благодати без содействия и усердия [самого] человека, так невозможно достичь совершенной воли Божией и прийти в [полную] меру свободы и чистоты лишь посредством собственной силы, усердия и настойчивости, без содействия и помощи Святого Духа...» [13].

Творения Евагрия Понтийского содержат в себе представления, выходящие за рамки библейского понимания ума и сердца и восходящие к классической философии Платона и Аристотеля, а также эллинистической философии стоицизма. В первом случае это учение Платона, изложенное в диалоге «Федр», где ум выступает в качестве «кормчего души», и учение Аристотеля. У последнего ум приобретает свойство деятельного начала души и сравнивается философом со светом, определяющим бытие разумной части души, в трактатах «О душе» и «Об ощущениях», в «Никомаховой этике» отождествляется с подлинным «Я» человека, а в «Метафизике» – с Богом [8]. Второй аспект, восходящий к философской школе стоиков, – понимание ума в контексте освобождения от страстей, достижения состояния свободы и состояния апатии (бесстрастия). В своих творениях преподобный Евагрий интерпретирует взгляды греческих философов в контексте христианского учения, опираясь на богословское наследие Оригена [17].

Преподобный не говорит о «всем телесном сочленении» и отводит особую роль феномену ума как «храму

Божественной Троицы», пищей для которого является молитва. Истинная чистая молитва дается человеку Богом посредством ниспослания Им Божественной благодати: «Тогда как прочие производят в душе помыслы, мысли и представления, пользуясь изменениями тела, Господь делает противоположное: Он входит в сам ум и влагает в него ведение о тех вещах, какие Ему угодны; посредством же ума Он унимает и невоздержанность тела» [13]. Именно тогда человек, посредством очищенного ума, в который Бог влагает Божественные замыслы о мире (логосы), сподобляется чистой молитвы, которую Евагрий Понтийский характеризует как «беседу ума с Богом», подразумевая под ней доверительный диалог человека со своим Творцом, в том случае, когда уму уже не требуется тварного посредничества для обращения к созерцанию Святой Троицы. Евагрий Понтийский был одним из первых аскетических писателей, обозначившим «делание» («практику») в качестве духовного метода. В данном случае «созерцание» в концепции Евагрия Понтийского неразрывно связывается с добродетелью и добывается ей в процессе аскетической «практики» [13]. Более того, выраженная Евагрием Понтийским мысль о нерассеянной молитве как о «высшем мышлении ума» соотносится с аскетическим выражением наивысшего уровня самособранности и цельности, когда дух человека оставляет все несоотносящееся с Богом и делает попытку свое «я поставить в соотношение с высшим не-Я, свою личность – с личностью Божественною» [13].

Феноменологический холизм ума и сердца также проявляет себя в аскетических беседах Диадокха Фотикийского, объединившего рассмотренные нами взгляды Святых Отцов на феномены ума и сердца в цельную самостоятельную концепцию. Диадокх Фотикийский пишет о повреждении способности познания человека в результате последствий грехопадения и разделении ума, одна часть которого соединилась со страстной частью души, «поэтому с приятностью ощущает житейские блага», а другая – с ее разумной частью.

Согласно учению Диадокха, объединить разделенный ум возможно, т.к. Бог «призывает душу к сильной любви славы Своей» [14]. Преподобный сравнивает благодать Бога с жемчужиной, которую человек может приобрести «продав свое имущество», т.е. приобретя навык «презирать блага мира сего». Однако истинное соединение разделенного ума возможно только по благодати Божией и устремлению к этому самого человека – синергию. Диадокх Фотикийский говорит о необходимости сохранения ума с помощью призывания имени Иисуса Христа. Только в результате бесстрастия ум может «невыразимо ощущать Божественную благодать». При этом ум, видя памятование человека о Боге, требует от него добродетельного дела при его влечении к Нему. Диадокх Фотикийский иллюстрирует это следующим образом: «Ибо кто в глубине сердца непрестанно занимается сим святым с

славным именем, тот может некогда увидеть и свет ума своего. <...> Ибо это славное и многовожденное имя посредством памяти ума долго пребывающее в теплоте сердца производит в нас навык совершенно любить благодать Его, так как дальше нет никакого препятствия» [14].

Человек творящий молитву и призывающий Имя Иисуса Христа становится всецело пребывающим своим умом в сердце. В этом заключается принципы феноменологического и психосоматического холизма, получившие свое окончательное оформление в концепции исихазма, оформившейся в XIV веке в результате богословских споров между варламитами – сторонниками учения Варлаама Калабрийского – и паламитами – сторонниками Григория Паламы, одного из основных представителей исихазма как молитвенной практики и богословского учения. Мысль о феноменологическом холизме преподобный Григорий выражает следующим образом: «Сердце – сокровищница разумной способности души и главное телесное орудие рассуждения. Стараясь в строгом трезвении соблюдать и направлять эту свою способность, что же мы должны делать как не то, чтобы, собрав рассеянный по внешним ощущениям ум, приводить его к внутреннему средоточию, к сердцу, хранилищу помыслов?» [18]. Говоря о достижении человеком обожения, Григорий Палама так иллюстрирует этот процесс: «потому что, как у одержимых чувственными, гибнущими наслаждениями сила душевного желания вся целиком опустошается в плоть, из-за чего они полностью становятся плотью, и Божий Дух, по Писанию, не может жить в них (Быт. 6: 4), так у восходящего к Богу и привязавшихся душой к Божией любви даже плоть, преобразившись, тоже возвышается и тоже вкушает общение с Богом, сама делаясь Божиим владением и местожительством» [18].

В целом, святоотеческое учение о человеческой природе и человеческом предназначении, обобщенное в богословии исихазма, определило и интерпретацию фигуры иконописца в средневековой культуре. Феноменологический холизм ума и сердца и следующий за ним психосоматический холизм души и тела лежат в основе исихастского учения, положения которого были переняты Древней Русью вместе с учением христианского Востока.

II

Наиболее известным и примечательным представителем русского иконописного искусства домонгольского периода является преподобный Алипий (Олимпий) Печерский (ок.1065 или 1070 – ок.1114 гг.). Преподобный Алипий является одним из первых иконописцев Киевской Руси, имя которого упоминается в Киево-Печерском патерике. Текст агиографического сборника содержит сюжеты о чудотворном исцелении преподобным Алипием прока-

женного, явлении ему ангела и написания им иконы в момент болезни святого, а также созерцании преподобным иконописцем явления чудотворного образа Пресвятой Богородицы при украшении греческими иконописцами – учителями Алипия Печерского – Печерской церкви [4]. Однако в повествовательном тексте патерика отсутствуют прямые указания на внутреннюю природу иконописца в согласии со святоотеческим учением, появляются они в литургической литературе XVII века.

Одно из первых упоминаний, свидетельствующих о местном почитании иконописца, относится к XVII веку и отмечено включением тропаря Алипию Печерскому в четвертую песнь канона преподобным отцам Печерским, созданного иеромонахом Милетием Сирига по благословлению Петра Могилы в 1643 году до установления общецерковного почитания Алипия Печерского в лике преподобных после указов Священного Синода в XVII веке [1]. К тому же времени исследователи относят появление славословной службы «преподобного Алипия, иконописца Печерского, в Ближних пещерах почивающего» [1]. Несмотря на тот факт, что литературный памятник посвящен иконописцу домонгольского периода, его можно трактовать, как позднюю интерпретацию учения исихазма о богообщении, основанную на положениях святоотеческого холизма.

Данный богослужебный текст описывает преподобного как человека, который «образ славы Божия во уме своём имея выну... и Егоже лице в сердце твоём начертал еси» [15]. Приведенный стих описывает Алипия Печерского как человека, созерцающего «Божью Славу». В данном контексте под «Божией Славой» понимается как проявление свойств Бога в материальной действительности, так и фигура речи, использованная для иллюстрации высшей степени постоянного Божественного присутствия в уме преподобного. Подобное специфическое состояние ума, по святоотеческому учению, невозможно без нахождения Бога в ядре человеческой личности – сердце. Поскольку святоотеческое предание отводит сердцу главное место в существе человека, начертание Алипием «Божиего лица» в сердце означает глубинное умопостижение Бога – «умное деятельное размышление» иконописца о Боге и дальнейшее воплощение сакрального Первообраза, в иконе как результате богообщения.

Несомненно, написание иконописных изображений Алипием Печерским помимо «умного размышления» сопровождалось и духовным чувственным переживанием: размышлением о Боге в сердце во всякое время и особенно – во время написания иконы. Подобное переживание описывается в тексте службы с акцентом, на «плотянном» сердце, выражением глубокого чувства которого является плач: «потёр вапы безпрестанных моли́тв,/ растворив тья слезными пото́ки,/ написа́л еси́ на се́рдце плотьа́нем ви́дение невидимы́я сла́вы

Пресвятѣя Троицы». Более того, богослужебный текст в равной мере способствует раскрытию участия иконописца в диалоге человека с Богом через созданные им иконы: «не мзды ради, но ревностно двѣжим, прилежал еси делу своему... яко да вси, зряще на иконы твоѣ, в любовь Божию сердца свои обращают». Создание икон, таким образом, в литургическом тексте трактуется как соработничество Алипия Печерского, исполненное его решимостью в осуществляемом им служении, отмеченное, с одной стороны, любовью самого иконописца к Создателю, а с другой – обращением в любовь человеческих сердец, созерцающих иконографический образ, созданный иконописцем.

Не менее значимым для раскрытия средневекового понимания иконописания и фигуры иконописца в связи с идеями святоотеческого холизма выступает образ Феофана Грека (ок.1340 – ок.1410 гг.). В литературе и культуре Древней Руси не сохранилось ни одного свидетельства, подтверждающего местное почитание Феофана Грека как святого. В отличие от Алипия Печерского, иконописец не был канонизирован Русской Православной Церковью, и вследствие этого мы не имеем какого-либо агиографического или литургического текста, непосредственно посвященного личности Феофана. Тем не менее в истории зафиксировано представление о Феофане Греке как о человеке выдающемся и глубоко духовном. Летописные источники, повествующие лишь о созданных образах и не содержащие каких-либо подробных биографических сведений об иконописцах, отмечают фигуру Феофана Грека [6]. Об иконописце упоминается в Третьей новгородской летописи 1378 года в связи с описанием возведения церкви Спаса Преображения на Ильине улице. Софийская и Воскресенская летописи содержат указания на роспись Феофаном Греком Церкви Святого Михаила в Москве: «а мастер бѣше Феофан иконник со учениками своими» [6]. Кроме того, одним из свидетельств современников о Феофане Греке является сочинение Епифания Премудрого – послание к игумену тверского Спасо-Афанасьева монастыря Кириллу Тверскому

В этом тексте ум Феофана Грека представлен Епифанием Премудрым абсолютно собранным. Бог вкладывает в ум иконописца Свои идеи-логосы – замыслы о мире, под которыми, таким образом, понимаются представления о святости: Феофан Грек «умом обдумывал далекое и мудрое» [8]. Эта мысль иллюстрируется и противопоставлением, проводимым Епифанием Премудрым между Феофаном Греком и «некоторыми» другими иконописцами, которым присуща «непонятливость» в написании икон, от чего они постоянно вынуждены ориентироваться на материальный образец. Вероятно, в соответствии с учением о холизме, под «непонятливостью» предположительно подразумевается не только лишь одно возможное отсутствие знаний о художественной передаче образа, а общее «непонимание Бога» – отсутствие Его в уме

иконописцев в противоположность уму Феофана Грека, который уже не нуждается в тварном посредничестве в созерцании Бога и поэтому не обращается в процессе иконописания к образцам, тем самым не злоупотребляя излишним «всматриванием» в другие иконы, и поэтому имеет возможность деятельно созерцать изображения святых, сохраняя сокровенный Первообраз у себя в уме. Подобное умопостижение Феофаном Греком святости способствует точному изображению им иконописного образа. Не исключено, что именно подобная мысль легла в основу характеристики Феофана Грека как «преславного мудреца» и «философа зело искусного» [10].

Отражение холизма, единства умного делания и сердечного переживания, мы находим в небольшом тексте, входящем в состав «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського» [12]. В Погодинском № 27 Апостоле данный текст именуется «Посланием мужа мудра къ преподобну мужю, — именем Феофанъ, а емуже посла, имянуется Прохорос», авторство которого, по предположению Г.М. Прохорова, принадлежит самому Феофану Греку. Адресат данного послания отождествляется с его и Андрея Рублева соработником при росписи в 1408 г. Благовещенского собора в Московском Кремле – известным иконописцем XV века – Прохором с Городца [12].

В анализе композиционной структуры произведения Г.М. Прохоров выделяет центральную часть послания, посвященную теме «Божественной любви», которую иконописец обрамляет своим «философским размышлением» о суетности жизни. Тема «Божественной любви» раскрывается в цитировании Феофаном Греком отрывков из Священного Писания: «Богъ любви есть», — якоже научимся от божественных Писаний, аиже пребывает в любви в Бозе, пребывает и Бог в нем...» (Ин. 4:16) [12]. Данный текст, подобно службе Алипию Печерскому, сопрягает научение и сердечное переживание в процессе богопознания, однако делает это в форме философской манифестации Божественной любви, свойственной Феофану Греку. В случае, если само послание не принадлежит руке иконописца, то это ничуть не умаляет значимости в образе Феофана Грека ума и сердца в соответствии со святоотеческим учением, поскольку «умозрение», отмеченное Епифанием Премудрым в послании к Кириллу Тверскому и вхождение в ум Божественных логосов, согласно концепции святоотеческого холизма (Антоний Великий, Евагрий Понтийский) вторично по отношению к просвещению сердца человека и вхождению туда благодати, ниспосылаемой Богом.

Формирование иконописного искусства монгольского периода напрямую связано с окончательным оформлением учения исихазма, в русской традиции нашедшем воплощение в фигурах преп. Сергия Радонежского и иконописца-богослова Андрея Рублева (ок.1360

– ок.1430). Обращаясь к творчеству Андрея Рублева, трудно говорить о его личностных особенностях вследствие практически полного отсутствия биографических сведений об иконописце. Тем не менее данные, дошедшие до нас, свидетельствуют о принятии преподобным Андреем в зрелом возрасте монашеского пострига, тем самым закрепившего за ним статус инок (чернеца) – самое низкое положение в церковной иерархии. [2]

Как пишет Е.Н. Телицына, есть основания полагать, что после смерти Андрея Рублева достаточно быстро формируется местное почитание его как преподобного. Миниатюры в лицевом житии преподобного Сергия и Никона Радонежских XVI–XVII вв. изображают Андрея Рублева с нимбом [2]. В месяцеслове Симона (Азарьина) иконописцы Андрей Рублев и его сопостник Даниил упоминаются как святые [2]. Близость Андрею Рублеву идей исихастского учения в определенном смысле подтверждается связью с преп. Сергием и Никоном Радонежскими. По благословению преподобного Никона Андреем Рублевым и была написана икона Пресвятой Троицы в похвалу учителю Никона – Сергию Радонежскому. Искусствовед И.К. Языкова отмечает, что в данном произведении Андрей Рублев отразил «образ молитвы» преподобного, связанный с прославлением им единства Троицы Божия в течение всей своей жизни [19].

Отражение связи фигуры Андрея Рублева с исихастской традицией прослеживается в сочинении преподобного Иосифа Волоцкого (14 ноября 1440 – 9 сентября 1515 гг.) Данный текст достаточно подробно демонстрирует опыт «созерцания» икон и последующее возведение ума к Богу. «Добродетель имели и любовь к воздержанной и к иноческой жизни, и как им Божественной благодати удостоиться, и только старались заботиться о Божественной любви так, чтобы никогда о земном не стараться, но всегда ум и мысль возносить к невестственному и Божественному свету, мудрое же око всегда устремлять от мирской жизни к изображенным образам Владыки Христа и Пречистой Его Матери и всех святых. Так и в праздник светлого Воскресения Христова на скамьях сидели и перед собой имели божественные и достойные высшего почитания иконы и, постоянно на них смотря, исполнялись Божественной радости и светлости. И не только в этот день так полагали, но и в прочие дни, когда не занимались живописательством» [7].

Официальная канонизация Андрея Рублева в лике преподобных произошла в 1988 году, тогда же была написана славословная служба, ставшая богословской манифестацией триединства Бога и одновременно с этим – иллюстрацией идей святоотеческого холизма: гармоничного единства ума и сердца в иконописании преподобного Андрея, воплотившего учение Сергия Радонежского в вещественном образе. Текст службы закрепляет за Андреем Рублевым преемственность по отношению

к Сергию Радонежскому, переданную в словах «ученик великаго Сѣргія быв, преподобне Андрѣе». А преподобный Сергий «яко свѣтѣльник превознесенный возсиял еси, блистая лучами Божественнаго свѣтолітія». Традиционный образ света как воплощения святости восходит в том числе к Фаворскому свету — центральной богословской идее Григория Паламы о Божественных энергиях и богопознании. Упоминание в тексте службы имени Григория Паламы – «сей свѣтъ видѣша апостоли на Фаворѣ, / Афѣнстїи же отцы со свѣтым Григоріем исповѣдаша яко нетварную силу Божію» – закрепляет факт достижения Андреем Рублевым состояния теозиса, обожения ума и сердца. Согласно характеристике, заключенной в богослужебном тексте, Андрей Рублев устремляется к богопознанию и в процессе «Троїческїй имать образ и число» – смог «поймать», «увидеть» образ Троицы и воплотить его. Преподобный познает Божественную Любовь и Славу: «тѣмже любовь и красоту совершенную... Господа Славы познал еси» и, соответственно, святоотеческое учение приводит Андрея Рублева к познанию Божиего величия, явленного ему через чистоту ума и сердца: «...чистоту ума и сердца, / целомудрие и кротость возлюбив, отче Андрѣе, / очернѣвшее естество міра сего отвѣргл еси / и устремился еси к Совершенному». Преподобный стяжает благодать через молитвенный и постнический подвиг и возносится умом к «невещественному и божественному свету Пресвятой Троицы» [16]. Таким образом, современный текст службы создает одновременно и индивидуальный образ преподобного Андрея, и универсальный образ иконописца, основанный на обобщении холистических идей как святоотеческого учения, так и отечественной культурной традиции.

В заключение, рассмотрев составляющие святоотеческого восточнохристианского холизма применительно к формированию средневековых представлений об иконописании как богообщении, мы можем сформулировать некоторые выводы. Как видно из представленного анализа, учение исихазма представляет многовековую развитую религиозную традицию, начиная от времени становления монашества (Антоний Великий, Макарий Египетский, Евагрий Понтийский, Диадокх Фотикийский) и заканчивая ее окончательным оформлением в молитвенной практике и богословии подвижников Афона, выдающимся представителем которых выступает преподобный Григорий Палама. Феноменологический, психосоматический и телеологический аспекты святоотеческого холизма составляют структурные элементы православного учения, способствующие гармонизации человеческой жизни в достижении человеком цели его существования – обожения его личности, тела, духа и души при установлении единства ума и сердца и содействии Божественной благодати.

Идеалы духовной цельности человеческого существа, присутствующие в исихастской традиции, были

восприняты русской средневековой культурой, одним из ярких проявлений которой стало понимание иконописи как гармонизации духовного и телесного (плотного) зрения, а иконописания как богообщения. Единство просветления ума и радости сердца воплощено в образах преподобных иконописцев Алипия Печерского, Андрея Рублева, а также исключительного для своего времени иконописца-философа Феофана Грека. Вместе с тем, подобный анализ неизбежно ставит вопрос об идеализации фигуры иконописца в более поздних интерпретациях – литургических памятниках XVII–XX веков – и, как следствие, вопрос о соответствии подобных представлений контексту русской средневековой культуры. Однако, на наш взгляд, привлечение поздних текстов для осмысления средневековой культуры имеет смысл по

следующим причинам. Во-первых, они никоим образом не противоречат учению о феноменологическом, психосоматическом и телеологическом аспектах холизма. Более того, они опираются и обобщают святоотеческое представление о человеке, в котором наиболее полно раскрывается идеал духовной цельности. Во-вторых, данные источники являются показателем устойчивости оснований духовного опыта, воспринятого и развитого русской культурой и во многом предопределившего исторический опыт русского народа. Можно утверждать, что святоотеческий холизм в дальнейшем получил свое развитие в религиозно-философских работах русских мыслителей: И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алипий Печерский [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/114292.html> (дата обращения: 10.03.2023). – Загл. с экрана.
2. Андрей Рублев [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия <https://www.pravenc.ru/text/115312.html> (дата обращения: 10.03.2023). – Загл. с экрана.
3. Адрианова-Претц В.П. Слово о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського // ТОДРЛ М.;Л 1947 Т.5; Соловьев А.В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського» // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ) М.;Л 1961. Т. 17
4. Киево-Печерский патерик [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина – Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/436520> (дата обращения: 10.03.2023). – Загл. с экрана.
5. Лепахин В.В. Исихазм: содержание понятия и его границы // Валерий Владимирович Лепахин // Православный портал «Азбука веры» – Режим доступа: <https://azbyka.ru/isixazm-soderzhanie-ponyatiya-i-ego-granicy>, свободный (дата обращения: 10.03.2023). – Загл. с экрана.
6. Ляхова, К.А. Мастера иконописи и фрески / [Авт.-сост. К.А. Ляхова]. – Москва: Вече, 2003 (ГУП Моск. тип. j 2). – 286, [1] с.: ил.; 27 см. – (Magistri artium); ISBN 5-94538-262-0 (в пер.)
7. Иосиф Волоцкий. Ответ недоверчивым и рассказ короткий о святых отцах живших в монастырях, которые в русской земле находятся [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/iosif_volotskij/otvet-nedoverchivym-i-rasskaz-korotkij-o-svyatym-otcym-zhivshim-v-monastyryah-kotorye-v-russkoj-zemle-nahodjatsja/, свободный (дата обращения: 05.12.2024) – Загл. с экрана.
8. Макарова И.В. Об одном атрибуте деятельного ума у Аристотеля // Ирина Владимировна Макарова // [Электронный ресурс] / «КиберЛенинка» : науч. электрон. библиотека – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnom-atribute-deyatelnogo-uma-u-aristotelya/viewer/>, свободный (дата обращения: 05.12.2024) — Загл. с экрана.
9. Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому [Электронный ресурс] / Православный портал «Азбука веры» — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Epifanij_Premudrogo/pismo-epifanija-premudrogo-k-killu-tverskomu/, свободный (дата обращения: 13.01.2025). – Загл. с экрана.
10. Поучения / Преподобный Антоний Великий; [Сост. Е.А. Смирнова]. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 701 с., [1] л. цв. ил. (Духовная сокровищница) / Двадцать слов к монахам. 132–160 с.
11. Прохоров Г.М. Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Руського» // ТОДРЛ. Л., 1985 Т.40.
12. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://reallib.org/reader?file=1349763&pg=97> – Загл. с экрана.
13. Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 2. Золотой век святоотеческой письменности (начало IV–начало V вв.) / Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). – М. Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. – 720 с.
14. Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 3. Святоотеческая письменность V–VII вв. / Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). – М. Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2021. – 648 с.
15. Славословная служба Алипию Печерскому [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/mineja-avgust/17, свободный (дата обращения: 13.01.2025). – Загл. с экрана.
16. Славословная служба Андрею Рублеву [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры» – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/mineja-dopolnitelnaja/33 (дата обращения: 13.01.2025). – Загл. с экрана.
17. Соколов И.А., Бедина Н.Н. Дэвид Брэдшоу «Разум и сердце в понимании христианского Востока и Запада» // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С.

- 18–46. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-18-46>
18. Триады в защиту священо-безмолвствующих: [Перевод] / Св. Григорий Палама; [Послел. В. Вениаминава, с. 344–381]. – М.: Канон, 1995. – 380,[3] с. – (История христианской мысли в памятниках).; ISBN 5-88373-026-4
19. Языкова, И.К. История иконописи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://magisteria.ru/category/icon>, свободный (дата обращения: 13.01.2025) — Загл. с экрана.
-

© Соколов Иван Александрович (IvanSok33@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОИСКИ ВНУТРЕННЕГО «Я» В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

SEARCH FOR THE INNER "I" IN THE MENTAL SPACE OF THE PERSON

**I. Stanislavova
G. Solovyova
G. Nagiev**

Summary: The boundless ability of a person to self-development and self-expression causes constantly renewed interest among philosophers, psychologists, educators, sociologists and other specialists. The subject of this study is attempts to analyze the inner "I" in the spiritual space of the individual. The article analyzes the significance of a person's desire to comprehend his own inner "I" in the process of changing his appearance and inner world. The relevance of the research topic lies in the fact that today for the successful self-development of a person, including for an "intellectual breakthrough", as never before, it has become necessary to comprehend the essence, capabilities and organic connection of the biological and intellectual components of a person. In the modern world, the task is to intensify efforts for self-development and transformation, which will ensure the most complete disclosure of the inner self and creative abilities.

The purpose of the work is to develop a conceptual and categorical apparatus for the philosophical study of complex ideal objects and processes, such as "soul", "spirituality", "self-realization", "development of the inner "I", as well as an attempt to analyze from historical and philosophical positions and the realities of modern life intellectual, emotional and spiritual state of a person, which helps to adequately realize oneself, one's thoughts and actions. The methodological basis is the general scientific methods of cognition (historical, system-structural and dialectical, due to the complexity and internal inconsistency of the subject) in combination with the philosophical and anthropological approach. The conclusions drawn as a result of the analysis of this article allow us to hope for the fruitful use of this cognitive concept in the process of teaching philosophy, psychology, sociology and other humanitarian disciplines, as well as educating the younger generation.

Keywords: the inner «I» of a person, self-expression, the inner and outer world of a person, spiritual and moral values, the meaning of human existence.

Станиславова Ирина Леонидовна

кандидат философских наук, Санкт-Петербургский
государственный педиатрический медицинский
университет
ira.stanislavova@mail.ru

Соловьева Галина Васильевна

кандидат философских наук, Санкт-Петербургский
государственный педиатрический медицинский
университет
galeina40@mail.ru

Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы

кандидат исторических наук, Московская
государственная академия ветеринарной академии и
биотехнологии – MBA имени К.И. Скрябина
hnagiev@gmail.com

Аннотация: Безграничная способность человека к саморазвитию и самовыражению вызывает постоянно возобновляемый интерес у философов, психологов, педагогов, социологов и других специалистов. Предметом данного исследования являются попытки проанализировать внутреннее «я» в духовном пространстве личности. В статье анализируется значение стремления человека постичь собственное внутреннее «я» в процессе изменения своего внешнего вида и внутреннего мира. Актуальность темы исследования заключается в том, что сегодня для успешного саморазвития человека, в том числе для «интеллектуального прорыва», как никогда ранее, стало необходимым постижение сути, возможностей и органичной связи биологических и интеллектуальных составляющих человека. В современном мире стоит задача активизировать усилия по саморазвитию и трансформации, что обеспечит наиболее полное раскрытие внутреннего «я» и творческих способностей.

Целью работы является развитие понятийно-категориального аппарата философского исследования сложных идеальных предметов и процессов, таких как «душа», «духовность», «самореализация», «развитие внутреннего «я», а также попытка проанализировать с историко-философских позиций и реалий современной жизни интеллектуальное, эмоционально-духовное состояние человека, помогающее адекватно осознавать себя, свои мысли и действия. Методологической основой являются общенаучные методы познания (исторический, системно-структурный и диалектический, ввиду сложности и внутренней противоречивости предмета) в сочетании с философско-антропологическим подходом. Выводы, сделанные в результате анализа данной статьи, позволяют надеяться на плодотворное использование данного когнитивного концепта в процессе преподавания философии, психологии, социологии и других гуманитарных дисциплин, а также воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: внутреннее «я» человека, самовыражение, внутренний и внешний мир человека, духовно-нравственные ценности, смысл человеческого существования.

Каждый человек своеобразен внешне и внутренне, уникален как в своем собственном восприятии, так и в глазах окружающих его людей. Это проявляется

в попытках индивида выразить себя особо, что выделило бы его из круга людей, с которыми он находится в социальном контакте. Осознание человеком значимости

собственной индивидуальной неповторимости приводит его не только к созданию своеобразного, только ему присущего, внешнего вида, но и к необходимости формирования собственных, возможно отличных от других, взглядов. Само собой разумеется, процесс социализации при этом несколько не умаляется, так как самопостижение индивида происходит во взаимоотношениях с другими. При этом факт необходимости непосредственного личного включения в формирование собственных представлений о мире и о себе самом является бесспорно очевидным. Процесс становления личности в своей основе имеет общесоциологический характер, однако нельзя упускать из вида его индивидуалистическую составляющую.

Внутреннее «я» человека как особое измерение его внутреннего мира

Современная жизнь как никогда ранее в человеческой истории сверхдинамична, переменчива и буквально каждый день ставит перед человеком сложные задачи, создает необходимость реагировать на новые вызовы. Опыт социального развития показывает, что все тяготы и невзгоды жизни людей в реальном мире в большей степени преодолеваются реалиями духовной нежели материальной сферы. Для преодоления трудностей, которые выпадают на долю современного человека, ему необходимо стать сильным, мужественным, стойким в любых непредвиденных условиях стремительно меняющегося мира.

Проблема состоит в том, как приобрести столь необходимые качества, чтобы достойно отвечать на сложные вызовы, которые нам постоянно предлагает жизнь. Многие размышлявшие на эту тему философы, психологи, социологи пришли к пониманию того, что успешно преодолеть сложности жизненного пути может человек, обладающий высоким духовно-нравственным потенциалом и понимающий его силу и значимость в принятии правильных решений. Поэтому сильным и стойким является тот человек, для которого, как утверждал В. Франкл, «духовность является высшим измерением человеческого бытия» [15, с. 105].

В реальной жизни каждый человек стремится к самовыражению, которое может проявиться как в подражании внешнему виду, поведению, образу мышления людей той социальной общности, к которой он принадлежит, так и в стремлении к оригинальному выражению собственного «я» через свой внешний образ и внутренний мир, подчеркнуто отличающийся от других. Действия, которые направлены на резкое внешнее выделение индивида из круга ему подобных, осуществляются чаще всего для того, чтобы привлечь к себе как можно больше внимания. Индивид стремится к такому самовыражению потому, что у него есть страстное желание показать миру свою уникальность, которую он пытается утвердить в определенных изменениях своего внешнего облика, осуществляя

таким образом потенциальную возможность воздействия на социальную среду участником которой является или хочет стать. Если стремления к внешнему самовыражению не оказывает вредного влияния на окружающих, не оскорбляют их чувств, то, в общем, здесь нет ничего плохого, так как это демонстрирует активное, неравнодушное отношение к жизни и желание коммуникации с себе подобными. Использование экстравагантной одежды, разнообразных по форме и окрасу причесок волос, макияжа, сленга (без ненормативной лексики!), в отсутствии жизненного опыта, всего лишь примитивное, облегчающее задачу в условиях постоянной спешки, распознавание по типу «свой-чужой», характерное для современной молодежи. Вызывает озабоченность и настораживает намечающаяся тенденция усиленного интереса к изменению не только внешнего вида человека, но и его биологической природы (перверсии, изменение вида и размеров частей тела и т.д.). Наблюдается интерес и стремление к изменению не только физических, но и интеллектуальных возможностей человека. Последнее далеко не безобидно так как подобные эксперименты над собой «способны рано или поздно вылиться в разрушение «жизненного мира», обернуться созданием потенциально опасных существ, с которыми невозможен диалог и искренняя эмоциональная связь» [3, с. 6].

Изменяя свой внешний вид, человек самовыражается, пытается открыть, явить себя миру с наиболее привлекательной своей стороны или обнаружить свой бунтарский дух и бросить нонконформистский вызов общественному вкусу. В любом случае важную, определяющую роль в выборе формы самовыражения играет внутренний мир человека, в котором «некий таинственный голос зовет его к совершенству» [6, с. 300]. В философской традиции внимание к проблеме внутреннего мира человека не ослабевает со времен античной классики, но на принципиально новый уровень осмысления проблема выходит в рассуждениях философов эпохи Нового времени. «В новоевропейской философии термин «душа» употреблялся для обозначения внутреннего мира человека, его самосознания» [12, с. 2].

Р. Декарт был убежден в том, что мысль в наибольшей степени выражает внутреннее состояние человека, являясь прямым доказательством достоверности его существования, Ф. Бэкон обратил свое внимание на значение духовно-нравственных качеств познающего субъекта, Б. Спиноза, проникая в самые потаенные уголки внутреннего мира человека, выделил в нем определяющую этическую составляющую. В философских взглядах Д. Локка, Б. Паскаля, С. Кьеркегора можно обнаружить пристальный интерес к формированию внутреннего мира человека послуживший импульсом для дальнейшего развития современных философских представлений о глубинных составляющих этого таинственного мира. В XX веке проблема человека вообще выходит в филосо-

фии на первый план, становится сквозной, определяя интересы самых известных и популярных школ: феноменологической, волюнтаризма, экзистенциализма, персонализма, философской антропологии, фрейдизма, марксизма и т.д., не говоря уже о религиозных школах и русской философии (космизм, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Г.И. Гурджиев, П.Д. Успенский и многие др.) То есть создана солидная теоретическая база для научного изучения «внутреннего человека» и духовной стороны человеческого бытия. Есть на что опереться и в своих индивидуальных изысканиях.

Каждый индивид является автором своего внутреннего мира, который и есть его сущность, отражающая весь спектр его интеллектуальной и чувственной субъективности. Формирование внутреннего мира личности осуществляется индивидуально и выражается во взглядах, переживаниях, фантазиях, поступках и действиях. Этот мир есть творение самого человека, он неразрывно связан с его деятельностью, пронизан смыслами и ценностями, обусловлен сознанием, но не совпадает с последним, так как понятие внутреннего мира индивида, по точному выражению И.А. Ильина, «могущественнее, богаче, значительнее и священнее» [6, с. 301]. Внутренний мир человека не возникает мгновенно, он не дан, а задан человеку.

Формирование этого мира представляет собой непрерывный процесс самособирания личности, подобный созданию собственной вселенной, которая изменяется и дополняется, совершенствуется в ходе всей жизни человека и являет одну из фундаментальных его способностей – стремление к самоактуализации, основой которого является воля к саморазвитию, тяга к совершенству.

Об этом много писал А. Маслоу, автор теории самоактуализации, который основал новое гуманистическое направление в психологии XX века, целью и задачей которого считал изучение целостного человека в его высших проявлениях, справедливо считая, что здоровое гармоничное общество должно состоять из психически здоровых, «дочеловеченных, самоактуализирующихся индивидуумов» [11, с. 11]. В работах Маслоу речь идет о конкретных способах развития высших потребностей, так как «депривации в сфере высших потребностей, или *метапатологии*, вызывают у человека болезни духовного, или философского, или экзистенциального плана» [11, с. 35].

Нам со школы (от древних греков) известно, что человек представляет собой микрокосмос, образ макрокосмоса. Подобно космосу, человек – сложнейшее существо, иерархическая система, состоящая из нескольких уровней, где каждый уровень, в свою очередь, представляет сложную иерархическую многофункциональную систему. Организована система по «принципу матрёшки» – одна в другой – все разные, но представляющие собой неразрывное единство. Нет никаких сомнений, что

«психофизическая жизнь едина», как писал М. Шелер [16, с. 81]. Система под названием «человек» состоит из трех базовых уровней: дух, душа и тело. Философия и наука чаще всего обращали свое внимание на низшие уровни – душу и тело.

Меньше всего современный образованный человек знает о высшем уровне системы – духе и его проявлениях в человеке. Больше всего о духе и его свойствах известно теологии и богословию, но это требует отдельного и предметного разговора. В современной философии были достойные внимания попытки определения духа, прежде всего у представителей современной школы философской антропологии (Шелер, Плеснер, Гелен).

Основоположник и глава школы М. Шелер в финале своей классической статьи «Положение человека в космосе» обосновывает сущностное отличие человека от животного и видит его именно в духе, который тесным образом связан с развитием высших форм сознания (самосознание), но не совпадающий с ним. Дух – активная сила, все, что создано человеком – создано, объективировано и опредмечено, духом, являясь его ясным выражением. «Сущность того, что мы называем «духом», – отмечал Г.Г. Гадамер, – заключается в самой способности продвигаться вперед, удерживая этот горизонт открытого будущего и неповторимого прошлого» [2, с. 272].

Большой вклад в изучение проблемы духа вносит русская философская традиция, особенно эта тема близка Н.А. Бердяеву, который, оппонировав материалистам, писал: «Дух совсем не противоположен плоти, плоть есть воплощение и символ духа. Духовная жизнь есть историческая жизнь, ибо историческая жизнь есть жизнь конкретная» [1, с. 32].

На индивидуальном уровне создание внутреннего мира представляет собой процесс бесконечного поиска самого себя и стремления к духовному идеалу, который для человека является наиболее важным и значимым. Основу внутреннего мира личности составляет духовность человека, которая наполняет его оригинальным и уникальным содержанием. Духовное содержание внутреннего мира человека определяет сущность человека, но эта сущность сокровенна, не явлена миру видимым образом, не объективна.

Дух, как его не определяй (а наука, философия и религия смотрит на этот вопрос по-разному), проявляет себя определенным образом вовне в процессе индивидуальной деятельности, которая позволяет личности осваивать материальный и идеальный мир. Именно духовное начало дает человеку возможность создавать, творить собственными усилиями как материальные объекты, так и идеальные формы, выходить за пределы собственного бытия и опредмечивать свою индивидуальность. Но самое главное – дух дает возможность встретиться с самим собой в своем

идеальном мире, понять смысл своего существования.

Духовность внутреннего мира человека является его осознанным выходом в другую реальность, наполненную идеальными сущностями, высшим ценностями и смыслами. Она явно присутствует в самосознании человека и руководит его мыслями, продуцирует идеи, разнообразие которых свидетельствует о высокой творческой активности человеческого разума. Интеллектуальные способности личности позволяют обнаружить эту важную духовную сферу жизни, осознать значимость духовной составляющей внутреннего мира, который «есть уже от начала нечто в высшей степени сложное, но одновременно с этим глубоко гармоничное, цельное» [13, с. 70 – 71].

Идеальность внутреннего мира человека проявляется в его возможности трансцендировать, то есть выходить за пределы чувственного восприятия и находиться в сверхчувственном мире. Внутренний мир человека может стать одним из чудеснейших миров, создаваемых им на протяжении всей его жизни, так как именно в нем человек как архитектор строит идеальное убежище от всех невзгод, где присутствуют все его сокровенные мечты, благородные помыслы, высшие ценности и ясные смыслы.

В этом мире преодолеваются и исчезают все невзгоды и неприятные обстоятельства реальной жизни человека, здесь царит свобода его мысли, которая становится сущностной основой человеческого бытия. Свобода мысли изначальна и возможна только в духовном пространстве личности, как отмечал М. К. Мамардашвили, она представляет собой «что-то такое в нас, что от нас не зависит, что является трансцендированием» [10, с. 9]. Парадокс заключается в том, что человек прикладывает огромные усилия для обретения свободы, которая является жительницей его внутреннего духовного мира: обнаруживая в себе этот внутренний мир, он находит там и настоящую свободу. Человек свободен в выборе проектов развития своего бытия.

Только сам человек в состоянии передумать свои мысли и предпринять необходимые усилия для правильной организации жизни. Для современного релятивистского, постмодернистского уха заявление о существовании чего-то правильного может прозвучать несколько неожиданно, но это понятие определенно существует и связано с культурной традицией, тысячелетним опытом предков, который необходимо проанализировать и обобщить.

В этом и состоит работа по собиранию внутреннего духовного мира человека, или, философским языком, обретение человеком его бытия – полноты существования, цельности, определенной и устойчивой формы. В процессе созидания внутреннего мира, человек постигает сущность и смысл собственного бытия. В этом же направлении предлагают размышлять и работать над со-

бой традиционные религии, называя это просветлением, обожением, уподоблением Творцу, восстановлением богоподобия, которое грехопадшим человечеством утрачено и которое необходимо себе вернуть. Размышлять, думать на эту тему – ключевые слова. Это занятие требует определенного уровня развития, прежде всего, интеллектуального.

Таким образом, интеллектуальное стремление к обретению адекватных знаний индивида о себе, своих действиях и принятых решениях может быть представлено как первая ступень обнаружения своего внутреннего духовного мира. Анализируя различные подходы современных отечественных и зарубежных философов и психологов к конструированию определения внутреннего «я» (И.С. Кон, [7], А.Г. Спиркин [14], Т. Шибутани [17], У. Джеймс [4], Ч. Кули [8], Э. Эриксон [18], А. Маслоу [11] и др.), можно обобщить, что в большой степени это структура знания индивида о самом себе, иными словами, мыслительная репрезентация им своих характерных свойств, интерпретация прошлого опыта, прогнозирование будущих целей. На фоне правильного развития внутреннего «я» человека формируются основы его практической деятельности и духовно-нравственной жизни, что приводит к формированию таких качеств как активность, самостоятельность, преданность, ответственность, то есть основные качества личности. Отказавшись от солипсизма, вспомним классическую формулу о том, что нельзя жить в обществе и быть полностью свободным от него.

Реальная жизнь общества диктует строгие правила совместного существования, которым должны следовать все, входящие в него. Безусловно, самыми важными среди них являются духовно-нравственные, позволяющие выражать не только свое истинное отношение ко всему происходящему, но и неизменно следовать жизнеутверждающим принципам, направленным на развитие творческих способностей личности, достижение свободы в мыслях и действиях, не забывая об ответственности за них.

В знание о себе самом входит вся антропо-социо-генетическая информация, в том числе и понимание того, что у каждого реально существующего человека и социума есть своя история, свои взлеты и падения, своя слава и унижение, горечь осознанных ошибок и преодоление их. Рождаясь, каждый индивид наследует от своих родителей ряд психофизиологических черт. В семье, чаще интуитивно и механически, усваиваются азы нравственного поведения, но по-настоящему осознаны и закреплены духовно-нравственные ориентиры могут быть только в процессе воспитания и образования в конкретном культурном сообществе. Воспитать чувство любви и преданности Родине, Отечеству, родной земле, семье, своему дому – задача сложная, но без этого невозможно нормальное, здоровое существование, ни отдельной личности, ни человеческого сообщества. Дух, главный деятельный элемент и

центр структуры личности, способен обеспечить практически бесконечное развитие самой личности и общества. Качество духа определяет направление этого развития.

Проанализировав избранные источники, можно заключить, что проблема духовности, идеальной сущности человека всегда являлась фундаментальной проблемой философии, психологии и множества наук, так или иначе исследующих природу человека. Существует обширная литература по данному вопросу, зарубежная и отечественная, но проблема до конца концептуально не оформлена и требует дальнейшего исследования в философском плане. Необходимо уточнение синонимичных, но не равнозначных понятий, характеризующих духовную жизнь индивида, таких как «самореализация», «самоактуализация», «внутреннее «я», «дух», «духовная жизнь».

В обобщение сказанного следует отметить, что человек, развиваясь и совершенствуясь, сам создает свой внутренний мир, представляющий собой идеальное пространство, в котором раскрывается его внутреннее «я». Забота о развитии внутреннего мира дает возможность человеку стать нравственным существом, понимающим собственную значимость, сознательно формирующим духовно-нравственные ценности и самостоятельно определяющим свой жизненный путь. Анализ одного из ведущих феноменов человеческого бытия, внутреннего мира человека, позволяет надеяться, что данные знания, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в

процессе образования и воспитания в различных учебных заведениях. В сложных и неоднозначных условиях современной жизни особенно важно вести учебную и воспитательную работу, используя все возможности бережного воздействия на внутренний мир личности, деликатно побуждая ее к саморазвитию. Еще в 18 веке выдающимся английским философом Джоном Локком было отмечено, что основная задача воспитания должна заключаться в том, чтобы «заботиться главным образом о внутренней стороне человека» и, проявляя особую заботу об интеллектуальном развитии, показать человеку, входящему в мир значимость подлинных ценностей [9, с. 412].

Необходимо, чтобы истинное знание о духовной сущности человеческого бытия стало реальной основой сознательного формирования внутреннего мира человека. С помощью образования и воспитания невозможно достигнуть этой цели, но можно и даже необходимо побудить, мотивировать к началу или развитию процесса самореализации в качестве человека, научить не избегать трудностей, быть готовыми к любым неожиданностям в стремительно меняющемся мире, не бояться импровизировать, то есть сформировать творческий подход к своей единственной жизни. Глобальный кризис современной культуры побуждает к активным действиям. Как писал И.А. Ильин [5, с. 39], «следующий, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно», достигается он «углублением в себя», «в свое сверхличное, предметно-насыщенное, духовное достояние».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. – 479 с.
2. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 366 с.
3. Давыдов Д.А. Парадигмы изменения природы человека: от «имманентного индивидуализма к персонализму // Человек, 2020. Т.31, №1. – С. 6-22.
4. Джеймс У. Психология. М.: Амрита-Русь, 2019. – 616 с.
5. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч. В 10 тт. Т.1. М.: «Русская книга», 1993. – 400 с.
6. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. – 430 с.
7. Кон И. С. Социология личности. М.: Книга по Требованию, 2021. – 383 с.
8. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М. Идея-Пресс, 2000. – 309 с.
9. Локк Д. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2020. – 496 с.
10. Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. 1994, № 5. – С.5 -19.
11. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Издат.группа «Евразия», 1997. – 432 с.
12. Пономарев П.А., Белогорцев В.Н. О содержании категорий «Душа» и «Дух» в философской традиции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2012. № 5. – С.1-3.
13. Розанов В.В. Литературная личность Н.Н. Страхов. Феномен человека. М.: Высшая школа, 1993. – С.70-71.
14. Спиркин А. Г. Философия. М: Гардарики. 2020. – 736 с.
15. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. – 368с.
16. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. – 498 с.
17. Шибутани Т. Социальная психология. Прогресс, 1999. – 539 с.
18. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. – 340 с.

© Станиславова Ирина Леонидовна (ira.stanislovova@mail.ru), Соловьева Галина Васильевна (galeina40@mail.ru),
Нагиев Гаджирагим Гаджикерим оглы (hnagiev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА И ЭДУАРДА ФОН ГАРТМАНА

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PHILOSOPHY OF ARTHUR SCHOPENHAUER AND EDUARD VON HARTMANN

V. Filatov

Summary: The article examines the features of the pessimism of Arthur Schopenhauer and Eduard von Hartmann from the standpoint of philosophical comparative studies. In particular, the causes of the problems of the local population in the field of cultural self-identification are being investigated.

Keywords: unconscious, pessimism, existence.

Филатов Вадим Валентинович

кандидат философских наук, доцент, Западный
филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы. (г. Калининград)
vadim.filatov@yandex.ru

Аннотация: В статье с позиций философской компаративистики рассматриваются особенности пессимизма Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана. В частности, исследуются причины проблем местного населения в области культурной самоидентификации.

Ключевые слова: бессознательное, пессимизм, экзистенция.

Философия Эдуарда фон Гартмана (1842 – 1906) имеет много общего с идеями Артура Шопенгауэра. Для него, как и для Шопенгауэра, боль и страдания жизни намного превышают её удовольствия, зло существования фундаментально и непреодолимо. Однако Гартман ищет коллективное, а не индивидуальное решение экзистенциальной проблемы. Кроме того, в отличие от Шопенгауэра, в его философской системе присутствует историческая и эволюционная перспектива процесса выхода за пределы экзистенции.

Гартман интерпретирует все живые явления в терминах центрального компонента своей философии – Бессознательного, которое включает в себя волю как движущую силу – и разум или идею, которая привносит в экзистенцию логику. В процессе эволюции логическое начало усвершенствуется и усиливается. Оно воплощено в сознании, которое наиболее полно развито в человеке. Для Гартмана растущее осознание человеком истинной природы экзистенции является ключом к освобождению. Однако, прежде чем эта истина будет постигнута, человечество должно пройти через ряд иллюзий, которые удерживают его в клетке экзистенции.

Гартман выделяет три стадии или формы иллюзий относительно счастья. Первая состоит в том, что благополучия и счастья можно достичь здесь и сейчас; согласно второй, земная жизнь изначально порочна по своей природе и никогда не станет иной но есть жизнь после смерти, которая принесет блаженное бессмертие; третья иллюзия заключается в том, что человек может достичь господства над природой и тогда материальный прогресс приведет к счастливому и полноценному су-

ществованию. Таким образом, все три иллюзии обещают, что в будущем может быть достигнут лучший мир [2, 259].

При этом Гартман убежден, что человечество уже прошло через две первые стадии и к концу 19 столетия находилось на третьей стадии, которая столь же иллюзорна как первые две. Рассматривая историю западной цивилизации как парадигму эволюции человечества, он утверждает, что идея счастья «здесь и сейчас» преобладала на заре цивилизации и мышления. Древний Израиль и Античный мир демонстрировали иллюзорный поиск самореализации и счастья в настоящем. На смену этим иллюзиям пришло христианство, в котором земное существование рассматривается как зло, полное боли и страданий, а человек – как падший и грешный. Земная жизнь является подготовкой к загробной жизни с обещанием для праведников вечного блаженства и избавления от зла. Эта иллюзия начинает ослабевать с приходом Возрождения и Реформации.

Скептицизм и гуманизм начинают разрушать картину небесного покоя и счастья, и фокус внимания смещается на этот мир. Развитие науки, в том числе социальных наук, и технологии дает человеку больший контроль над природой и обществом, возникает вера в прогресс. Но в долгосрочной перспективе эта вера также обречена на провал, поскольку прогресс может уменьшить, но никогда не ликвидирует фундаментальные страдания экзистенции: болезни, старение и утрату близких. К тому же социальная эволюция способна изменить только форму, но не сущность врожденного эгоизма и разрушительных импульсов человечества. А главное, «чем больше ощущаемые внешние недуги человеческой жизни устраняются,

тем очевиднее будет то, что источником боли и страданий является само существование». Только когда человечество перерастёт иллюзии прогресса, оно, наконец, будет готово искать освобождения от зла экзистенции [2, 264].

Каковы основные причины утверждения Гартмана о том, что беды существования – боль и страдание, а также явная безнравственность человека – намного превосходят добро и удовольствие, которые оно нам дает? Согласно Гартману, так называемые жизненные блага, например здоровье, молодость, свобода, материальное благополучие, не представляют для нас положительной ценности. Скорее они означают отсутствие негатива, такого как болезни, старость, рабство, бедность и незащищенность. Он подчеркивает субъективный характер позитивного опыта и утверждает, в духе Шопенгауэра, что, хотя мы остро чувствуем доминанту отрицательных аспектов жизни, мы принимаем положительное как должное. Например, нормальное зрение и способность видеть не делают нас счастливыми. С другой стороны, мы гораздо острее ощущаем потерю зрения и вытекающие из этого лишения. Короче говоря, присутствие боли, страданий и лишений ощущается гораздо сильнее, чем их отсутствие. Более того, многие радости жизни даются дорогой ценой.

Например, с начала полового созревания и до того времени, когда молодой человек может позволить себе жениться, ему приходится терпеть агонию сильной сексуальной неудовлетворенности. Он вынужден искать облегчения посредством различных неестественных и ненормальных если не сказать аморальных, практик. Удовольствия любви, брака и семьи также обходятся дорого. Боль и страдания, связанные с беременностью и родами для женщин, тяжелая задача ухода за детьми и их воспитания, а также все другие лишения и разочарования, связанные с семейной жизнью, едва ли компенсируются удовольствиями и удовлетворением которые она нам приносит. Действительно, именно инстинкт и бессознательная привязанность к жизни (элемент воли) и половой инстинкт побуждают людей к размножению. Гартман рассматривает многочисленные аспекты человеческой деятельности и социальных взаимоотношений и находит их скорее источником «тяжелого труда и унижений» чем благополучия и счастья [2, 268]. Мы называем жизнь хорошей не потому, что она такова, а потому, что мы инстинктивно привязаны к ней [1, 147]. Однако сознательно и рефлексивно относясь к природе нашей экзистенции, мы постепенно становимся свободными от завесы иллюзии, хотя это понимание доступно лишь небольшому меньшинству народов мира [1, 147].

Когда данное восприятие широко утвердится, воля прекратит множить страдания, и мировой процесс подойдет к концу. Мы видим, что Гартман придает большое значение растущему антагонизму между волей и раз-

умом. Воля стремится к абсолютному удовлетворению и блаженству, в то время как разум освобождает «себя все больше и больше от импульса через сознание» [2, 168].

Но каким образом все это произойдет? Гартман отвергает все индивидуальные подходы, например самоубийство или квиетизм воли по Шопенгауэру, как совершенно неполные и недостаточные средства. заменяющие решение проблемы его видимостью. Он ищет коллективный выход, его цель положить конец всему сущему. А это значит, экзистенция должна быть прекращена посредством глобальной коллективной решимости. Действительно, Он предвидит не только конец человеческого существования, но и всех форм жизни и их источников, чтобы гарантировать, что жизнь и особенно сознательная человеческая жизнь не смогут возобновиться. Для этого человеческое сознание в целом должно быть достаточно развито, чтобы видеть бессмысленность существования; во-вторых, бессознательное (воля) и дух (разум), действующие в мире, должны быть полностью сконцентрированы в человечестве. И наконец, должно быть достигнуто «достаточное общение» между народами мира, чтобы «обеспечить одновременную общую решимость» [3].

Он затрудняется сказать конкретно о том, как именно будет разворачиваться этот процесс. Но он считает, что тем временем развитие человечества должно продолжаться своим чередом и что моральным долгом каждого является вносить свой вклад в процесс мирового развития до тех пор, пока не будут выполнены три необходимых условия и существованию не будет положен конец. Для Гартмана стремление положить конец существованию является альтруистическим актом. В основе его веры в то, что мировая эволюция движется в этом направлении, лежит его метафизическая предпосылка, согласно которой мир начался с первоначального состояния покоя и небытия и что возвращение к этому исходному состоянию имманентно самому процессу эволюции. Это также означает окончательную победу разума над волей [2, 289].

Таким образом, если экзистенциальная концепция Гартмана очень близка к системе Шопенгауэра, то его взгляд на эмансипацию радикально отличается от представлений последнего. И в некоторых отношениях он вносит оригинальный и интересный вклад в эту проблему.

Во-первых, в отличие от вневременного взгляда Шопенгауэра на волю и существование, Гартман рассматривает проблему существования в исторических и эволюционных терминах. Это в сочетании с его идеей конфликта между волей, стремящейся увековечить существование, и развивающимся сознанием, которое видит насквозь иллюзорное обещание воли и стремится покончить с экзистенцией, делает потенциал осво-

бождения неотъемлемым от самого мирового процесса. Выражаясь несколько иначе, этот конфликт между волей и разумом развивается по мере роста сознания, наиболее развитого в человечестве. Гартман комментирует отрицание воли, о котором рассуждал Шопенгауэр. Он справедливо критикует идею Шопенгауэра о том, что отрицание воли происходит через обращение воли против самой себя. Это противоречит само себе, учитывая, что Шопенгауэр рассматривает волю как слепую силу с ее непрестанным стремлением и увековечиванием существования.

Безусловно, идея Гартмана о том, что фундаментальное бессознательное, изначальный элемент, лежащий в основе всего существования, состоит как из воли, так и из идеи или разума, и что последний развивается в ходе эволюции как сознание, предлагает правдоподобную основу для источника растущего противодействия воле и ее сохранению существования.

Вторая важная идея, связанная с вышесказанным, касается интеллектуального и культурного развития в ходе мирового процесса. Это означает, что по мере того, как большая часть человечества развивается в образовательном и интеллектуальном плане, все больше и больше людей могут осознать тот факт, что боль и страдание являются непоправимой частью существования, и могут видеть сквозь завесу иллюзии, которая заставляет нас верить в возможность прогресса и счастья. Другими сло-

вами, более высокое интеллектуальное развитие приводит к большему осознанию зла существования и отказ от рабства природе, которая увековечивает это зло.

Третий момент заключается в том, что, хотя деление человеческой истории Гартманом на три этапа не может рассматриваться буквально, в этом взгляде на историю есть доля истины. Это особенно верно, если мы посмотрим на его третью или текущую фазу, которую он рассматривает как фазу растущей секуляризации, то есть ослабления влияния религии на верования и мировоззрения людей. Очевидно, это создает благодатную почву для развития взгляда на мир, который считает существование морально и метафизически неприемлемым. И хотя представление о том, что большая часть человечества убеждается в бесполезности существования, кажется притянутой за уши, если не выдавать желаемое за действительное, нет никаких сомнений в том, что расширение глобальных коммуникаций объективно ведет к распространению самых экстравагантных экзистенциальных идей, которые непрерывно расширяют предметное поле философского дискурса.

В целом, скорее косвенно, чем прямо, Гартман предоставляет нам набор смелых и оригинальных идей, которые можно рассматривать как совокупность мыслей, в значительной степени заимствованных у Шопенгауэра, но также привносящих новые идеи, имеющие отношение к теории и практике отрицания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байзер, Фредерик К., *Weltschmerz: Пессимизм в немецкой философии, 1860-1900*, Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2016, стр. 147.
2. Гартман Э. Бессознательное в явлениях телесной и духовной жизни. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. — М.: URSS, 2019. — 322 с.
3. Moynihan, Thomas (17 November 2020). «Solve suffering by blowing up the universe? The dubious philosophy of human extinction». *The Conversation*. Retrieved 2 November 2021. — URS: <https://theconversation.com/solve-suffering-by-blowing-up-the-universe-the-dubious-philosophy-of-human-extinction-149331>.

© Филатов Вадим Валентинович (vadim.filatov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Alekhin A. – Dr. Med. Sci. Prof., head of the department of clinical psychology and psychological assistance, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Arov H. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Berg O. – Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Demchenko N. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Deng Hong – Senior Lecturer, Heihe University, Heihe, China

Emelyanova L. – candidate of psychological sciences, associate professor, Orsk Humanitarian Technological Institute (branch) of the Orenburg State University

Fedorov A. – Candidate of Medical Sciences, NIGHT IN "Synergy"

Filatov V. – PhD, associate Professor, Western branch of the Russian Academy of national economy and public administration, Kaliningrad

Garkol N. – PhD, Associate Professor, Altai State Pedagogical University

Glushchenko I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute

Grigorenko E. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Gubanova T. – Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Isagulova E. – PhD Psychol. Sci., head, Mental Health Clinical Center

Isakovich E. – Candidate of Sociological, Sciences, docent, Moscow Innovation University

Kuchin A. – Candidate, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Our authors

Kulova S. – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Kurovsky S. – Head of the Research Department, Higher School of Education LLC

Milekhin I. – postgraduate, Moscow Institute of Economics, Politics and Law

Mishin D. – Head of the Editorial and Publishing Department, Higher School of Education LLC

Nagiev G. – CSc in history, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MVA by K. I. Skryabin

Ogar E. – senior teacher, Nevinnomysskiy Humanities and Technical Institute

Palariani I. – Krasnodar State Institute of Culture

Pedich G. – postgraduate student, Moscow Innovation University

Petkov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Kuban State University (Krasnodar)

Ponomarenko O. – PhD, Associate Professor, Altai State Pedagogical University

Pshenko R. – postgraduate student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Sokolov I. – Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

Solovyova G. – CSc in Philosophy, St. Petersburg State Pediatric Medical University

Stanislavova I. – CSc in Philosophy, St. Petersburg State Pediatric Medical University

Verbitskaia E. – Postgraduate student, Saint-Petersburg humanitarian University of trade unions; sound engineer and sound designer, Theater-Festival «Baltic House»

Yanshina I. – Candidate of Historical Sciences, Diplomatic Academy at the MFA RF

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).